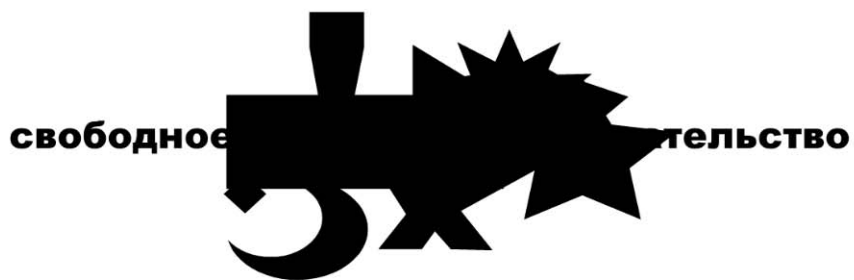

АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

МАРКС, МАРКС ЛЕВОЙ!

Алексей Цветков – писатель и активист. Родился в 1975 г. в Нижневартковске. Лауреат литературных премий Андрея Белого, Новая Словесность (НОС) и Нонконформизм. Автор книг «Поп-марксизм», «Король Утопленников», «Параллельные общества», «Суперприсутствие», «TV для террористов», «Анархия non stop». В 1990-х был ответственным секретарем газеты «Лимонка». В нулевых годах стал одним из основателей книжного магазина «Фаланстер» и редактором сетевого журнала Anarch.ru. Живёт в Москве и работает в книжном магазине. Его новая книга - об импульсах коммунизма, пронизывающих массовую и элитарную культуру, протестную политику, повседневность, частную жизнь каждого человека.

обложка - Олег Пащенко

свободное
марксистское
издательство

ISBN 978-5-98063-023-2

2015

<https://fmbooks.wordpress.com/>

1. НАШЕ

диалектик ильенков

Когда начался военный конфликт между Китаем и Вьетнамом, он рыдал у радиоприемника и отказывался общаться с кем-либо. Сартр мог бы написать о таком человеке роман, а Годар снять фильм, но они были слишком далеко.

40БЕ: АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Сын известного советского писателя, дружившего с Заболоцким, в войну дошел до Берлина офицером-артиллеристом и в первый же свободный час отправился поклониться могиле Гегеля. На фронте он заслужил два ордена и медали, но чаще показывал гостям папку с грифом «Только для фюрера», которую хранил как сувенир.

Между боями артиллерист читал «Феноменологию духа» по-немецки. Великая война была для него вооруженным конфликтом левого и правого гегельянства и у надгробия он поблагодарил философа за то, что наше гегельянство оказалось надежнее и подняло над немецкой столицей свой флаг, а не наоборот.

Гений это всегда продукт команды и результат конкретной политики. Немцы первыми ввели у себя государственный культ образования, основав гумбольдтовский университет в 1810 и стараясь таким «просвещением сверху» избежать немецкого аналога недавней французской революции. Прусский патриот Гегель вроде бы подтверждал успех этой стратегии, но большинство его учеников, как прямых, так и заочных, включая Маркса, оказались крайними бунтарями.

Германофилом Ильенков остался на всю жизнь: переводил Канта и Лукача, печатал свои книги на трофейной немецкой машинке, рисовал собственные

декорации к «Золоту Рейна» и лично знал в Москве всех стоящих исполнителей Вагнера, партитуры которого читал перед сном, чтобы привести в порядок сознание.

50БЕ: ТЕРМОЯДЕРНЫЙ ПОЖАР В УНИВЕРСИТЕТЕ

После смерти Сталина он преподает в МГУ и пишет собственную «Космологию». Из его фронтовой шинели, которую он так долго не менял на пальто, вышла целая «семья» лучших советских интеллигентов-шестидесятников, да и многие будущие диссиденты и эмигранты.

Чему он их учил? Внутренние противоречия — двигатель любого развития. Границы проходят внутри вещей и явлений и главным законом бытия, условием существования, является столкновение любого явления с самим собой. Так, например, человеческий дух раскрывается по-настоящему, только пережив ошеломляющий опыт встречи с собственной материальной причиной.

Ничто это наиболее общая форма Нечто. Пространство и время есть только способы перехода качества в количество.

Правильно и глубоко понять самую ничтожную часть мира означает понять всю нашу реальность целиком.

Но любимая идея Ильенкова — делегирование своего смысла как условие всякого проявления. Всё становится «собой», лишь покинув отведенные ему пределы и границы, как актёр в театре становится собой, только изображая другого. Человек становится человеком в результатах своей деятельности. Делегированное сознание лежит в основе политического представительства.

В наиболее общем виде такая логика приводит философа к тревожной идее, которую он не озвучивает перед студентами, но излагает в «Космологии»: окончательный смысл разумной жизни в космосе реализуется только после самоликвидации самой этой жизни и самого этого космоса. Смысл материального бытия открывается в термоядерном пожаре. Стопроцентный атеист Ильенков пишет марксистский апокалипсис, собственную программу конца света.

Остывание, замедление, угасание, энтропия, потеря силы — вот главный закон космоса. Разум появляется во вселенной как обратный энтропии процесс, как вызов фатуму, способный вернуть реальность к состоянию изначального плазменного взрыва и «перезагрузить» всю энергию космоса, не оставив ни одного атома на прежнем месте. Дать миру ещё одну «огненную юность». Человек есть уникальный инструмент самопонимания, самоуничтожения и самовозрождения вселенной. Освоение атомной энергии лишь первый намёк на нашу главную миссию — великое жертвоприношение, ради которого мы здесь.

Мало у кого с такой бесстрашной точностью выражен фаллический революционный пафос модерна, стирающего границу между мертвым и живым в акте созидательного разрушения. Космология Ильенкова возвращает нам пафос ведических гимнов — Шива, танцующий с огнем в многочисленных

руках, творит и сжигает миры бесчисленное число раз. Но место Шивы занимает человек бесклассового будущего, свободный от душеспасительных иллюзий и страха смерти. Человек как самая парадоксальная фигура атомного конструктора, рассыпающая весь конструктор ради возврата энергии в мир.

Студенты оттепельных времен, увлекавшиеся Рерихом и йогой, передавали машинопись «Космологии» друг другу. Именно ильенковская логика позволит математику и диссиденту Шафаревичу «разоблачить» коммунизм как тайный культ небытия и отрицания основ жизни.

Термоядерный пожар последней революции не мог понравиться и советской цензуре.

В Италии его книгу взялся публиковать Фельтринелли, известный у нас как первый издатель «Доктора Живаго». В Европе же Фельтринелли помнят как «красного миллионера», ненавидевшего капитализм и мечтавшего о мировой революции. На личной яхте он доставлял в Европу оружие из Магриба, чтобы создать «сеть городских партизанских ячеек», финансировал «Красные бригады» и в итоге подорвался на собственной бомбе. В текстах Ильенкова красного миллионера подкупило гамлетовское переживание бытия.

БОГЕ: КОММУНИЗМ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

Теперь его выпускают в Европу. Но даже там он курит только крепкие кубинские сигареты, потому что поддерживает тропический социализм, а не западные табачные корпорации. В танцующем и бунтующем мире 1960-х марксизм переживает второе рождение. 1968 год обещает необратимые изменения и на фабрике и в университете и в семье. Маркузе, Фромм, Адорно, Хабермас... Ильенков чуть ли не единственный с советской стороны, кто может дискутировать с ними на одном уровне.

Их богемным радикализмом так легко очароваться. С ними дружат сюрреалисты и рок-звезды. Их цитируют на митингах восставшие студенты. Они жонглируют феминистскими, структуралистскими и психоаналитическими словечками, сидя в модных кафе и рассуждая о товарном фетишизме, организуя наш внутренний мир по принципу супермаркета с его иерархией товаров или о культурной индустрии, которая присваивает любые протестные формы, но не сами протестные функции. Советский Союз для них это «деформированное бюрократами рабочее государство» или даже «государственный капитализм», который так и не стал социализмом и вынужден каждый день выдавать желаемое за действительное, приучая к дежурной лжи всех своих граждан. В любом случае, СССР прочно занял своё место в рыночной «миросистеме», уступив революционную роль маоистскому Китаю.

Но Ильенков не очаровывается даже втайне и всерьез спорит, выискивая смутные места в их красивых рассуждениях. Одной из фатальных ошибок нового поколения западных леваков ему видится противопоставление двух Марксов: молодого романтического гуманиста и позднего строгого экономиста.

Поздний Маркс исследовал главный источник отчуждения — противоречие между коллективным характером труда и частным характером присвоения результатов этого труда. Человек ходит на работу, которую ненавидит, чтобы купить вещи, которые ему не нужны и принести прибыль людям, которых он не знает. Невидимая рука рынка на вашем горле как анонимное насилие капитала. Именно это ощущение, что ты проживаешь не свою жизнь, в превращенных формах массовой культуры порождает культ зомби, из которых выкачали жизнь, условно живых мертвецов, а так же вампиров и злоеущих инопланетян, использующих нас в своих непонятных целях. Ильенкова смущало, что «новые левые» всё реже говорят о политэкономическом решении проблемы отчуждения, о глобальной экспансии рынка абстрактных стоимостей и всё чаще противопоставляют отчуждению художественное «остранение» в новом искусстве, обратно направленное автоматизму восприятия и поведения. В игровых формах нового искусства и контркультуры левацкая богема находила все то, чему не позволено состояться в реальности, что не может быть реализовано политически, все отложенные возможности и напрасные мечты. Так событие Революции подменяется местом Галереи.

Из МГУ его всё же вычистили за «извращение марксизма». Но это не помешало писать статьи для толстых советских энциклопедий и заниматься «наукой о мышлении». Это даже не помешало самым верным ученикам ильенковской школы приложить руку к новой программе партии.

К той части, которая про будущее. Рост потребления + воспитание нового человека + автоматизация труда дадут нам возможность достичь коммунизма. Устно добавлялось, что это можно сделать за 20 лет. Сфера общедоступного расширится настолько, что сфера «товарного» исчезнет, уступив научно организованному распределению всего и весь мир будет устроен как одна большая библиотека. Советская фантастика наконец станет реальностью. Состоится антропологическая революция, сдвиг всех отношений от конкуренции к симбиозу. Талант станет нормой, а бездарность — патологией. Продолжительность жизни, как рассчитал Ильенков, поднимется до 130 лет. В конце двадцатого века у человечества будут только два конкурирующих проекта модернизации — советский и американский. Немного утрируя, всем людям планеты придется сделать выбор и разделиться на советский народ и американский народ перед финальной битвой между ними.

Его внимательно читают Стругацкие периода «Трудно быть богом». Хотя полнее всего ильенковская космология проступит у них позднее, в «За миллиард лет до конца», где ученые понимают, что их наука с неизбежностью готовит конец света, старый мир магически сопротивляется и правильного выхода из этого нет.

Педагоги-новаторы, назвавшиеся «коммунарами», обсуждают с Ильенковым, как переделать школьную программу, чтобы воспитать за 20 лет новых людей. Гораздо раньше, впрочем, и «коммунаров» упразднят, и у Стругацких перестанут выходить новые книги, и в Европу таких, как Ильенков выпускать снова перестанут.

70ЛЕ: ВИДЕТЬ ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

После оттепели в безвоздушные брежневские годы общим настроением повзрослевших и постаревших мечтателей становится уход в частные практики: совершенствуй профессию, коллекционируй что-нибудь, учи язык и расти детей достойными и культурными людьми, а с коммунизмом там видно будет...

Ильенков поворачивает эту тему «малых дел» по-своему. Бывший сокурсник предлагает ему проверить собственную теорию сознания на практике в загорском интернате для слепоглухих детей.

Откуда берется личность? Из чего она собирается? Когда Ильенкова лукаво спрашивали, насколько процентов человек социален, а насколько биологичен, советский философ отвечал: «Социален на 101 процент». И значит, человек рождается на несколько лет позже своего физического появления на свет и обычно умирает несколько раньше физической смерти.

Сознание человека можно «спаять» так же, как радиоприемник, если иметь перед собой схему и понимать принцип действия. Ильенков любил собирать собственные модели магнитофонов и телевизоров, часами возился с паяльником и признавался, что именно в эти часы к нему приходят самые точные и оригинальные мысли. А если наскучивали железные детали, он занимался переплетным делом. Поврежденного человека можно заново переплести, как книгу. Идентичность это производство самого себя с помощью других.

Главное отличие человека от животных — способность пользоваться языком, но язык возможен только там и тогда, где человек научается смотреть на себя глазами других людей и, в конце концов, глазами всего человечества.

В загорском эксперименте это было воплощено буквально — научить детей «видеть» чужими глазами, а в самых сложных случаях воспринимать всю внешнюю информацию через окружающих.

Сотни раз он берет их руки в свои, прежде чем они сами смогут сделать элементарный осмысленный жест. Учит мыслить пальцами, чтобы освоить рельефно-точечное чтение и затем постепенно развивать устную речь.

День за днем Ильенков занимается со слепым мальчиком, чтобы развить у него музыкальный слух.

Они запомнят его волшебником, пришедшим к ним сквозь безмолвие и тьму, чтобы учить их превращать действие в жест, жест в знак, знак в слово. Волшебником, открывшим окно знания в их наглухо захлопнутой вселенной. Этой своей работой он гордился больше всего.

Четверо его слепоглухих воспитанников, благодаря ильенковским «сенсомоторным схемам», научились говорить, писали стихи, получили высшее образование и даже защищали научные работы по психологии и математике. Подобных результатов не было до этого нигде в мире.

Кухня Ильенкова в Камергерском переулке стала одним из самых интересных интеллигентских клубов застойных лет. Со всеми полагающимися-

ся бардами, актерами Таганки, кибернетиками, методологами, писателями-фантастами, изобретателями из провинции и заграничными гостями из партизанских движений третьего мира. Но сам Ильенков на этой кухне обычно больше слушал, чем говорил и перемигивался с изумрудным богомолем, жившим тут же, на цветах. Богомола философ считал самым грациозным из тех животных, каких можно завести дома.

Когда все уставали от бесед, на «ильенковских» самодельных магнитофонах слушали Галича или «Иисус Христос — суперстар».

К «дурной оригинальности» западной контркультуры, впрочем, хозяин кухни так и остался строг, страстно и старательно объяснял, что американские хиппи это социальная энтропия, остывание, согласие с уходом из Большой Истории ради личной иллюзии. Смысл оригинальности состоит вовсе не в том, чтобы изо всех сил выпячивать свою «от других отличность», а в том, чтобы лучше, чем другие, выразить Всеобщее. 1960ые в США это эпоха детей и результатов «розового» рузвельтовского «нового курса», т.е. социализации рынка, ставшей источником политического вдохновения для скандинавских стран и Канады. Но дальнейшего развития этот курс в эпоху «холодной войны» не получил и мировоззрение хиппи, при всей их крикливой цветастости и мозаичном мистицизме, стало живым выражением отказа от больших реформистских надежд. А вот в поп-арте и концептуализме Ильенков видел веселое презрение буржуазного человека к самому себе.

В семидесятых Ильенков берется за окончательное разъяснение проблемы «идеального». Идеальное как объективная возможность, скрытая внутри всех вещей, которая может реализоваться только с помощью разумной человеческой деятельности и сопровождающей её рефлексии. Самым наглядным примером идеального является стоимость товара. Идеальное как система понятий, а человек как способ осуществления понятий. Мышление как идеальная сторона нашего труда.

ПЕРЕПЛЕТНЫЙ НОЖ

В отличие от большинства своих собеседников (Зиновьев, Щедровицкий, Мамардашвили, Пятигорский), он никогда не пытался быть денди, скорее сохраняя некоторый внешний лунатизм, равнодушие к своему облику. А «длинноватую» прическу объяснял тем, что редко вспоминает о парикмахере.

Вагнеровский драматизм и контрастность, которые он так ценил в бытии, с годами проступили и на его собственном лице. Теперь он стал почти пенсионер. Но Ильенков ждал не пенсии, а коммунизма. И сделал для реализации партийной программы всё, что мог себе представить.

Новый человек не возникает. Отчуждения и опредмечивания стало не меньше, а больше. Товарно-денежные отношения не испаряются и советская государственная собственность так и не становится по-настоящему общенародной. Ценности не упраздняют цен, но скорее наоборот, уступают им. Официаль-

ные разъяснения о том, что при социализме цены товаров «справедливые», а при капитализме — нет, представлялись Ильенкову дремучим восточным убожеством, а не марксизмом. Следующий за революцией шаг к изменению общества так и не был сделан. Две волны мировой креативности — 1920-е и 1960-е остались в прошлом и сменились новым умственным спадом.

Философ чувствовал себя более не способным к производству смысла и продолжению космической войны с остыванием вселенной и рассеиванием первичного света. Впадал в чёрную алкогольную меланхолию, а вместо ответа на любой философский вопрос, всё чаще проговаривал свою любимую считалку про десяток негритят.

Его повзрослевшие университетские ученики покупали с рук джинсы и замшевые пиджаки «как у Сержа Генсбура», интересовались восточным мистицизмом и возможностью эмиграции и, конечно, посмеивались над ретроградным ленинизмом учителя и над его трогательной любовью к «Софье Власьевне». Для любого социального успеха нужны два базовых условия — структура и аудитория. Их учитель не находит вокруг ни того ни другого в нужном ему качестве.

20 лет ожидания коммунизма прошли и Ильенков, похоже, был последним, кто вообще об этом помнил и переживал это как личное поражение. Но прописанные ему советские антидепрессанты незаметно от семьи прятал под подушку.

Философ хорошо знал анатомию и перерезать себе артерию на шее ему не составило большого труда. Он сделал это переплётным ножом, который сам когда-то переточил из пилы. По законам диалектики любое орудие может превращаться в оружие, как рабочий может превращаться в солдата.

Захлебываясь кровью, он вышел из квартиры и рухнул на лестнице, в миниатюре совершив то, в чем видел конечную цель всей разумной жизни. Триумф диалектики бытия есть момент возврата к большому взрыву — плазменное самоубийство реальности. Мыслящий человек в своей разумной деятельности стремится воспроизвести всю существующую природу целиком.

Мне хватило бы только его биографии, чтобы объяснить кому угодно, чем был советский век и что вообще такое модернистский проект переделки мира и человека.

В этой татлинской башне скручиваются красный флаг над Рейхстагом — «зрение» слепых детей — нестерпимая атомная вспышка, заливающая небосвод — портреты Мао на стенах захваченной студентами Сорбонны — термоядерная перезагрузка мира через финальное космическое жертвоприношение.

По любимому ильенковскому парадоксу, полный смысл «советского» может открыться нам только сейчас, после того, как оно закончилось и остыло.

Мы не помним и никак не используем того, что было здесь не так уж и давно. И значит, мы заслуживаем всего, что с нами здесь случилось и случится.

марсианская кровь

1

В марте 1928 года студент-геофизик Колдомасов пришел в Институт переливания крови на Якиманке, прочитав статью Богданова об опытах с обменным переливанием. Он надеялся, что волшебная «трансфузия» поднимет его уровень работоспособности перед грядущей сессией. Богданов объяснил ему, что при обмене кровь омолаживается или «достраивает» человека до совершенства и «равновесия», которое само по себе в природе не встречается. Недавно студент перенёс туберкулёз. Богданов обещал, что его, устойчивая к туберкулезу, кровь пожилого врача избавит студента от этой болезни, а организм самого Богданова освободится от старых белков. Последние сомнения у студента развеялись, когда он узнал, что Александр Александрович делал себе уже одиннадцать таких переливаний за последние пять лет и всякий раз испытывал прилив сил и восстановление угасших способностей.

Для начала они обменялись литром крови. Но уже через три часа врачам института стало ясно, что кровь Колдомасова отторгнута и началось самоотравление организма Богданова. Глава института демонстрировал редкое равнодушие к смерти и диктовал собравшимся вокруг коллегам свои симптомы, требуя точной фиксации всех результатов опыта. Его агония длилась две недели. Он желтел, корчился в судорогах и умер от отёка легких и остановки сердца. Перед тем, как окончательно потерять сознание, завещал свой мозг Институту Мозга, работавшему по тому же адресу, за стеной.

Точная причина этой неудачи уже не станет известна. Сын Богданова подозревал, что отца отравили бертолетовой солью враги народа. Некоторые

коллеги склонялись к версии «научного самоубийства». Самое правдоподобное объяснение — у взаимных доноров совпала группа, но не резус, о котором тогда ничего не знали, и это привело к смерти.

Студент Колдомасов пережил похожие муки, но выжил. Кровь погибшего Богданова осталась в нём и, как и обещал экспериментатор, полностью излечила студента от туберкулёза.

2

После гибели Богданова в его Институте перешли от обменных переливаний к использованию консервированной крови. В истории медицины этот известный философ и профессиональный революционер остался основателем советской гематологии.

С начала двадцатых годов он самостоятельно ставит первые опыты по переливанию на самом себе в собственной квартире. Заручившись поддержкой своего давнего друга Бухарина, Богданов едет в Англию, чтобы купить необходимое оборудование и подробно знакомится там с британским опытом внутриартериального переливания, консервирования крови и её химической стабилизации. Продолжает опыты, сняв операционную в частной клинике, и наконец, получает от Наркомздрава разрешение на создание первого в мире Института Переливания.

Ближайшие задачи Института: изучение пользы «трансфузии» при интоксикациях, создание достаточной донорской службы, устранение всех форм малокровия, порожденных голодом, туберкулезом, малярией и просто старением.

Но главная задача всё же в другом — коммунистическое бессмертие общей крови, «физиологический коллективизм сочеловеков». При одновременном переливании у двух людей возникает на время единая кровеносная система. В перспективе всеобщая неделимая энергия крови не будет принадлежать больше никому персонально. Эта мечта преследовала Богданова вот уже двадцать лет. «Не половая физиологическая общность» даст развитие совершенно новых возможностей организации и приведет к появлению общего организма бесклассового человечества — доказывал он в давней своей работе «Борьба за жизнеспособность».

«Трансфузиями» он успешно вылечил своего сына от нескольких хронических болезней. Богдановские переливания помогли сестре Ленина Марии Ульяновой избавиться от фатального диагноза. Попробовал их на себе и нарком Красин. Он обсуждал с Богдановым научные аспекты физического воскрешения людей в будущем и именно так объяснял необходимость ленинского мавзолея.

Институт, создать который распорядился лично Сталин, некоторым образом устранял Богданова из активной политической жизни, отправляя его в мир экзотической мечты. Ведь ещё недавно он создавал Коммунистическую

Академию, руководил Пролеткультом и редактировал переводы Маркса и Энгельса на русский. Но время пафосных утопистов заканчивалось на глазах. Через несколько лет «марсианин», как называли его в партии, неизбежно попал бы в мельницу репрессий.

Теперь он был занят только тромбоцитами, лимфосаркомой, свертываемостью, гепатитом и костным мозгом своих пациентов и доноров. Но убеждая их в благотворности одновременных переливаний, он объяснял каждому азы своей теории.

Только в бесклассовом будущем человечество сможет осознать себя как вид по-настоящему. При капитализме это видовое единство впервые проявляется через мировой рынок, к которому каждый имеет отношение как производитель стоимости и потребитель товаров. После мировой революции вид проявляет общность через единый планетарный экономический план. Но только через единство крови видовая солидарность коммунистических людей будет закреплена окончательно в «физиологическом коллективизме».

Цель Богданова — изменить сознание людей с помощью физиологической революции, новой формы единства. Не столько в том прямом смысле, что обновленная кровь влияет на мозг, сколько в том, что сам ритуал переливания сообщит каждой личности о её могуществе и ответственности перед остальным человечеством. Только тогда наступит настоящая свобода от индивидуальной замкнутости, для которой больше нет причин т.к. экономическая конкуренция уже не лежит в основе социальной жизни. Произойдет окончательная победа симбиоза над конкуренцией, воплощенная в общем фонде живой крови.

3

С психоаналитической точки зрения утопия Богданова есть желание максимально расширить семейный, кровно-родственный круг комфорта. Внутри семьи товарно-денежные отношения обычно стремятся к минимуму, поэтому и стоит повязать всех общей кровью.

С точки зрения либеральной критики, Богданов — интересный оппонент европейского гуманизма. На Востоке, там, где личность недостаточно выражена и востребована, люди вечно будут противиться охране прайвеси и границам частной собственности. Они будут строить утопии «великой семьи», где сама граница между людьми проницаема с помощью двух игл и резиновых трубок. В идеале все связаны со всеми единой капельницей.

Конечно, проект Богданова рифмуется с «оргонным излучением» Вильгельма Райха и другой головокружительной фантастикой мирового большевизма. На пролеткультовских диспутах под руководством «марсианина» обсуждалось, смогут ли люди, свободно развиваясь, превратиться в разумный свет, обратный энтропическим процессам? Приближает ли нас планетарный язык «эсперанто» к этим временам «лучистого человечества»? Чело-

веческий труд, в самом общем виде, это способ удержать на земле, сохранить и преобразовать ту солнечную энергию, которая без нашей цивилизации просто рассеялась бы в космосе. Отсюда делался смелый вывод о том, что и целью самой человеческой цивилизации является превращение людей в разумный свет, создание наиболее оперативной и бессмертной формы разума. Появление мыслящей энергии, которая не иссякает. Преобразование света солнца в бессмертную и всемогущую мысль, не скованную и не ограниченную ничем. Цель людей -- появление у вселенной чистого разума.

Общий пафос двадцатых годов это понимание мира как системы вещей. Каково наше отношение к этим вещам? Присвоение, обладание и обмен на другие вещи доступны всем. Отраженное переживание (искусство) и новое понимание (наука) вещей всегда были доступны только элите. Наступает время сделать элитой всех. Для этого нужно перестать демонизировать и проклинать свою материальность и сделать свой организм по-настоящему управляемой и по-настоящему социальной вещью.

4

Богданов был блестящим спорщиком. Полемизировал с Бердяевым и «Вехами», остроумно называя последние «покаянным сборником поумневших под кнутом реакции русских либералов». Глубокий политэконом, он идеально изложил эту доктрину для рабочих в коротких брошюрах. Золотой медалист и врач по образованию, считал капитализм возрастным атавизмом общества, который можно и пора вылечить. Из народников после университета скоро перешел в марксисты. Дальше биография стандартная: тюрьма — ссылка — заграница. В тюрьме он пишет о связи между одиночным заключением и властью моноидеи над человеком. В эмиграции дружил с Луначарским и Горьким и даже основал вместе с ними на Капри «Школу пролетарской культуры».

Эта «школа» негласно конкурировала с ленинской, созданной во французском Лонжюмо, и Ленин, считая Богданова одним из главных партийных философов, всё же нещадно критиковал его и за левацкие перегибы прозвал «ультиматистом». Внутрипартийный спор с вождем о том, нужно ли участвовать в работе Государственной Думы, быстро перерос в философский диалог об отношениях материи и сознания.

Что такое материя, базовая основа мира или относительный «конструкт», постоянно изменяемый горизонт нашего ангажированного знания? Для Богданова любые знания всегда и полностью историчны, это организованный групповой опыт и нет никакого «на самом деле», точнее, оно нам попросту недоступно. Предел точности любой истины зависит в итоге от производственно-обменных отношений эпохи. Для Ленина — у нас есть доступ к объективной внеисторической истине мира. Эта истина заключена в неизменных законах диалектического развития и они постижимы.

Диалектика Богданова акцентирует связь всех явлений действительности, а ленинский пафос прежде всего ищет их главный конфликт и взаимное отрицание.

Вернувшись в Россию, Богданов работает врачом на фронте в 1914ом году и окончательно убеждается там в необходимости массовых переливаний крови.

После революции, на высоких должностях в сфере культурной политики большевиков, он разрабатывает собственную «организационную науку» — тектологию, один из прообразов кибернетики. Её суть — избавление от хронических познавательных противоречий.

Отношений между психическим и физическим миром не понять, если не держать в уме, что главный закон нашей истории — растущая организованность жизни. И отдельные сознания и большие информационные системы (организации, классы, сообщества) стремятся к равновесию между внутренними и внешними раздражителями и пытаются устранить препятствия на пути к таким равновесиям. Это приводит на всех уровнях к бесконечному отбору жизнеспособных систем и потере нежизнеспособных. Для объяснения парадоксальных взаимоотношений разных систем, Богданов выдумал собственные термины: «ингрессия», «эгрессия» и «дегрессия».

5

Впервые он описал свою мечту о «товарищеском обмене кровью» сразу после первой русской революции в фантастическом романе «Красная звезда». Землянин влюбляется в марсианку и попадает на её далекую планету. Основной закон на коммунистическом Марсе таков — давать другим больше, чем берешь у них. Тех, кто дает меньше, чем берёт, называют «вампирами» и «живыми трупами».

Одним из источников вдохновения Богданова была розенкрейцеровская утопия Джакомо Казановы («Икозамерон») о «мегамикрах» — недоступных нам, простым смертным, жителях полый земли, которые летают внутри планеты на своих крылатых лодках. Все жители полый земли — андрогины, они двуполы и никогда не испытывают голода потому, что у каждого из них есть женская грудь и они всегда готовы накормить друг друга молоком. Их двуполость обеспечивает им единство, они все — не просто «большая семья», но почти что один организм, хоть и условно разделенный. Среди марсиан Богданова так же царит бисексуальная стертость полов и коммунистическая полигамия. В их языке вообще нет мужского и женского родов. Марсиане, чтобы омолаживать и оздоравливать друг друга, постоянно меняются кровью, переливая её. Сознание утописта нащупывает что-то, что разобщает людей на более глубоком уровне, нежели частная собственность. Частная собственность оказывается следствием разделения на мужское и женское, которое должно быть снято в утопии, и вообще неравенство и конкуренция коренятся в разделении людей на отдельные тела. Молоко Казановы это всё

же коммунизм общего удовольствия, но Богданову нужен коммунизм общей физиологии, общего тела, неделимой энергии в общей венозной системе бесклассового народа «сочеловеков».

Богданов — один из первых идеологов искусственного интеллекта. У марсиан есть мыслящие машины. Они непрерывно обрабатывают данные и фактически заменяют марсианам правительство, составляя общий план их жизни. Этот рукотворный разум, выполняя роль пастыря в Небесном Иерусалиме, производит для марсиан и новые термины, понятия, слова. У Казановы всё было проще — язык «мегамикров» волшебный, потому что это язык Адама до грехопадения и кто знает его, тот способен магически управлять всеми вещами.

Загруженный в машину марсианский интеллект есть всеобщий и чистый Разум, отдельный от коллективного тела. В «Матрице» и «Терминаторе» похожая ситуация превращается в военный конфликт между автономным духом машин и общим телом человечества. Коммунизм машин начинает революционную войну против старого мира людей. Разумный инструмент восстает против глупого создателя. Но в утопии Богданова нет такого противоречия. Править и служить — одно и то же в новом бесклассовом обществе, мозг которого автономен и не принадлежит никому. К тому же, восстание машин исключено по той причине, что они не имеют врожденного инстинкта жизни и им всё равно, существуют они или нет.

На бесклассовом Марсе есть телевидение, космические корабли на ядерных реакторах и «объемное кино». Пессимистичным ответом на «Красную звезду» станет «Аэлита» Толстого, где сходные по техническому развитию марсиане, запутавшись в войне цивилизаций, угасают в наркотическом дыму, и никакая революция уже невозможна.

У богдановских марсиан огромные глаза и треугольные головы. Но чтобы не выделяться среди людей, на земле они носят маски с местными лицами, решая между собой, есть ли у нас шанс развития или мы — тупиковая ветвь, которую нужно безболезненно отсечь и забрать себе эту планету со всеми её ресурсами? Этот вопрос явно отсылает нас к Уэллсу, «марсиане» которого в «Войне миров» были простой иллюстрацией британского империализма, обращенного против самих британцев, т.е. вывернутого наизнанку. Вернувшись с Марса, герой «Красной звезды» чувствует невыносимую космическую ностальгию. В 1920 году Богданов пишет поэму «Марсианин, заброшенный на землю». Одним из первых он воплотил в своей фантастике эту новую форму интеллигентского нарциссизма: я заброшен сюда с другой планеты и мучаюсь среди вас воспоминаниями о лучшем мире, меня пославшем. Потом в литературе это будет повторяться десятки раз: «Пхенц» Синявского, «Трудно быть богом» Стругацких и вплоть до песни «Бухгалтер Иванов» группы «Бахыт Компот».

Ленин считал его латентным идеалистом, так и не изжившим в себе до конца некоторых мистических настроений. В 1926 году, получив разрешение создавать Институт, Богданов решил, что настало время для реализации собственного «марсианского проекта».

Предельную востребованность Институт пережил во время войны. Впрочем, он почти дожил и до наших дней. В последние годы там случились активные сокращения и закрытие большинства лабораторий. Государство, исходя из рыночной логики, сократило всё «не эффективное», т.е. не прибыльное. Пикеты и подписи сотен медиков, как всегда, ничего не дали. То, что осталось, превращено сейчас в службу предоставления коммерческих услуг. Обследование там стоит около тысячи долларов.

СКВОЗЬ СИНИЕ СТЕКЛЫШКИ НИГИЛИЗМА

Бледный, с нервно сжатым ртом, в синих кругленьких очках, переодевшись офицером, он гулял среди полицейских, рыскавших в его поисках, и сочувственно расспрашивал их о том, кого здесь ловят. Под этими очками таился памятный столь многим «подчиняющий взгляд», как будто люди были для него лишь безвольными экспонатами музея.

Сын крепостной и сильно пьющего мещанина, подростком Сергей прислуживал в полотерах и официантах на купеческих банкетах и свадьбах фабрикантов. Но всё свободное время проводил в провинциальной библиотеке, составив себе план самообразования. От чтения мальчик отрывался только для сна и игры на флейте. Окружающих он рано начал считать за «сонных свиней», но одновременно мечтал радикально переделать человека, начав с самого себя.

Незаурядные способности и поразительное упорство откроют Нечаеву дорогу к учительской должности и в столичный университет, где он штудировал Прудона и Гегеля. Учительствуя, он параллельно осваивает переплетное, токарное и плотницкое ремесло, чтобы лучше понимать «мужика» через его труд.

В университете он «остро заманчивый» Мистер Таинственность и Мистер Ниспровергатель, который не говорит, а спрашивает и не отвечает, а раздает приказы: «показать, что студенты это не манная каша!». Именно он стоит за шумными студенческими сходками 1869 года, запрещенными правительством. Скрываясь от преследований, зачинщик с поддельным паспортом едет в Европу, к звездам политэмиграции. Герцена испугал его магнетический взгляд, а вот Бакунин (не путать с мелкобуржуазным беллетристом на-

чала 21 века) был загипнотизирован и называл гостя «верующим без бога». От Огарева Нечаев получил для своей борьбы изрядные деньги, которые выделяли беспокойным эмигрантам русские же помещики «на всякий случай».

Он пишет свой «Катехизис», мечтая о «вольном коммунизме» и «мужицкой революции против чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации». Любимая его идея -- превратить себя и других в инструмент максимальной разрушительной силы. Главный «кейф» этого -- нет больше никаких моральных обязательств ни перед кем из «обреченного общества» и единственный критерий оценки всего — успех нигилистического дела. Натравить народ на «попов, купцов и жандармов», а что делать дальше, когда Империя рухнет, решит уже следующее поколение мечтателей, которому будет суждено строить, а не рушить.

Из Европы он рассылает свою «Народную расправу» самым благонамеренным и уважаемым лицам в России, чтобы столкнуть их с полицией и посеять хаос в их домах. В журнале предлагается истреблять способных и образованных чиновников, оставляя в живых наиболее грубых и жестоких, т.е. приближать массовое возмущение через отрицательную селекцию.

Вернувшись в Москву под фамилией «Павлов», он создает из впечатлительных студентов конспиративную сеть «пятерок», общим числом около ста человек, с тайным штабом в книжном магазине Черкесова на Большой Лубянке. Лидер делит своих людей на разряды по степени проверенности и составляет списки живых мишеней грядущей «расправы». Вербуя новых сторонников, «Павлов» блефует, утверждая, что к ним примкнуло уже много тысяч человек и общее восстание буквально на носу. Посылает писателя Прыжова, хорошо знавшего все московские значные места, агитировать среди проституток и воров. Проституток предполагалось использовать для шантажа «высокопоставленных скотов». Но это дело не задалось, как и попытка распропагандировать тульских рабочих-оружейников, чтобы обзавестись порядочным арсеналом.

Пора проверить, насколько у «собак Павлова» выработался революционный рефлекс. В парковом гроте нечаевцы убивают своего товарища Иванова, который посмел завидовать славе лидера и сомневаться в его полномочиях. После убийства, скрыть которое не вышло, Нечаев бежит в Женеву, где возобновляет издание основанного Герценом «Колокола», а личные деньги добывает, рисуя рекламные вывески салонов и гостиниц, которые выходят у него весьма изящно и пользуются спросом. Кроме того, он пытается обложить «тайным налогом» богатых туристов на курортах женевского озера. Но это даже для его покровителей-эмигрантов оказалось «несколько слишком».

Выдан в Россию швейцарскими властями. Суда не признавал и от адвоката отказался. Достоевский внимательно следил за этим открытым процессом и с отвращением вспоминал молодость, когда и сам он состоял в похожем тайном обществе. В «Бесах» Нечаев выведен как Верховенский, а Шатов как «принесенный в жертву делу» студент Иванов.

Между заседаниями суда, жандармский офицер, рискуя должностью, бил арестанта и выкручивал ему руки, столь возмутительным было его поведение. Студенты в зале рукоплескали своему герою. С эшафота он кричал всем: «Скоро тут будет гильотина народной революции!».

Царь лично распорядился заменить двадцатилетнюю каторгу пожизненным заключением в Петропавловке, где Нечаев и провёл свои последние 9 лет. Со стороны революционеров последовал скорый и «асимметричный» ответ — убийство императора, в подготовке которого Нечаев принимал прямое участие, несмотря на заключение в крепость. Как такое стало возможным?

Охранять политических отбирали самых морально стойких и твердо верующих военных. Смысл жизни православного человека — поиск встречи с Христом. «Заключенный №5» быстро стал для «низших чинов» крепости если не Спасителем, то героем-мучеником и аскетом уж точно. Нечаевское презрение к своей участи и верность избранному пути помогли им почувствовать себя внутри Евангелия. Более двух десятков караульных передавали его зашифрованные записки народолюбцам, выполняли все поручения и даже устроили арестанту в равелине встречу с Желябовым — лидером нового поколения нигилистов.

Нечаев хорошо понимал, что такое христианство. В этой религии бог совершает невозможное. Становится своим собственным творением, отказывается от власти и полномочий ради судьбы политического заключенного, который будет казнен. Сам пишет себя с маленькой буквы и сам себя зачеркивает крестом. Русское слово «бог» означает «дающий». Отсюда «богатый» -- тот, кто что-то получил и «убогий» -- тот, которому ничего не дали. Но в христианстве бог отдает самого себя, извиняясь перед собственным творением таким радикальным образом. Бог выбирает вовлеченность и случайность вместо запредельности и вечности. Отказывается от абсолютного знания ради человеческой свободы говорить с другими, ждать ответа в саду, быть преданным в храме и распятым на горе. Распахнуть руки, прибитые к дереву познания. Распахнуть их навстречу свободе каждого из нас. Навстречу твоей свободе выбирать то, что возмутительно, противоречит здравому смыслу, не задано «условиями», не содержится в почве и не ведет тебя к личному успеху. Солдаты из крепости, знавшие Евангелие, были уверены, что люди не предадут своего Спасителя во второй раз.

Генерал Потапов посетил узника, чтобы склонить к сотрудничеству, но вышел от Нечаева с разбитым в кровь лицом. Откуда было генералу знать, что заключенный всерьез обсуждает с караулом восстание всей крепости и захват царской семьи в Петропавловском Соборе? Удивительно, что ни один из караульных, оказавшихся в итоге на каторге, не отрекся от Нечаева в суде, чтобы облегчить себе наказание. Арестант раздал им новые имена и навсегда наполнил их жизнь настоящим смыслом.

После разоблачения этого, последнего нечаевского заговора его почти перестали кормить, совсем не выдавали ему книг, и через несколько недель он

умер от цинги, заживо превратившись в скелет. Последнее, что делал он в жизни, прожитой по собственному «Катехизису», — выцарапывал на стене протестную прокламацию.

Российская Империя времен «русского викторианства», воображаемая многими теперь по «Статскому советнику» Б. Акунина (не путать с самым известным тогда в мире анархистом) была страной согнутых в поклоне спин, самоварной обстоятельности, бородатой рассудительности и лояльных тавтологий. Такая Империя мало нуждалась в личностях. Вместо человека в ней бытовал «покорнейший слуга». И нечаевское превращение людей в нигилистические машины политического разрушения стало обратной стороной такой Империи. «Покорнейший слуга» наизнанку оказался абсолютным бунтарем без позитивной программы, готовым валить всех идолов до тех пор, пока мир не опустеет.

Самый близкий Нечаеву из нынешних киногероев это Бэйн в нолановском «Бэтмане». Он реализовал всё, о чем мечтали нигилисты, и даже говорил на том же самом языке предельного равенства. В основе такого радикализма лежит ненависть к жизни как таковой. Революция нигилистов служит Танатосу, почти не скрывая этого. И тогда черный флаг Бакунина означает безбрежный океан Его Величества Небытия.

За риторикой передела собственности и расширения прав неслышно тикает адская машина, готовая уничтожить всех, а за «народным самоуправлением» скрыт безжалостный харизмат, который и есть острие нашей ненависти к самим себе и своей цивилизации.

Маркс осуждал «нечаевщину» за авантюризм, а вот Ленин и Мао находили его опыт весьма полезным. Сейчас о нём помнят только преподаватели истории, да европейские «автономы», практикующие ночные поджоги дорогих авто и анархизм в сквотах.

Он в демонической пролётке
Крылато мчится по столице
Весь взвинчен мыслями о бомбе
Ему не спится

Он пролетает мимо крепости
И чувствуя, что крепость ждёт его
Он скалится её нелепости
Ему смешно

Весь этот город представляется
Одним железным механизмом
В нём всё шевелится/качается
И нужно для социализма

Его фамилия Нечаев
Он поворачивает ключик
И пролетарий отзывается
Такой могучий

Поют детальки механизма
И люди — буквы на страницах
Прозрачной ночью нигилизма
Злой стрёкот в спицах

Несут колёса пассажира
Он едет в книгу Достоевского
Сюда он послан Комитетом
Сойти посередине Невского

с днем рождения, вождь!

ПЕСНИ

Школьный Ленин с пионерских значков волновал меня мало и пели мы в актовом зале про вечную молодость вождя довольно механически. Советская рутинизация его харизмы не позволяла ничего почувствовать в пустом и общем ритуале, пока я не вырос, а ту школьную песню не спел Егор Летов в кровавом 1993-ем. Да, голос Летова мог наполнить драматическим электричеством любой текст, но тем важнее, что именно Летов выбрал для воскрешения в тот баррикадный год.

Ещё была песня Натальи Медведевой о том, как Ильич слушал в дадаистском кабаре «Вольтер» Тристана Тцару. Я начал с неё свою первую радиопередачу и даже придумал термин. «Про Ленина» -- говорили мы в 1990-х, если в чьей-то песне слышалось опасно много пафоса. Не важно, о ком шла речь — «Пинк Флойд», «Министры» или Ник Кейв.

ПОРТРЕТ

Мне нравится пристальное фото, с которого вождь смотрит тебе прямо в глаза с явным ожиданием твоего отчёта и самокритики. Но я понимаю, что ни один портрет не открывает никакой «внутренней сущности». Скорее наоборот, мы считаем запечатленное лицо выразительным, если нам удаётся экранировать на него собственные желания, надежды и страхи. О чём я думаю, глядя черно-белому Ленину в глаза?

Чего от него ждали? Научно управляемой экономики дара, а не обмена, национализаций, обобществлений и рабочей власти. Общества, в котором неравенство тает, нет нищих, неграмотных и бездомных, как нет и аполи-

тичных мещан, а также самовлюбленных буржуа. В мировом масштабе ждали сбрасывания с поверхности планеты всей паразитической кровососущей олигархической элиты. Верили, что труд теперь станет добровольным выбором, перестав быть библейским наказанием за первородный грех. Ленин означал конец логики анонимного насилия капитала и начало новой логики солидарности всех, кто работает.

Кто ждал от него всего этого? Все вальтеры бенъямины мира -- университетские умники и скандальная богема, все павлы власовы -- героини рабочего класса из боевых профсоюзов, все безземельные крестьяне на чужих полях и безвестные солдаты в окопах. Все те, кто «в найме», а не «в доле», все, кто вынужден продавать хозяину не свои руки, так свои мысли, все, кто без работы совсем, а так же те, кому отвратителен удушливый рыночный мирок «экономических человечков» с их печально маленькой судьбой и лживой моралью.

Ленин был одним из самых поразительных результатов интеллектуального подъема, случившегося в нашей стране столетие назад. Никогда в России, ни до ни после, не жило столько самостоятельных и оригинально мыслящих людей. По законам диалектики, большинство великих людей этого подъема отрицали общественную систему, породившую их, и формировали контрэлиту. Под стук вырубки вишневых садов и славянские марши увеселительных духовых оркестров Циолковский паял свои первые ракеты, чтобы отселиться с Земли, Блок записывал гностические стихи под диктовку незримой Софии, а В.И. Ленин успешно воспитывал в эмиграции пролетарских революционеров, уверенных в том, что однажды всё, созданное всеми, станет доступно всем, как доступен нам всем язык, на котором мы говорим и думаем — общая собственность, результат и орудие труда одновременно. Слова позволяют нам чувствовать себя свободными от условий. И в этом смысле тоже язык является обещанием нашего освобождения.

Русский авангард и русский большевизм -- вот самое ценное, что мы дали человечеству. И если авангард стал «интересным» дизайном в кабинетах западных офисов, то большевизм послужил технологией национального освобождения и мобилизации масс в бывших колониях и странах мировой периферии -- Индокитае, Африке и Латинской Америке. В Индии я видел маленькие сельские памятники Ленину в гирляндах цветов. Там он похож на Кришну.

СЕГОДНЯ

Чему сегодня могла бы поучиться у Ленина наша оппозиция, даже если она и не разделяет его «утопических» идей? Ну, например, мужской серьезности в сопротивлении. Большинство известных мне оппозиционеров рассуждают в шантажистской логике женской истерики: мы устроим мхатовскую сцену с элементами карнавала, битьем посуды и художественным визгом и нам, конечно же, пойдут на уступки, потому что на самом деле нас любят, ценят, нас

боятся потерять и без нас тут «они» никак не смогут обойтись. Мы, вообще, лучше, что тут есть, и «они» это чувствуют. Просто «они» грубы и давно не видели нас в гневе. И мы, конечно, ещё долго будем делать вид, что оскорблены, не довольны и не так-то просты, пока не добьемся, чтобы всё тут, вокруг нас, сделалось прекрасным и удобным, «как в Европе», за что нам в итоге будут благодарны вообще все.

Вместо уступок власть показывает свою мужскую решимость прекратить надоевшую истерику. Она заткнет рот, свяжет руки, запретит, привлечет и лишит свободы кого угодно, вне зависимости от того, что этот человек о себе думает. «Они» преувеличенно применяют силу, чтобы прекратить этот женский спектакль и вызвать настоящий испуг. «Вы нам не нужны» -- вот главное сообщение нынешних политических репрессий.

Нарциссической позе протестного «демонстранта» Ленин всегда предпочитал классовую логику профессионального революционера, готовящего народное восстание. Он знал и учил, что с серьезным противником можно говорить только на его языке и в его же мужской логике. Силу не «демонстрируют», а применяют. Для победы нужно не «Гамлета» вслух читать, а конспектировать Клаузевица.

ТЕКСТЫ

Сначала были «Государство и революция» и Ленин из насквозь анархистского «Усомнившегося Макара» -- вождь, который пишет: «Наши учреждения — дерьмо, а иные наши товарищи стали сановниками и работают как дураки».

Потом, в 1994-ом, неожиданно для себя, я написал манифест для газеты молодых коммунистов «Бумбараш». О том, как «низвергнутый» Ленин становится живым паролем нового сопротивления. Это был жест политического воображения. Упоминались разбитые витрины и горящие машины. Немногочисленной левацкой молодежи нравилось, а вот «красные» постарше публично журили меня за хулиганский уклон. Ленин над моим манифестом был напечатан с высоким панковским ирокезом. Тогда нам нравилось представлять деревню Лонжюмо психоделическим курортом для сверхлюдей.

Систематически я начал читать его, как только Ленина вышвырнули из библиотек и перестали преподавать в школах и ВУЗах. Пока мои сокурсники обсуждали Карнеги и Кастанеду, я наслаждался полемикой вождя с Мартовым, Богдановым и Троцким или следил за ленинской диалектикой различения материальных и идеологических отношений, самым наглядным примером которой является разница между «стоимостью» (материальным фактом экономики) и «ценой» (идеологическим выражением в денежной символике).

Ленин предлагал расковать цепи ложных рассуждений и невидимого господства, найдя в них слабые звенья. Перековать эти цепи в гвозди и пули, полезные для коллективного строительства и борьбы. Наиболее внятно

для своего времени он объяснил и показал, как именно «класс для других» превращается в «класс для себя». Большевизм стал новым рецептом мобилизации народа не против внешнего заграничного врага, но против врага внутреннего — паразитического класса и его идеологических агентов. Идеология оправдывает прежние отношения, революция же изобретает новые. Большевизм отличался от классической социал-демократии как умножение политических волей отличается от простого сложения голосов.

Ленин показал себя мастером той страстной политической науки, для которой гораздо важнее «зачем?», а не «почему?» происходит событие. Цель, а не причина.

У всего есть цель. Всё летит как стрела, желающая поразить свою мишень и тем оправдать себя. Если это почувствовать, Ленин перестаёт быть «тираном» и «экстремистом». Но не все стрелы одинаково метки. Не всё будет равно оправдано. В вопросе о политической насильи Ленин объяснял, что его нельзя ставить умозрительно: «Ты за насилье или против?». Мы уже живем в мире, основанном на насильи и выбора у нас нет. По-настоящему политический вопрос: «Чье насилье оправдано? С кем ты готов разделить ответственность в решающий момент, когда просто быть «против насилья» станет уже невозможно даже и на словах?»

-- И что же такое, по-вашему, «диалектический материализм»? – спросил меня на экзамене преподаватель философии, узнав о моем немодном увлечении.

-- Это лучший способ узнать цену любой метафизики.

Профессор усмехнулся и поставил мне «четыре». Он был поклонником Генона и «новых правых».

МАВЗОЛЕЙ

Промозглым вечером, пятнадцать лет назад, мы с моим товарищем увидели на улице сноп красных гвоздик в стеклянном ящике, тихо озаренном изнутри свечами. Он сиял как мираж в черной сырой Москве. Около ста цветов. Их продавал сильно замерзший парень. Мы купили у него всё, чтобы завтра возложить к мавзолею. «А что, неплохо жили» -- подыграл нам (или что-то вспомнил?) счастливый продавец, узнав, кому цветы. Но сначала, до утра, их нужно было доставить в нацболовский бункер и дать им воды. И я радостно и с трудом обнимал в машине этот упругий, хрупкий, почти неохватный, пахнущий строгой свежестью, ослепляющий, самый большой букет в моей жизни. Зная, что и запомню это на всю жизнь.

Дочку я повёл в Мавзолей, когда ей исполнилось шесть. Через четыре года выяснилось, что она всё забыла и я повёл ещё раз. «Это человек, который делал невозможное, добился своих главных целей и ничего не хотел для себя», – сказал я ей перед тем, как мы вошли в темный зал со светящимся человеком, на которого она смотрела, не мигая. «Он показал верблюду игольное

ушко!» -- добавил я, когда мы вышли к кремлевской стене, и дочка понятливо засмеялась. Я не знаю, как она будет относиться к Ленину, когда вырастет. И мне это не очень интересно. Сама составит мнение. Я не могу предсказать событий её жизни, из которых это мнение «возьмётся».

Сделать ещё одну революцию «по-ленински» уже не получится. Слишком сильно изменился и способ производства и характер присвоения, всегда задающие как форму власти, так и почерк сопротивления.

И всё же твои ошибки окажутся для следующей русской революции важнее банальной «правоты» твоих критиков. С Днем Рождения, Вождь! Ничего не закончено... «Конкретный анализ конкретных обстоятельств».

90 лет в мавзолее

Иногда мне кажется, что его хотят похоронить почти все. «Перезахоронить». И даже соцопросы это подтверждают (70% против 30%). Этого хочет сентиментальная православная общественность и либеральная интеллигенция постарше, которая устала стоять в очереди в мавзолей ещё в юности. И их дети -- хипстеры помоложе, которым «как-то странно сидеть в кафе в двух шагах от здания, где лежит труп, ну или, чуть мягче говоря, мумия вождя».

Сидеть в кафе, например, в Музее имени Пушкина, где тоже есть мумия, и даже не одна, никого не смущает. С формальной точки зрения мавзолей это музей, а Ленин -- экспонат. И формально вождь, конечно, захоронен, т.е. лежит ниже уровня грунта, как и в любом кладбищенском склепе. Значит, дело всё же не в отвращении к трупу или боязни мумий, а в том, что присутствие вождя — слишком сильный знак, травматически напоминающий всем о семи десятилетиях красного эксперимента и упованиях миллионов на новый мир, принципиально отличный от нынешнего. «Перезахоронить» означает стереть наконец этот знак, избавиться от стигмы, забыть о трагическом отклонении истории и признать, что мы полностью вернулись к цивилизованной «нормальности».

Тем интереснее, кто, собственно, против? Из кого сегодня состоит меньшинство? Для кого этот знак продолжает жить? Я знаю четыре группы таких людей:

Во-первых, красные патриоты. Прежде всего это трогательные советские старики, но не только. Электорат Зюганова и аудитория Проханова гораздо шире. Ленин для них — творец небывалой доселе, беспримерно эгалитарной

сверхдержавы, в которой равенство было важнее свободы, никто не мог принадлежать себе и все были слиты в одной коллективной миссии. Такая логика исключает аргумент «Ленин и родственники не хотели мавзолея». Вождь тоже никогда себе не принадлежал. Ленин как автор собственного проекта модернизации, в котором роль элит должна была постоянно снижаться, а роль масс — неуклонно расти. В цехах и на площадях организуя массы в правильный индустриальный орнамент, партия Ленина наделяла эти массы единым делом и единым сознанием. В такой оптике Ленин это прежде всего предтеча Сталина и антитеза историческим героям белых патриотов, ну, например, Александру Третьему с его «русским викторианством», теремочной архитектурой и ославяниванием всего и вся.

Во-вторых, стабиллофилы. Люди с консервативным восприятием. Чаше обращают внимание на сами вещи, чем на связи между ними. Вполне могут симпатизировать Путину при условии если он сведёт любые реформы к минимуму. Из недавнего негативного опыта (травма 1990-х) они усвоили главный для себя урок — крутые перемены бывают только к худшему. Когда к их реальности что-то добавляют, они пусть нехотя, но ещё готовы согласиться, но когда убирают привычное, их охватывает тревога. Исчезновение Ленина ассоциируется у них с повышением пенсионного возраста и отключением электричества. Им больно, когда в Киеве националисты казнят молотками гранитный памятник Ильичу. Им трудно представить, что для украинских националистов Ленин это символ «москальской оккупации», а не просто связь с нашим общим прошлым. Сохранение символического ландшафта есть воспроизводство психологического комфорта. При взгляде на советский плакат с Лениным они чувствуют ту теплую и уютную предсказуемость бытия, которой им так не хватает в мире рыночной стихийности и конкуренции всех со всеми. В мире, помешанном на перманентном обновлении.

В-третьих, это радикалы. Нацболы, представители самых разных бунтарских субкультур и просто люди, склонные к анархистскому восприятию любой социальной системы. Совсем не обязательно молодежь.

Их Ленин — трикстер, который умел ловить ветер истории в свой красный парус. Нарушитель и разрушитель. Скорее мститель, чем строитель. Успешный агент светлого хаоса в мире темного порядка, мечтавший о принципиально новом человечестве. Его изображают со скрещенными по-пиратски костями и лозунгом «Eat the Rich!».

Он посмотрел на груженого золотом верблюда сквозь угольное ушко, как смотрят в прицел оптической винтовки. «Живчик и гуляка» -- пишут о нём контркультурные журналы. «Один наш дедушка Ленин...» -- пел о нём Егор Летов. Товарищ Непредсказуемость и Мистер Радикализм. Не зря же Мартов и Каутский столько раз журили его за опасный авантюризм.

Радикалы часто используют туристический аргумент — Ленин под стеклом делает нас особенными, такого ведь нигде нет, ну кроме Пекина и Ханоя. Это «фишка», экзотика для иностранцев. Исчезновение вождя с площа-

ди делает наш мир скучнее и пошлее. Эмпирически такой аргумент слабо подтверждается — туристы в мавзолей ходят в основном китайские, да и открыт он всего пару-тройку часов не во всякий день.

В-четвертых, марксистские интеллектуалы и левацкая богема нового поколения. Для них политика это то, о чем пишут модные философы Жижек и Бадью, а не то, о чем рассказывают в вечерних новостях. Коммунизм для них это посткапиталистическое царство всеобщего интеллекта и бесплатных технологий, а антикоммунизм как раз пережиток советского прошлого. В России их всё больше. Это можно воспринимать как признак постепенной европеизации. На Западе они есть везде, где открыт хороший университет или центр современного искусства. Ленин в их версии это редчайший и ценнейший случай философа у власти. Причем, не в смысле — власть сделала нашего правителя настоящим философом, а наоборот — правильно избранная Лениным философия превратилась в его руках в конкретную политическую практику и сделала его правителем вопреки воле всех прежних элит.

В отличие от красных патриотов, для леваков важнее не государство, а общество: ленинская мобилизация масс, новые социальные лифты. Большевик как изобретение новой формы солидарности, основанной не на общем страхе или ненависти, но на общем, заранее спланированном труде. Ленин в этом уравнении — революционный тезис, реакционным отрицанием которого стал Сталин. Эти новые левые ориентированы на ролевую модель западного антиглобалиста и подчеркивают международный характер произошедшего в 1917 году. Возникла советская система, позволившая левым во всем мире изменить положение наемных работников через революционный шантаж тамошних корпоративных элит и добиться прогрессивных налогов, экономики участия и высоких социальных стандартов.

Им, конечно, должно быть всё равно, где и как он похоронен. Но саму идею таких похорон они воспринимают как дальнейшее наступление правых, монархических и реакционных ценностей. Как поздний реванш белых в гражданской войне. Летом 2013-ого в Александровском саду уничтожили первый советский монумент. Когда-то на монархической стеле по распоряжению Ленина высекали имена самых знаменитых социалистов мира. А теперь социалистов счистили и обратно вернули туда герб Романовых. В знак протеста новые левые в течение двух месяцев, пока шла «реконструкция», еженедельно собирались у обелиска и читали публичные лекции об «упраздненных» мыслителях. Конечно, переделка стелы воспринималась ими как репетиция «перезахоронения вождя».

Ленин до сих пор слишком сильно ОЗНАЧАЕТ. Если то, что он означает, имеет отношение к смыслу прогресса и логике истории, то все мы ежедневно и по-сильно участвуем сейчас в одном капиталистическом преступлении против самих себя. А если право как раз большинство россиян с их товарным фетишизмом обыденной жизни и фантомной православно-имперской ностальгией, тогда на Красной площади до сих пор лежит преступник и безумец. Для меня ответ на этот вопрос — легкий способ почувствовать себя в меньшинстве.

наша революция

ОШИБКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В подмосковном посёлке, где я вырос и живу до сих пор, Революцию праздновали так: все строились в колонны, получали флаги и под советскую музыку шагали на стадион. Там с трибуны перечислялись успехи-достижения-обязательства. Никто не ждал неожиданностей и потому особенно не вслушивался. Дальше микрофон начинал перечислять: «Слава нашим...» Назывались номера цехов, школ, отдельные профессии. Нужно было дождаться, пока назовут твоих и кричать «Ура!!!». А потом можно было сдать флаг начальству, найти родителей под каким-нибудь транспарантом и вместе идти домой. Это был призрак участия в политике, призрак причастности к государству, призрак классовой общности и призрак народной революции. Как и когда всё это превратится в бесклассовый мир космических сверхлюдей, описанный в «Туманности Андромеды» и «Далекой Радуге», я не понимал, но надеялся, что это понимают другие, взрослые и наделенные властью люди.

Позже, в старших классах, когда надежд на взрослых поубавилось, а главным признаком ума стал считаться смех по любому официальному поводу, мы много шутили над Революцией. Над тем, как восстание чуть не сорвалось из-за кражи прожектора, которым предполагалось сигналить с Петропавловской колокольни матросам «Авроры», чтобы они давали свой исторический залп. Или над тем, как партийная цензура вырезала из «Октября» Эйзенштейна «порнографические» кадры: стреляющие по Зимнему Дворцу пулемёты были сняты как стальные фаллосы гранитных атлантов.

— Молодой человек, это в феврале случилась революция, а в октябре был только переворот, – назидательно поправил меня маститый советский пи-

сатель на собеседовании при поступлении в Литинститут в 1992-м. Риска провалиться, я спорил, но не подозревал тогда, что мне придется говорить и действовать в интересах революции всю дальнейшую жизнь.

Уже тогда я обнаружил, что принадлежу к мировому братству людей, разочарованных в капитализме. Такие люди любят выяснять, когда всё пошло не так? Как оборвалась связь с коммунистическим горизонтом Истории? Кем и где была допущена фатальная ошибка?

Когда большевики «слили» своих ближайших союзников: эсеров и анархистов? Или когда профсоюзы стали частью государства, а партмаксимум упразднили? Или когда Сталин отказался от дальнейшего разворачивания международной революции ради «социализма в отдельной стране»? Или когда Хрущев провозгласил «мирное сосуществование» с Западом, поссорился с Мао и начал потакать частнособственническим инстинктам советского обывателя?

Меня, впрочем, больше интересовали вовсе не ошибки и даже не причины нашей революции, но её необратимые результаты для всего мира. Только регулярно повторяясь, Событие становится великим в наших глазах. Без опыта и анализа 1917-го трудно представить себе маоизм и геваризм в третьем мире, классических и новых левых на Западе, вплоть до антиглобализма и «Оккупация» наших дней. Даже «розовый» вариант капитализма с его прогрессивными налогами, экономикой участия и высокими социальными стандартами был бы невозможен без появления советской половины мира, ставшей для западных левых идеальным инструментом шантажа корпоративных элит.

Набоков как-то сказал в интервью, что социализм это «стремление к тому, чтобы решительно все стали полусыты и полуграмотны». К этому остроумному замечанию хочется адресовать только один вопрос: а каково было положение дел ДО того, как наивные и глуповатые люди увлеклись этой утопией? Фраза Набокова незаметно предполагает, что ДО этого все или хотя бы большинство людей в обществе были полностью сыты и очень даже грамотны, а потом пришли хамы с красным флагом и навязали всем свой пагубный эксперимент по расчеловечиванию человека. И такое описание верно для опыта самого Набокова, сына аристократа и промышленницы, семья которого дружила с высшей богемой и входила в политическую элиту. Все, кто окружал Набокова с детства, были утончены, развиты, образованы и не бедствовали. Они входили в тот самый 1%, о котором любит поговорить движение «Оккупай». Страна же, как и мир в целом, состояла из неграмотных и весьма нуждающихся, а подчас и попросту недокормленных людей. И если исходить из этого, то перспектива «сделать всех полусытыми и полуграмотными» это очень хорошая переходная программа для старта будущих проектов. Мои предки, параллельные родителям Набокова, не умели читать и писать, работали в поле, а в скудный год варили лопух и ели эту похлёбку самодельными деревянными ложками. В связи с чем я чувствую себя несколько обязанным по отношению к советской системе и социалистическому проекту.

СЦЕНАРИИ И ВОЛНЫ

Меньшевики возражали против ленинского плана восстания, ссылаясь на незрелость условий, а он отвечал им в том смысле, что дело революционера — условия менять, а не учитывать, покушаться на сам код, задающий события. Марксизм помог ему найти слабое звено в империалистической миротсистеме и уникальный момент в истории своей страны.

На Востоке и вообще в третьем мире революция начинается с окраин, долго движется к столице, и после всех партийных разборок власть достается самым крайним и последовательным радикалам. В Европе наоборот, начинается в столице, долго добирается до провинций, и власть по окончании всех актов драмы оказывается в руках довольно умеренных революционеров. Наш 1917-й год имел смешанный сценарий — реальная граница между Европой и Азией проходила внутри страны. Началось в Петрограде, но власть досталась в итоге крайним радикалам.

Буржуазия в тогдашней России была слабой, робкой и традиционно пряталась за спину самодержавия в любой непонятной ситуации. Она пережила монархию всего на несколько месяцев. Ждала немцев как своих избавителей от скифского варварства темной толпы, но вместо немцев, после ареста буржуазного правительства балтийскими матросами, началась власть советов и военный коммунизм.

Прогресс, понятый слева, это переход от открытого доминирования одних людей над другими к манипуляциям, от манипуляций к честному соперничеству, от честной конкуренции к партнерству и, наконец, к глубокому содружеству на основе осознания общих интересов. На каждом из этапов накапливаются препятствия. Их уборка и есть революция, которую ведет коллективная воля к следующей ступени прогресса. В такой оптике революции образуют несколько волн.

Первая волна, прокатившаяся по миру, была направлена против монархий, империй, сословий и церквей. Позитивные ценности — нация, республика, рационализм Просвещения. Действующая сила — третье сословие. Главный и один из первых примеров — Франция.

Вторая волна революций поднялась против частной собственности, рыночной эксплуатации, классового неравенства и парламентского надувательства. Позитив — коллективное владение и управление, социализм, диалектика. Действующая сила — организованные в партию трудящиеся. Первыми и главными в этой волне стали наши «десять дней, потрясшие мир».

В 1917 году начался самый массовый и самый пока долговременный эксперимент по созданию посткапиталистической цивилизации. Изобреталась новая форма коллективности, основанная не на общем страхе или ненависти к общему врагу, но на общем, заранее спланированном труде, ведущем нас в мир, обещанный советской фантастикой.

МОТИВЫ И ЖЕРТВЫ

Наиболее близкими к революции по накалу политической страсти событиями моей жизни были, видимо, баррикады 1993-го. Они казались обратной перемоткой 1917-ого. В 17-ом всё закончилось повсеместным учреждением народных советов, а в 93-ем всё началось с их роспуска.

Там я понял, зачем люди, даже безоружные, добровольно лезут под пули, в чем их главный психологический мотив участия в революции. Эти пули — уникальная форма признания. Ты кто-то важный, раз в тебя стреляет государство. С тобою в первый раз считаются. В стальном огне было нечто комплиментарное и это вызывало взвинченный энтузиазм у тех, кто впервые чувствовал себя игроком, а не пешкой на доске. Люди выходят на баррикады в поисках той собственной значимости, в которой система им отказывала.

Реальный социализм, при всех его заслугах, часто обращался с ними как с заменимыми винтиками большого паровоза, летящего в будущее, а реальный капитализм, которого они успели наесться в первые же два постсоветских года, обращался с ними как с мелкой медной мелочью, которой можно пренебречь при размене серьезных сумм.

Революция это когда ваш выбор начинает чего-то стоить, а вы сами начинаете что-то значить. Именно революция требует от нас выбрать свою главную идентичность: Класс? Вера? Гражданство? Нация? Язык? Выбрать одно из многих в ущерб всему остальному. Так простая принадлежность превращается в рискованный шаг, требующий чрезвычайных поступков.

Самый частый аргумент против революции — неизбежность жертв. Все меряют революцию жертвами и никто их не хочет. Обсуждают, при ком их было бы меньше всего? Психологически это понятно, но политически это ничего не дает. Чья это оптика, к которой столь многие и столь часто присоединяются? Это взгляд женщины, оставшейся дома. Чем меньше будет жертв, тем больше вероятность, что её мужчины, муж и сын, вернуться домой. Кто обязывает нас смотреть на революцию исключительно такими, заплаканными и женскими глазами? Есть ведь и другие персонажи, с которыми можно совпасть в идентичности — уличный боец, который переживает решающий момент своей жизни или присягнувший прежнему порядку офицер, который до конца хочет сохранить верность своей присяге.

Настоящая революция, со всем её насилием, это момент рождения новой политической нации. Момент, на который потом все будут очень долго ссылаться как на дату подписания общественного договора. Политическую нацию всегда формирует победитель на своих условиях. Победитель никогда не бывает одинаково мил и приятен для всех, проигравших или нейтральных к нему, групп.

В чем главная ложь сентиментального аргумента про «слезинку ребенка»? Ну, то есть: ни одна революция не стоит того, чтобы из-за неё отчаянно плакал ребёнок, никакая цель не оправдывает таких средств и т.п.? Реакционная

ложь этого бриллиантового аргумента в том, что его сторонник предполагает отсутствие этой самой невыносимой слезинки в нынешнем положении. Сентиментальный реакционер всегда готов сказать «ваша борьба не стоит пролитой слезинки», но сказать «существование нынешней системы не стоит проливаемой слезинки» для него абсолютно невозможно. Он отказывается от оправдания бунта против системы, стоящей детских слёз. Когда его ставишь в этот тупик, он начинает комично взвешивать, как в задаче для младших школьников, поставив перед собой два ведра, в каком из них окажется по его мнению больше слезинок, в том, на котором написано «нынешняя система» или в том, на котором написано «ваша революция». И у него во втором ведре всегда оказывается больше, хотя бы потому, что первое ведро существует реально, а второе только предполагается и потому пугает и страшит его. Для солидности эта сентиментальность обычно приписывается Достоевскому, хотя его Карамазовы спорят несколько о другом. О возможности отрицать Бога на основании существования детских слёз.

Да, революция это резкий подъем крови в градуснике истории. Музыка революции исполняют на костяных дудках и кожаных барабанах. Нередко это зеркально-красные от крови мостовые. Скользкие алые зеркала расстрелянных улиц, в которые смотрится народ, выбирающий себе будущее. Но революция 1917-го года, кстати, одна из самых бескровных. Сколько погибло людей при захвате Зимнего Дворца и других столичных зданий? Гражданскую войну начали только в следующем году (весна 1918) буржуа, мечтавшие вернуть своё прежнее положение, позвавшие в страну, против восставшей черни, британские и американские войска и организовавшие их местных «белых» сателлитов.

НАШИ ШАНСЫ

Абсолютное большинство населения нашей планеты сейчас — пролетарии, т.е. наемные работники, не имеющие никаких источников существования, кроме продажи своего труда нанимателю. Когда я вспоминаю об этом, то чувствую, что шансы есть.

Неравенство между странами, т.е. военный, культурный и экономический империализм и неравенство внутри стран, т.е. классовый контраст никуда не делись и продолжают расти. Для большинства стран мира переход от импортозамещения к экспортной индустриализации остается несбыточной мечтой. Диктатура догоняющего развития — призрачный и вечно ускользающий горизонт их элит.

Шансы есть — понимаю я, думая о том, сколько рук по всему миру до сих пор поднимают над головой наш красный флаг.

Шансы есть — убеждаюсь я, читая у экспертов, что Россия вошла в пятерку самых несправедливо устроенных (по разрыву в доходах и уровню жизни) стран. Сто десять человек владеют 35% всех наших национальных богатств. Сто семей решают всё.

Шансы есть — повторяю я, подсчитывая: если сейчас взять все деньги мира и разделить поровну на всех людей, у каждого на руках окажется около 30 тысяч евро. Смысл революции, конечно, не в том, чтобы все переделить, а в том, чтобы превратить частную собственность, разделяющую людей, в общие возможности, людей объединяющие. В том, чтобы выложить весь этот мир в общий доступ для свободного скачивания. И всё же я ловлю себя на том, что знакомясь с человеком, прежде всего прикидываю, а выиграет ли он или скорее проиграет при таком, чисто умозрительном, мировом переделе капитала?

У революции нет сейчас достаточных технологий освобождения, организаций контрэлиты, вдохновляющих примеров, успешных стратегических сценариев, большого облака сочувствующих интеллигентов и отборной роты безоглядных фанатиков. Но шансы есть. А это важнее всего.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АСТРОНОМИЯ

Слово «революция», т.е. иррациональное поведение, кувыркание планет ушло из астрономии после того, как в небе навели порядок. Земля перестала быть центром мира и возникла наконец адекватность между наблюдающим человеком и наблюдаемыми небесными телами. Слово «революция» так же уйдет из политической жизни после того, как в системе производства/распределения/потребления наведут аналогичный порядок и возникнет, наконец, адекватность между работающим человеком и институтами принятия решений, от которых зависит его жизнь. Разница между изживанием «революции» в астрономии и в политике только в том, что в науке достаточно убедить экспертов в своей правоте. В политике же придется сначала преобразовать власть и сделать собственность общей, прежде чем надобность в дальнейших социальных революциях отпадет.

СИМБИОЗ И КОНКУРЕНЦИЯ

Я никогда не мог поверить, что один человек имеет в тысячу раз больше, чем другой, потому что он в тысячу раз полезнее для общества. А если польза тут вообще не при чем, то тогда капитал является самой антидемократической и несправедливой вещью, созданной людьми на земле. Производства и ресурсы принадлежат никем не избранному и никого не представляющему меньшинству.

Люди, которые в 2013 году в своих политических мечтах не могут вообразить себе ничего круче рыночной экономики, выглядят смешно и жалко. Наша история не может заканчиваться капитализмом, потому что капитализм это система, в которой жизнь тяжелого ребенка зависит вовсе не от развития медицины или усердия врачей, а от банковского счёта родителей ребёнка или от настроения спонсора. Капитализм это строй, в котором целью любой деятельности является не результат, а прибыль. Капитализм

это неразрешимое противоречие между коллективным характером труда и частным способом присвоения результатов этого труда. Капитализм это мир, в котором миллионы людей ежедневно вынуждены делать то, в чём они не видят ни малейшей пользы, потому что это «всего лишь» самопродажа. В этом царстве отчужденной работы любая вещь во-первых является товаром на рынке и только во-вторых нужна для чего-то ещё.

За всю свою жизнь я так и не смог понять, почему бесклассовая реальность космических сверхлюдей из «Туманности Андромеды» и «Далекой радуги» невозможна? Почему она перестала быть нашим будущим? Что узнали мы о себе такого, что перечеркивает эту перспективу? Ссылки на не проясненную «человеческую природу» или «божественный замысел», которые такого не допустят, звучат бездоказательно и произносятся обычно теми, кому реально есть что терять, либо теми, кто ест у них с руки.

Зато теперь я гораздо лучше представляю себе маршрутную карту перехода к подобному обществу и могу растолковать её даже ребенку.

Коммунизм это поэтапный переход людей от конкурентных отношений к симбиотическим. Условием такого перехода является достаточное усложнение производств, рост их производительности и, как следствие, усложнение мышления людей, рост их культуры, в том числе и политической. Такие условия достигаются как раз в результате острой конкуренции между людьми на рыночном этапе. Каковы главные опасения по поводу коммунизма? Переход от конкуренции к симбиозу обязательно «испортит породу», не в расистском смысле, конечно, а в том смысле, что исчезнет качественный отбор и, значит, общее качество жизни будет падать, «усредняться вниз», стимулы для усложнения жизни начнут таять и воцарится стагнация, победит энтропия в виде пофигизма имитаторов. Технический и культурный базис не конкурентного общества разрушится. Значит, конкуренция между людьми на пути в бесклассовый и нетоварный мир должна сохраняться, принимая иные формы. Конкуренция — главный двигатель в борьбе с энтропией. Просто конкуренция должна утратить всякую связь с уровнем потребления и с доступом к общественному благу (продукту общего труда). Должна победить не рыночная конкуренция. Вполне возможно, что в коммунистической перспективе конкуренция людей в науке, любви, спорте, изощренности и альтруизме поведения, художественности речи, профессионализме и т.п. будет, наоборот, возрастать, а её стимулом станет заслуженное внимание окружающих. Тогда коммунистическое общество это общество конкуренции авторитетов при экономическом симбиозе граждан. Это общество альтруистической конкуренции, где каждый хочет обойти других в своей полезности для этих других и это желание заменяет каждому религиозные и метафизические самооправдания. Прообраз коммунистической конкуренции это нынешнее собирание лайков, нематериальных поощрений (не путать со школьными оценками, выставляемыми уполномоченными и авторитарными экспертами-учителями).

Партийная бюрократия сначала присвоила, потом забыла и в конце концов предала «свою» революцию. Но на нынешнем уровне развития технологий роль бюрократии удастся свести к минимуму.

Почему бы нам в своей политической оптике не вернуться к коммунистическому горизонту, стремление к которому избавит бедных от парализующей их бедности, а богатых освободит от их бессмысленных богатств?

Буржуазия устраивает вечеринки на «Авроре», молится на расстрелянную царскую семью, скальвует имена великих социалистов с кремлевских обелисков и мечтает перезахоронить Ленина подальше от себя. Буржуазия заклинает: 1917 года больше не будет никогда. У вас нет шансов!

Мы могли бы родиться много позже и жить в мире, где нет классового антагонизма, мирового империализма, эксплуатации и неравенства, позволяющего 1% уверенно стоять на спинах у 99%. Но мы живем здесь и сейчас, и это значит, что у нас есть великий шанс создать именно такой мир.

Мы знаем, кому принадлежит этот мир, но мы знаем так же, кому он ДОЛЖЕН принадлежать. Так уж ли много мы потеряем, если ещё раз рискнем попробовать?

Что такое современный марксизм?

Это Джеймисон про постмодернизм и тайные связи между спекулятивной культурой и спекулятивной экономикой. Это Хардт и Негри с их поиском нового пафосного субъекта — невидимки, способного радикально изменить жизнь. Это Валлерстайн про мировую систему извлечения и вращения бабла, от которой никто не может быть свободен, кем бы он себя не считал. Бадью про математические парадоксы в политике и этике, например, про «верность великим событиям», которые ещё не произошли и вообще не гарантированы. Наоми Кляйн про брендовое рабство и рыночное насилие темных инженеров капитала. Славой Жижек про внутреннюю экономику человеческой души. Иглтон про то, почему Кафка и Магритт — реалисты. Бенсаид и Тарик Али про подрывную роль третьего мира, куда «офисный миллиард» попытался «сослать» все свои грехи и проблемы. Хобсбаум про то, как и зачем правящий класс изобретает «национальную идентичность» и Дэвид Харви про то, почему пророческие страницы «Капитала», переходя из плоскости в объем, становятся улицами и площадями современных мегаполисов. Ещё хотел назвать Бурдье с его хитрой теорией того, как не оформленная, а только возникающая группа внутри общества создает в этом самом обществе едва слышный заказ на свой портрет «на вырост», новое, почти неуловимое настроение. Особо чуткий художник, режиссер или литератор, почуяв этот заказ будущей аудитории, выполняет его в своем творчестве, ловит это новое настроение, сочетая не сочетаемые ранее, но уже готовые прилипнуть друг к другу, элементы. И тогда новая группа в обществе окончательно проявляется именно в форме аудитории этого смелого автора, а потом уже во всех остальных формах, как движение, субкультура и вообще «явление». Но Бурдье умер несколько лет назад и потому не может, наверное, считаться «современным»?

Было, конечно, и предыдущее поколение, «вдохновители 1968-ого года» -- Ги Дебор, Ванейгем, Адорно, Горц, Маркузе. Они взяли классический марк-

сизм и, как воздушный шар, накачали его веселящим газом контркультуры и психоделии. И тогда марксизм обрел объем карнавального и непредсказуемого молодежного бунта. Этот шар для меня не сдулся до сих пор.

А до них были высоколобые большевики с черно-белых, как северная зима, фотографий — Лукач, Грамши, Люксембург, Троцкий -- которые дружили и спорили с Лениным. Читая их, я понял нечто очень важное. Капитал не есть просто всеобщий эквивалент, который менее или более справедливо делится между людьми. Капитал есть стоимостная форма организации и развития производительных сил, исторически заданная форма функционирования средств производства.

И всё же главное предложение марксизма -- сделать частное общедоступным (не путать с государственным) — неизменно вот уже полтора века. Цель марксизма — сделать справедливость вопросом знания, а не чувств. Сдвинуть беседу о равенстве от перцепта к концепту. Колебание нормы прибыли понимается марксистами как линия исторического фронта в социальной войне между работником и нанимателем, взятыми как политические сообщества. Главная предпосылка самого возникновения марксизма — бесконечность капитала, которая перестает уместать в себе бесконечность нашего труда. Господство капитала над человеческой жизнью никогда и не могло быть полным, оно всегда предполагало автономные зоны как внутри человека так и в его поведении. Марксизм это программа партизанского роста и укоренения таких автономных зон.

Вы хоть раз бесплатно качали что-нибудь из сети? Если доступ каждого ко всему, что мы создаем, будет так же прост, это и станет победой и концом марксизма. Концом, потому что вместе с капитализмом он исчезнет и больше никому не будет нужен в новом мире добровольных творцов и тотальной автоматизации. Кончится мучительная предыстория людей и начнется их великая история. Свободный обмен информацией -- передний край развития «посткапиталистических» отношений и примерная модель будущей экономики, которая сменит устаревший рыночный обмен через продажу товаров. Осталось найти способ переноса подобных отношений из мира информационного в область более осязаемой жизни. Сделать столь же бесплатными и доступными хлеб, энергию, землю, дома и всё остальное. Деление всего на «своё» и «чужое» отталкивает людей друг от друга и искажает их отношения до полной неадекватности. Мы все, взятые вместе, а не по отдельности, уже достаточно богаты, чтобы ничего не называть «своим».

Марксизм задает буржуазным демократиям свой возмутительный подрывной вопрос: как возможно «народовластие» там, где все средства производства остаются в руках меньшинства, не избранного и не контролируемого никем? Как возможна «демократия» там, где все результаты общего труда принадлежат единицам, которым повезло родиться в избранных судьбой семьях? Избранные, выкладывая «свой» товар на рынок, предлагают нам купить у них то, что создали мы сами. Мы, понятые вместе, как пролетарское

большинство человечества, а не по отдельности, как сумма конкурирующих индивидов. Марксизм предполагает, что демократ, призванный к последовательности, это социалист.

Марксизм предлагает навсегда покончить с системой, которая дает каждому зрелище вместо Смысла, занятость вместо Дела, роль вместо Судьбы и банковский счёт вместо Победы. Большинство из нас каждый день заняты не тем, что считают важным, а тем, за что нам платят, и потому мы отказываемся отвечать за то, что ежедневно делаем. Это «просто работа», «просто бизнес» и «просто отдых». Такой опыт создает «просто людей», т.е. парализует их творческую волю и накапливает внутри свинцовое чувство, будто ты живешь чужую, а не свою, жизнь. Так возникает отложенный на завтра человек. Он вынужден непрерывно отодвигать в будущее собственное Полное Присутствие.

Непричастность к тому, что ты делаешь. Отказ от вопроса о смысле собственной деятельности в обмен на оплату труда. Делегирование этого смысла кому-то, кто тебя нанял или тому, кто нанял нанимателя. Окончательная передача смысла своей деятельности в руки правящего класса. Тот, кто согласен с этими оценками, уже марксист. Ну, почти. Осталось добавить одну фразу: Хватит верить в реинкарнацию! — в ней весь марксистский пафос — Хватит ждать того, кто спасет и освободит тебя, он — в зеркале. И он не один.

Деньги осуществляют небесную жизнь товаров точно так же, как товары воплощают земную жизнь денег. Мы зарабатываем, тратим, а устав и от того и от другого, перед телевизором или в нежной тьме кинозала, смеемся над тем, как мы зарабатываем и тратим, узнав себя на экране. Товары всё чаще отсылают нас к зрительскому опыту переживания воображаемого статуса, а не к своей простой функции. Марксизм предназначен для тех, кто хотел бы делать что-то ещё. Делать, а не «круто оттягиваться» и забываться. Товарная цивилизация держится на тотальной наркомании: для того, чтобы товары продавались, все должны гнаться за вечно ускользающим удовольствием, на которое эти товары нам намекают. Но в марксизме удовольствие ставится на место, оно просто следствие осмысленной деятельности по улучшению мира и человеческих отношений. Только в таком положении удовольствие становится устойчивым, полным и никак не связанным с потреблением.

Есть ли у меня реалистичный, а не утопический, идеал политической системы? Конечно, вот он: народ держит власть в заложниках. Но что для этого нужно народу? Организации? Да, но организации это только инструмент. Прежде всего, людям нужно вернуть «не реалистичный» идеал политической системы, внятно данный в «Коммунистическом манифесте». Только наличие такого «бесклассового горизонта» позволит обществу взять власть в заложники и диктовать власти свою волю.

Для этого людям и нужна революция. Во время революции простые люди пытаются мыслить сложно, а сложные люди пытаются мыслить просто. Поэтому и те и другие неизбежно совершают во время революции страшные

ошибки. Но эти ошибки ценнее для нашей будущей истории, чем любая «правота» и «правильность», нажитая нами в предсказуемые дни межреволюционных времен.

Вот ещё 11 марксистских наблюдений, которые кажутся мне полезными, актуальными и не слишком очевидными:

1. Капитализм это особая система экономического обмена, запрограммированная на постоянный рост прибыли и ради этой главной цели способная пожертвовать любым из нас. Главный приз в капиталистической игре — возможность создать монополию, надолго гарантированную от конкуренции.

2. ПРИЧИНА РЕГУЛЯРНЫХ КРИЗИСОВ капитализма заключена в неизлечимом противоречии между потребительной и меновой стоимостью. Из этого конфликтного различия прямо следует разрыв между реальным производством и царством спекулятивного капитала. Разрыв, аналогичный разнице между наблюдаемым миром и виртуальной реальностью. Но самый важный вопрос: какую роль в реальном мире играет виртуальная реальность? Только ответив на него, мы и заявляем свою политическую позицию по-настоящему.

3. ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ раннего капитализма — авантюрный предприниматель. Главный герой капитализма классического — ответственный и солидный директор крупной фирмы. И наконец, главный герой капитализма позднего — креативный организатор гибких и чутких к рыночным изменениям сетевых структур эпохи «фанки-бизнеса». Ни одна из этих трёх фигур не исчезает, но каждая уступает следующей своё центральное положение в Системе.

Переход от второй фигуры к третьей не случайно совпал с переходом от фиксированной идентичности эпохи модерна к плавающему и постмодернистскому пониманию «Я». От футуристического антигероя первого «Терминатора» к жидкому и протеическому антигерою второго фильма.

Но у распространения постмодернистской оптики есть и другие причины. Прежде всего это сдвиг центра принятия важнейших решений из сферы производства в область обмена. Этот экономический сдвиг и гарантировал при позднем капитализме победу неолиберализма в политике и постмодернизма в культуре.

4. СТРАНЫ МЕТРОПОЛИИ всасывают, как насос, ресурсы из периферии. Конкуренция внутри них смягчается и приобретает более гуманные, предсказуемые, щадящие формы. Это смягчение внутренней конкуренции может выглядеть как добрая воля разумных элит или как результативная борьба «розовых» реформистских организаций. В странах же периферии, откуда ресурсы бегут в метрополию, конкуренция обостряется, приобретая самые brutальные формы «боев без правил». Именно поэтому розовый реформизм там мало перспективен и всегда проигрывает более радикальным проектам,

покушающимся не на передел пирога, но на захват самой пекарни. Страны периферии — источник массовой миграции. Массовая миграция это когда люди пытаются повторить путь движения денег и других ресурсов в мир-системе. Миросистема (по Валлерстайну) существует с 16 века и растет с тех пор как вширь, так и вглубь. Лидерство внутри миросистемы последовательно переходило от голландцев к британцам и, наконец, к американцам, не считая кратковременных французских попыток вырваться вперед.

5. СИСТЕМА, в которой более половины людей «не рентабельны», т.е. бесполезны и нежелательны, сама по себе не имеет права на существование и должна быть приговорена этими самыми людьми к революции. Успех революции прямо зависит от того, сколько «рентабельных» людей примкнет к революционному проекту. Нам предстоит выбирать между двумя преступлениями — тем, что происходит сейчас и тем, что может быть нами совершено, чтобы прекратить то, что сейчас происходит. Для выбравших второе принципиальны два занятия -- рвать гипнотизирующие вас связи с Системой и искать самые актуальные противоречия Системы, чтобы однажды покончить с существующим порядком.

Гипноз Системы обычно строится на неразличении законов природы, с которыми нельзя почти ничего поделать, и социальных правил, которые всегда могут быть изменены. Идеология буржуа представляет рынки техническими механизмами, а вовсе не формой осуществления социальной власти одних людей над другими. Ложное сознание культивирует «неподвластность» экономики, аналогичную неподвластности солнечной активности или тектоники. Как будто рынок не есть форма человеческой деятельности. Главнейший фокус ложного сознания это когда отношения между людьми представляются самим этим людям неотъемлемыми свойствами вещей: «так считается», «так устроено», «так заведено», «это естественно», «общеизвестно», «по другому это не работает» и вообще «таковы сложившиеся обстоятельства». Именно в этом смысле Фидель Кастро сказал, выступая в ООН, что «очевидные решения» придуманы империалистами для того, чтобы сильный и дальше мог угнетать слабого.

6. ВИРУС КОММУНИЗМА (стремление в бесклассовый горизонт), спрятан в любом этическом поступке просто потому, что всякое этическое действие предполагает, что интерес другого важнее, чем твой собственный. В этическом жесте таится призрак экономики дружбы, в которой обмен уступает дару.

7. ЛИЧНАЯ УТОПИЯ в каждом из нас не позволяет обществу полностью стать равным самому себе, достичь окончательного гомеостаза и стабильности и тем самым остановить свою историю. И наоборот, общество не позволяет личной утопии порвать с исторической универсальностью, стать не обязательной дендистской прихотью, игрой персонального произвола. «Непостижимый внутренний мир» обычно нужен только для того, чтобы скрыть от себя и других ежедневный конформизм своего внешнего поведения.

«Я» это способ адаптации организма к социальной среде. Рациональное эго базируется на самосохранении и запирает в себе человеческие возможности, как в тюрьме. Утопический горизонт общей истории, выраженный в коммунистическом проекте бесклассовой цивилизации, позволяет любому из нас выйти за жалкие пределы так называемого «здорового смысла», вылупиться из обыденного эго, как из тесной скорлупы, сняв тем самым противоречие между «Public» и «Privacy».

Сходным образом Делёз противопоставлял нонсенс и абсурд. В нонсенсе всегда слишком много смысла и мы можем, склоняя его на все лады, по-разному интерпретировать, теряя в каждой личной интерпретации ценную часть. С нонсенсом невозможно обойтись в одиночку. Он стремится прочь от сознания, озабоченного своей отдельностью. В абсурде же, наоборот, к нам вопиет радикальная нехватка смысла. Нонсенс подразумевает коммуникацию с другими, коллективную голову, как своего пользователя. Абсурд напротив, запирает переживающего в одиночестве его персонального опыта, становится трагическим манифестом личной нищеты. «Нонсенс» с его тревожащим смысловым избытком отсылает нас к всеобщему интеллекту и коллективному владению неделимым знанием, а «абсурд» отсылает к мучительной невозможности личного владения знанием, к обреченности проекта частного использования разума.

8. **НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО** это способ пристегнуть конкретный бюрократический аппарат и конкретную армию к большой массе людей, воодушевленных общим, хорошо организованным переживанием мифических, но убедительно рассказанных, событий прошлого. Нация это всегда оправдание государства. Того, что уже есть и нуждается в массовом мифе (имперский национализм сверху) или того, которое только собираются строить, отняв кусок у государства уже существующего (романтический национализм снизу). Государство же это прежде всего монополия на насилие. Это насилие обращено наружу, чтобы «защитить» население от врагов, т.е. сохранить за правящим классом права на эксплуатацию именно этих людей, избегая риска остаться без подданных, которых «завоюют» соседи. Это насилие так же обращено и внутрь, чтобы эффективно организовать принудительное сотрудничество подданных в пользу правящего класса на удерживаемой территории. Правящий класс контролирует товарные потоки и выжимает золотой пот капитала из людей. Государство защищает его политические интересы, помогает разбираться с заграничными конкурентами или с бастующими работниками. В ответ правящий класс финансирует государство в виде официальных налогов, а так же финансирует отдельных чиновников в виде неофициальных коррупционных схем. Идея нации нужна для того, чтобы большинству людей, не относящихся ни к государственному аппарату управления, ни к правящему классу (это те, кто в доле, а не в найме), вышеописанная система казалась естественной, справедливой, исторически заданной и безвариантной.

9. РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНТРЕЛИТА после победы становится харизматичной бюрократией, озабоченной ускоренным развитием и постепенно теряющей свою харизму. В советском случае этим ускоренным развитием была командная индустриализация. Бюрократия, создавшая за два поколения догоняющего развития советский средний класс и советскую интеллигенцию (пересекаются, но не совпадают), столкнулась с тем, что не может так же легко распорядиться этими новыми группами, как она распорядилась крестьянами и рабочими. Несогласие и тихий саботаж этих групп не позволил советскому социализму стать постиндустриальным и, начиная с 1970-х годов, система была обречена на провал обратно в капитализм.

10. ИДЕОЛОГИЯ или «ложное сознание» это твоё воображаемое представление об условиях и причинах собственного существования и связях с другими людьми. Это представление всегда искажено твоим классовым положением. Только в бесклассовом обществе это представление зависело бы от нашего уровня изъятых у мира знаний и больше не от чего. Мы не можем представить себе то, частью чего являемся, но не можем и избавиться от этого требовательного чувства причастности к чему-то гораздо большему, нежели мы сами. Основные элементы идеологии работают только до тех пор, пока сохраняется наша энергия заблуждения, пока мы считаем их чем-то совершенно другим, пока мы воспринимаем пропагандистскую метафору как действительное тождество. Но стоит нам воспринять эти элементы буквально и мы превращаемся в скептических концептуалистов и формалистов, на которых больше не действует радиация этой конкретной идеологии. Это не означает, что мы освободились от всякой идеологии. Такая свобода невозможна в принципе, хотя она и является утопией буддистов, например. Главная разница между идеологиями состоит в том, что некоторые из них являются самопредставлениями групп, сила которых растёт, а другие — самопредставлениями групп, сила которых умалается.

11. «До сих пор философы пытались только понять мир, но теперь пришло время изменить его»

Эта одна из самых известных фраз Маркса. Она успела всем ужасно надоест. В ней, конечно, есть важный смысл -- познание это вторжение, изменение познаваемого и познающего заодно, а не пассивное созерцание и простое добавление к уже известному -- но смысл этот давно очевиден. Забавно, как две половинки этого тезиса постоянно применяются к самому Марксу и его идеям. Тысячу и один раз приходилось слышать: да, Маркс очень точно и глубоко понял, как устроен капитализм, как продукт превращается в товар, какие именно формы сознания это порождает и как сказывается на социальных отношениях, но вот его прогнозы и предложения это, конечно, утопизм и экстремизм. Или: анализ Маркса был верен, но его планы это слабая сторона его философии, потому что с тех пор слишком многое изменилось. Или: Маркс отчасти верен в своем анализе рыночной системы и до сих пор, но все его коммунистические надежды это типичное выдавание желаемого

за действительное, неоправданный антропологический оптимизм. Т.е. во всех этих «уважительных» оценках Маркса отдается дань первой половине знаменитой фразы, но отрицается вторая. Делается попытка вежливо или не очень вернуть философию туда, где она только познавала мир, не изменяя его. Разорвать связь знания с политической практикой и экономической активностью. Анализ Маркса полезен, а вот его предложения это вера, квазирелигиозность, пустые ожидания, излишний энтузиазм и т.п. На этом сходятся и позитивисты и мистики. Их общее желание -- сделать Маркса, его последователей, да и вообще всех философов объясняющими, а не изменяющими мир. Между тем, марксизм изменил карту мира и жизнь людей на нашей планете за полтора века своего существования гораздо сильнее, чем христианство за две тысячи лет.

Маркс исходил из социоморфности знания, т.е. из его зависимости от структуры общества. Точно так же, как Фрейд понимал, что само возникновение психоанализа стало возможно только в условиях некоторого ослабления эдипальной социализации, т.е. в условиях расклеивания, появления объективной дистанции между нами и тем, что Фрейд описывает (эта рефлексивная дистанция и воплощена в фигуре психоаналитика), Маркс понимал, что материалистическая диалектика не могла возникнуть в доиндустриальную эпоху. В этом смысле главный вопрос должен задаваться так: какие формы нашего знания о мире и о себе становятся возможны в связи с изменившимся условиями производства и обмена? Как эти новые знания изменяют классовый расклад и обменно-производственный сценарий? В России, например, мы наблюдаем вот уже 20 лет стремительную архаизацию обменно-производственных отношений и, соответственно, следующую отсюда архаизацию господствующих форм знания, подстраиваемых под интересы нового правящего класса. Путинизм это расцивилизовывание и капитализм с азиатским лицом.

RAF — три красные буквы

*Я родился второго марта,
Как герой вулфовского «Теста»,
Кислоты в котором
Не больше, чем в камне теста.
Но, позвольте, а где же рифма
Со словом «марта»?*

*Тут подходит место рождения — Нижневарто...
Перебью вас, а будет рифма со словом «рифма»?*

«И так далее, и так далее, и так далее», как любил говаривать Иосиф Бродский. Я писал бы такое или писал бы о тех, кто пишет такое, если б не светился от ненависти. Поэтому я расскажу о дне своего рождения иначе.

2-ого марта 1975-ого, пока я делал первые в своей жизни глотки таёжного воздуха в Нижневартовске, немецкие анархисты безо всякого суда покинули тюрьмы, безо всяких билетов сели в лайнер «Люфтганзы» и свободно отбыли на восток. Это показывали в прямом эфире бундес-телевидения. Заключенных анархистов обменяли на захваченного их товарищами Лоренца, кандидата в канцлеры. Прессе не удалось встретиться с ним в тот же день. Хорст Малер отказался выйти из тюрьмы, ссылаясь на то, что его трактат «Другие правила дорожного движения» ещё не готов, а заключение создает идеальные условия для подобных сочинений. Тысячи людей аплодировали этим громким пощечинам империализму.

Я родился в этот день. Это никак не связано. Если только однажды я не захочу связать.

Они родились для жизни, которой ещё нет и создание которой только и может нас оправдать, считал Ванейгем. Чтобы научить рабов решать судьбы своих хозяев. Чтобы подкрепить детские претензии современной теорией и не менее современным оружием. Чтобы взорвать стену между личной и всеобщей историей.

Они называли окружающих «рыночными питекантропами», имея в виду, что эволюция уже шагнула дальше и на повестке дня война двух разных видов человека, между которыми не может быть компромисса. Представьте себе войну умелого кроманьонца против безлобых неандертальских орд. Насилие — единственный способ коммуникации.

«Лежите тихо, в конце концов, это не ваши деньги!» — кричал распластаным сотрудникам банка Хорст Малер, стреляя для понятности в потолок. Из адвоката в боевика он превратился, когда понял, что деньги вообще не могут быть чьими-то. А вот им, деньгам, наоборот, принадлежат все. Все люди прежнего вида. Если вы не сторонник эволюции, замените слова «прежний» и «новый» на слова «нормативный» и «другой», смысл от этого не очень страдает.

Однажды, открыв дверь конспиративной квартиры на Кнезебекштрассе, Малер встретился взглядом с дулами двенадцати пистолетов, смотрящих на него. «Мои поздравления, джентльмены» — говорит он, поклонившись. Думаю, он поздоровался именно с пистолетами. Все, кто боялся и соблюдал закон, были для людей нового вида всего лишь устройствами, биологическими приставками к финансовым потокам, падающим по ступеням властных иерархий, двуногими машинами воспроизводства рыночных отношений. «Другие правила дорожного движения» можно понять, только помня это. Малер любил машинные метафоры. В снятой им конспиративной квартире у окон и дверей весь день работали магнитофоны, выдававшие на лестницу и на улицу стук пишущих машинок. Изображался офис. Собирались зажигательные бомбы. Офисные пешки как маскировка для политических солдат.

Малер аплодировал в своей камере, когда одна из подобных бомб взорвалась и американского сержанта, успевшего побывать во Вьетнаме, похоронил автомат, торговавший кока-колой.

С людьми прежнего вида не может быть разговоров. «Им нечего ждать от Нас, кроме враждебности и презрения» — составляют РАФ заранее кодекс поведения в тюрьме. «В генетической войне нет нейтральных» — любили они цитировать Тима Лири.

Недавно Хорста Малера спросили: «Почему же за вами не пошло большинство, вы же были известнее рок-звезд?». Старый адвокат и бомбист, отсидевший всё, что полагалось, грустно ответил: «Потому что большинство всегда видит себя в роли жертвы, особенно — случайной жертвы, но никогда не представляет себя бойцом».

«Здравствуй, фашистская свинья» — по очереди говорят судье Принцингу Майнхофф, Энслин, Баадер. Каждого из них немедленно выводят из зала.

Они не будут присутствовать на собственном суде. Ян-Карл Распе говорит Принципугу: «Ты не оставил нам шанса относиться к тебе иначе, кроме как целиться в тебя из пистолета». Между людьми двух разных видов возможен только разговор языком оружия. «Языком оружия» — Баадер хотел, чтобы история РАФ называлась именно так. «Никакое оружие критики не заменяет критики оружием» — любил он цитировать Маркса.

Его беспокоило, что аполитичные литераторы употребляют в отношении РАФ слово «молитва», даже если они сочувствуют.

Астрид Пролл везет им оружие на краденой «Альфа Ромео». На горной дороге она попадает в буран и впервые за много дней остается совершенно одна. Только бешеный снег вокруг. Ей кажется, это танцует костная мука за стеклом. Молотая кость. Такой мукой кормили заключенных в лагерях смерти, разваривая её в воде. Такую муку оставят полицейские вместо взрывчатки, когда обнаружат в гараже арсенал РАФ и установят за ним круглосуточное наблюдение. Система перемалывает тысячи скелетов, бросает в жернова любую жизнь. Вместо революционного взрыва власть предлагает нам есть молотую кость. РАФ пытались совершить нечто обратное — превратить нашу костную пыль в пластик. Занятость — в действие. Необходимость — в выбор. Костной мукой кормят коров на фермах. Философия власти, как бы она сегодня не называлась, требует от нас признать историю повторением циклов, признать, что в людях не больше шансов развития, чем в коровах.

Но корова не знает, что она — корова, и потому ест, что дают. Сам факт осознания своего положения и ощущение своих возможностей — вечная опасность для власти. Вечный ресурс борьбы.

Первые свои «Беретты» они купили у нацистов из подпольного клуба «Волчье число». Этой сделке предшествовала жесткая дискуссия, но победила диалектика: добро делается из зла.

В чем была минимальная практическая цель «Бригады Баадера»?

Сформулировать очень просто, но чертовски трудно исполнить. Навсегда запугать сильных мира сего, власть имущих и собственностью наделенных. Сделать их навечно податливыми, немного подавленными. Отравить всю их жизнь ни в чем не растворимым ужасом. Для этого надо дать примеры такого людоедства и вампиризма, такие преступления, которые только и могут сравниться с грехами правящего класса, являются их отражением. Это во-первых. А во-вторых, нужно столь сильное и такое красивое, теоретическое и эстетическое оправдание этого справедливого людоедства, которое сделает его привлекательным и оправданным на веки вечные. Йозеф Бойс посвящал свои инсталляции заключенным РАФ. Жан Поль Сартр брал у них интервью. Идол немецкого концептуализма Герхард Рихтер выставлял в галереях огромные цветные портреты Баадера и Майнхоф, скопированные с плакатов «они разыскиваются».

Итак, всякий, кто чувствует в себе вампира, пусть готовит зубы и выбирает жертву. А остальной, кто не чувствует — слишком книжен, вежлив, воспи-

тан, подавлен, растоптан — пускай сделает образ вампира магнетическим, поднимет мысли и мотивы его на уровень выше некуда. Станет добровольным рекламным агентом революции.

Ничего нет прогрессивнее, чем сеять ужас, заставляя трепетать буржуазные семьи или превращать таких сеятелей ужаса в святых, в пророков справедливости, в творцов знания, в делателей истории.

Гламурные журналы заказывают мне статьи о «легендарных» и «непревзойденных» РАФ. Нельзя ли, спрашивает редактор, связать их с модным кино, ну, с «Матрицей», например?

В первой серии «Матрицы» безупречно выражен пафос городских партизан, ведущих войну с организаторами всеобщей иллюзии, остановившими время в конце 1990-ых плантаторами поколений, пожирающими нашу энергию. Но вторая и третья серии включают обычный для такого «двусмысленного» кино приём — источником зла оказывается не вся Система, но её отдельный, сломавшийся элемент. Фашизм, который РАФ видели повсюду, оказывается не сутью Системы, но отдельным перегибом в отдельных местах, требующим устранения. Революция заменяется реформой, а поражение плантаторов их улучшением. Всем городским партизанам предлагается стать добровольными помощниками полиции и озеленителями улиц. Пафос же первой серии оказывается чрезмерен и ошибочен. Партизаны перепутали злоупотребления властью с её сутью. В этом смысле, трёхсерийная «Матрица» это история того, как менялась идеология «выживших» и «вписавшихся» герильерос.

У них имелось своё кино. Навсегда запрещенное «Сопrotивление» Майнхоф, в котором нет ничего подрывного, кроме личностей — Баадера и Энслин. Или Хольгер Майнц. Он явился к скульптору Хоффу с просьбой сделать стальной корпус гранаты и большое тело бомбы, которое удобно держалось бы под женским платьем, на корсете.

— Зачем? – спросил скульптор.

— Для моего революционного фильма, конечно, – ответил режиссер – в финале там Мадонна среди торговых рядов рождает бомбу.

Этот ответ вполне устроил Хоффа. Нужно стремиться к ситуации, когда все скульпторы будут настолько понятливыми.

Майнц снял короткое кино о том, как сделать и метнуть зажигательную противополцейскую бутылку и не вспыхнуть при этом самому. Рок-н-рольную историю о взаимоотношениях металлического цинка, гексахлорэтилена и нитрата. Эпос о машине, взрывающей в назначенный час саму себя. Собирался снять пару музыкантов, возившую динамит в коляске, вместе со своим грудным малышом.

«Мы все умрем. Единственно важное, за что ты умираешь и как ты для этого жил. У меня была ясность: воевал со свиньями за людей. Я любил жизнь и потому мне плевать на смерть» — за месяц до смертельного исхода своей тюремной голодовки писал Майнц. Последний и самый революционный свой кадр режиссер сделал после смерти. Фотография его, почти испарив-

шегося (42 килограмма) тела, попала в журналы и стала иконой. Партизаны РАФ носили «Майнца» с собой, чтобы их челюсти никогда не разжались для иудиного поцелуя, примиряющего человека с Системой.

На следующий день после смерти Майнца председатель верховного суда Западного Берлина Дренкман увидел у себя на пороге двух милостивых девушек. Таким любят давать микрофон в популярных ток-шоу. Ничего не понимая, он улыбнулся. Одна протянула ему букет красных роз, а вторая изрешетила судью пулями. Цветы остались на месте преступления. Эти эмблемы социал-демократии перепачкались в крови приговоренного юриста и лежали вокруг трупа, как холодное извинение за то, что позиция в войне может стоить жизни.

Ещё про них несколько раз брался снимать Шлендорф. Его считают не то «сочувствующим», не то «понимающим», как и Стефана Ауста, тусовавшего с РАФ, избегавшего оружия и через много лет возглавившего «Шпигель».

В «Легендах Риты» две Германии, сжимаясь, давят её как ножницы. Две судьбы марксистской утопии: недостижимая, в ФРГ, была двигателем всей жизни, реализуемая, в ГДР, стала тормозом на пути. Герильерос остается только погибнуть на исчезающей немецко-немецкой границе. Фильм, кстати, консультировался одной из отсидевших участниц многих РАФовских дел.

Сколько можно продать в России маек, если писать на них «мои родители из РАФ»? — интересуется представитель модного магазина — и на каком лучше это делать языке? По-английски, чтобы все поняли, или всё же по-немецки, для создания аутентичности?

Городской партизан Груздат талантливо сделал острую проволоку, режущую шины полицейских у атакованного воющего банка. Когда завербовавший его в революцию Малер попадает, Груздат начинает строить у себя в гараже крошечный вертолёт. План таков: эта самоделка зависает над тюрьмой, бросает лестницу и «цепляет» товарища, чтобы унести его из мест разрешенного заключения в царство запрещенной свободы. Побывав в гараже, товарищи крутят пальцами у виска. «Если мы собираемся изобрести новое общество» — говорит им Груздат, отгородившись от маловеров маской сварщика — «то уж вертолёт это не проблема».

Дочке протестантского пастора снились городские площади, укрытые коврами из мертвых голубей. Тысячи мертвых крыльев. Навсегда в 1977-ом она стоит в воздухе своей камеры 720 тюрьмы Стаммхайм. Зависла над полом, преодолев притяжение. У трупа вид ученика, который не станет возражать воспитателю, но никогда не согласится с ним.

«Юрист», написала она на папке, которую, в случае своей смерти, просила передать канцлеру. Эту просьбу обещала исполнить христианская миссия. Этой папки нигде не нашлось.

Я часто вспоминаю это, когда вижу священников или юристов, особенно, если они вместе. Это не личные эмоции, а полезное обобщение. Вера и Право, как два понятия, необходимые Власти, в которую целились РАФ. Знание

— Действие — Революция — вот чем предлагали они заменить эти большие слова.

«Я заявляю, что ни у кого из нас нет желания убить себя» — утверждала Энслин за месяц до своего тюремного «самоубийства», синхронного с товарищами — «если же вам предъявят наши трупы, знайте, что это было политическое убийство». Об этих словах и ночном суициде троих заключенных лидеров РАФ спорят до сих пор. Мнения расходятся в зависимости от радикализма спорящих и их доверия к Системе. Некоторые считают, например, что Энслин имела в виду нечто вроде «любое самоубийство это убийство обществом».

— Я верю в то, что однажды сытых затошнит от их сытости, — объясняла она мотивы поджога супермаркета на своем первом процессе.

Огонь в торговом зале должен был перенести реальность вьетнамской войны в жизнь тех, кому она выгодна. «Гори, супермаркет, гори!» — пели студенты на митингах поддержки за стенами судебного здания. Насчет тошноты сытых Гудрун оказалась не так уж и не права. Сын швейцарского миллионера и боевик РАФ Вернер Заубер погиб в перестрелке с полицией. Итальянский миллионер Фельтринелли прятал оружие, динамит и боевиков РАФ в своих замках, тайно плавал на личном корабле в Алжир и Ливию. Издавал всю необходимую литературу и практические руководства городских партизан. Курсировал на своём черном Ситроене по всей Европе, чтобы «наладить общий фронт между всеми, кто готов держать оружие». Если уж и братья, то братья за оружие — считал он. Погиб, собирая собственную бомбу. Жаль, что в моей стране его вспоминают чаще, как первого издателя «Доктора Живаго», за которого Пастернак получил Нобелевскую Премию и был надолго отлучен от советской литературы.

«Мы не заставим их говорить правду, но зато они будут наглядно и бесстыдно лгать» — обещала Гудрун, рассуждая о противнике — «нам нужно 25 часов ненависти в день». Она раздавала новые нелегальные имена. Изобретала термины партизанского языка. Её любимый «Моби Дик», роман об охоте за особенным китом, — источник псевдонимов и подпольных кличек первого поколения РАФ.

В модной лаковой куртке цвета «вамп» она машет нам из 1977-ого года. К чему вставлять личные впечатления в такой текст? «Фашизм начинается с разрыва между частным и общественным поведением» — тоже её слова. Её первому мужу, талантливому и несчастному сочинителю Весперу, привиделось под кислотой, что половина его тела пылает, как напалм и это жидкое пламя имеет облик Гитлера. «Опыт и ненависть — вот откуда берется энергия» — писал он в немецком дурдоме мемуары о стреляющем подполье.

Они вдвоем успели сняться в бессюжетном «Абонементе». Студенческое кино, где тела противопоставляются сообщениям.

Система. Именно РАФ и им подобные научили в те годы весь мир писать это слово с большой буквы. Что ненавидели РАФ?

Место, где недопустимым считается бросать пирожные вместо аплодисментов политикам, сжигающим города, отравляющим страны и обрекающим народы.

Время умирающих в рассрочку. Заживо похороненных в офисах и цехах, в камерах и супермаркетах, в школах и на пляжах, в кухнях с мебелью, приобретенной в кредит.

Эпоху, когда мечты обязаны быть отвратительно трусливыми, чтобы сбыться.

Способ благополучного растворения каждого в коллективном мифе, ничем не оправданном и в оправданиях не нуждающемся. Этот миф сам оправдывает любой ритуал, сообщая ему пошловатый привкус невыносимой вечности, банальности, оскорбительной необходимости, орнаментального повтора.

«Террор это разрушение дамб, каналов, больниц, электростанций, мостов» — пишет Баадер — террор это то, что делали США во Вьетнаме и Израиль на палестинских землях. Это мертвые секции, предназначенные для политических заключенных в немецких тюрьмах. Терроризм государств применяется ради всеобщего страха. Городская партизанская война, наоборот, внушает животный страх всей государственной машине».

Мы ничего не начинаем — объяснялись РАФ — мы хотим положить конец.

Они знали важный секрет — создать новое это значит просто собраться и действовать ради прекращения старого.

Из тюрьмы Баадера часто конвоировали в библиотеку, где он встречался с Ульрикой и вместе с ней «работал над книгой о проблемах трудных подростков». С заключенного сняли наручники, Ульрика спросила охранников, есть ли у них жены и дети, и явно расстроилась, услышав утвердительный ответ. В этот момент она сохранила им жизнь. Заключенный и журналистка сели за стол, закурили, стали рыться в картотеке. Две девушки ждали за дверью, когда освободится читальный зал. Они-то и впустили сюда клоуна с зеленым лицом и двумя пистолетами. Клоун стрелял с двух рук и ранил библиотекаря, один пистолет был газовый, второй — боевой. Две «читательницы» палили газом в лицо охране и, «выкрикивая оскорбления», уложили её на пол. Последней появилась Гудрун в рыжем парике и с карабином. Охрана стреляла с пола вслепую — пули попали в ящики картотеки. Баадер разбил окно и прыгнул вниз. За ним — Майнхоф и остальные. Скрылись на двух новеньких «Альфа-Ромео Спринт». Сразу после освобождения Баадер предложил обстрелять полицейскую казарму из гранатомета, но гранатомета под рукой не нашлось.

Кое-кто из них считал вооруженную борьбу самолечением. Жертвоприношением, позволяющим пробраться с собственной периферии, поощряемой обществом, к запрещенному обществом центру самого себя. Другие называли герилью терапией для общества, разоблачением его преступлений. Справедливым отражением несправедливого насилия, питающего Систему. Элита веками воспитывает у угнетенных комплекс неполноценности, чтобы излечиться, нужно применить в отношении власти насилие. Элита это те, кто получают, нака-

пливают и превращают успех. Успех, создаваемый в цехах, на рынках и на полях сражений. Успех, запертый в частных сундуках и сейфах банковских ячеек.

Диалектика проводит границы не между людьми, но внутри людей. Так, например, гражданин это часть общества, а совладелец (акционер, собственник) это агент капитала и их интересы могут радикально сталкиваться и прихотливо замиряться внутри одного и того же человека. Целительное лезвие якобинской гильотины, отсекая условно прогрессивную часть человека от условно реакционной, демонстрировало зрителям казни, что друг без друга эти части существовать не могут. Но когда эта гильотина рубит изнутри, а не снаружи, человек становится шизофреником и попадает в соответствующий «дом» для расщепленных. Идеология это форма ложного сознания, призванная оправдать ваше положение и его источники. «Шизофрения» это когда ложность сознания перестает скрываться и выбрасывается наружу во всей своей наглядной невыносимости. Так рассуждали «антипсихиатры», видевшие в росте числа шизофреников политическую проблему, а в самой шизофрении — революционный потенциал. Некоторые из них примкнули к РАФ после их первых успешных акций.

Каждый боевик РАФ по-своему оправдывал мрачный энтузиазм своего выбора. Каждый из них по-своему любил бомбу.

Для одних мир начался с бомбы. Сначала Бог взорвал её, а потом возникли мы все, как осколки, летящие прочь от центра. Так что, всякий бомбист просто повторяет акт творения. Можно рассуждать о преступности этого акта, но ничего нельзя с ним поделать.

Бомба это амфора, в которой накапливается краденый свет. Мы получаем от солнца тысячи шансов каждый день, но крадем их у себя сами, прячем их в эти сосуды. И когда сосуды с краденым светом переполняются, они начинают взрываться везде.

Мы все создаем бомбу. Я, вы, все вместе делаем её. Партизан есть просто механик, который собирает её и приводит механизм в действие. Он — технический работник Истории, её обслуживающий персонал, но с одним уточнением — История не нанимала его на работу и не обещала ему оплаты. История не является отчужденной от своих работников корпорацией воспроизводства рабочей силы, потребительской массы, электоральных толп. История — единственное, что нельзя отнять у людей и когда они это осознают, то сами записываются в её работники.

Всё, что происходит в мире, отныне происходит именно с тобой. С бомбой ты всё решаешь сам, как будто ты создал этот мир.

Взрыв бомбы это место, в котором реальность разрывает иллюзию.

Взрыв бомбы это возмутительное нарушение правил притяжения всего ко всему.

Взрыв это громкое заявление Истории о том, что на этом месте стоило находиться чему-то совершенно иному и гораздо более достойному.

Взрыв это способ позвать к себе самого себя.

Бомба вербует тех, кого смерть пугает меньше, чем отсутствие реальной жизни. Бомбу можно сделать везде и из всего.

Взрыв бомбы это художественный шедевр, который существует менее секунды, а потому предназначен не для людей.

Клауса Юншке первый раз задержали из-за неправильной фотографии в паспорте. Вместо себя вклеил фото председателя Мао, утверждая что это его «истинное Я».

Второй раз сел пожизненно уже как партизан-РАФовец. Сейчас Юншке вспоминает о свинцовых днях: «Ты становишься городским партизаном, перекрасив волосы, живешь в незнакомой квартире под чужой фамилией, изучаешь план операции, готовишь себе и другим еду. На водосточной трубе, на почте, в банке — твое фото, тебя разыскивают, ты угроза для Системы. Вместе со своей подружкой ты следишь по ночам за полицейскими машинами с антеннами, в свою очередь выслеживающими тебя. Иногда появляется Ульрика, её не узнать из-за пепельного парика, платка, темных очков и джинсов в обтяжку. — Обожаю зиму, — говорит она, — рано темнеет и даже днем ты почти не узнаваем».

«Внутри взрыва, за ничтожно малое для нас время, возникают разумные системы такой сложности, которые ни при каких условиях невозможны в привычной нам, длительной реальности. Бомба это куколка, в которой они таятся. Возможно, мы существуем только за тем, чтобы взрывать» — записывал в дневнике примкнувший к РАФ физик. Его товарищи критиковали такое понимание. Посмертно дневник был опубликован в журнале «Бесплатный мир».

Другой активист был исключен из РАФ за то, что использовал для пропаганды «реакционный» немецкий миф о Зигфриде. Претендующий на трон кузнец — пролетариат, дракон — буржуазное государство, кровь дракона на губах и коже кузнеца — опыт вооруженного сопротивления, Нибелунги с их проклятиями — фашистское (или феодальное) прошлое, которое всего лишь замаскировано, но не изжито, сокровища Нибелунгов — собственность, требующая экспроприации.

Особенно такая расшифровка не нравилась Гудрун, ведь её имя совпадало с Кримхильдой.

На пожелтевшей обложке сборника их заявлений, подаренного мне немецким телережиссером, империалистический орёл с герба Федеративной Республики перечеркнут эмблемой РАФ — пятиконечной звездой с коротким автоматом внутри. Телережиссер всю жизнь скрывает своё членство в нигде не зарегистрированной немецкой коммунистической партии. Но скрыть, что ты привлекался в 1970-х за «укрывательство и не доносительство», от работодателя нельзя.

После нескольких месяцев их войны, у товарищей из РАФ были автомобили с дублированными номерами, печати полицейских и станки для печатания любых паспортов. Чаще, впрочем, выручала не техника, а находчивость, отличающая людей, излеченных от гипноза Системы.

«Кто из вас оправданный Томми Вайсбекер?» — спросили двух боевиков сразу после суда. Осужденный Генрих фон Раух улыбнулся шире, жандармы это превратно поняли и немедленно его отпустили. Через час оставшийся за решеткой Томми напомнил, что вообще-то суд оправдал сегодня его. РАФ считали Систему идиотской машиной эксплуатации, не различающей отдельных людей, и не ошиблись. Правосудие это театральная сторона эксплуатации. Впрочем, в будущем Система поручит машинам различать людей по сетчатке глаза и другим биометрическим данным.

Они казнили медиаманатов и многих других, с удовольствием передразнивая бюрократические рассуждения о неотвратимой справедливости, уполномоченной народом.

Бомбами против семей законников РАФ отвечали на карцерные пытки своих товарищей. Фриц Тойфель ввел в обычай блевать на стол дознавателя, когда вам задают вопросы. Свой приговор в суде он слушал, встав на голову, иначе ему было непонятно обвинение.

К Иордану, чтобы стать там другими. Воодушевленные первым успехом, тридцать наиболее надежных герильерос отправились повышать мастерство в Палестину по приглашению Абу Хассана, тогдашнего лидера арабских повстанцев.

В Бейруте их задержали прямо в аэропорту, т.к. вместо документов у большинства оказались неправдоподобные самодельные бумажки, но гостеприимные боевики Абу Хассана взяли аэропорт штурмом и увезли всех к себе на иорданскую базу. В горах, напялив камуфляж, береты и палестинские платки, покрасив черным, «под арабов», волосы и брови, РАФ месяцами тренировались в стрельбе из всех видов оружия. Модник Баадер был единственным, кто отказался от зеленой формы и так и ползал по камням в замшевых брюках, отчего к концу обучения выглядел настоящим панком, хотя панков тогда еще не было. Майнхоф чуть не угробила товарищей, неумело обращаясь с «лимонкой». В этой дикой местности девушки тосковали по привычной кока-коле и сэндвичам, их беспокоил ночной вой собак. В остальном всё двигалось по плану: марш-броски, семинары: «Ограбление банка», «Уход от преследования», «Побег из тюрьмы». Жили коммуной в одном доме. Из личных вещей только одежда в тумбочке и автомат — у каждого над кроватью. Потом палестинцы мягко попросили немецких друзей вернуться домой: во-первых не умеют экономить патроны, во-вторых «развращают наших детей» — РАФовцы устроили на крыше нудистский пляж, а в лагере тренировалось немало местных подростков, будущих «живых бомб». Им такое зрелище не полагалось.

У них был стойкий иммунитет к прессе и вообще иммунитет к популярным иллюзиям — черта, которая сближает «террористов» с самыми главными специалистами по «наведению порядка». Хорст Герольд, верховный комиссар по их искоренению, сказал уже после смерти Баадера: «он был единственным, кто полностью понимал меня, а я единственным, кто пони-

мал его». Эта взаимная ясность не исключала войны. Наоборот, делала войну неизбежной.

Десятки ограблений банков и политических похищений. Сотни угнанных машин и захваченных самолетов. Свыше тысячи бомб за двадцать лет. Мишени — военные базы и натовские казармы, престижные офисы, буржуазные редакции. Самые известные из убитых ими — несколько американских генералов, командовавших натовским контингентом в Европе, директора «Сименс» и «Дойче Банка», высокие полицейские чины, бизнесмены и промышленники. Последнего приговоренного, приватизатора восточных земель в уже объединенной Германии, Ровендера разорвало ракетой в 1993-ем. Официально РАФ сложили оружие в том же году, сравнив с землей пустое здание новенькой тюрьмы Кнаст-Нойбау, подчеркнув так свою «освободительную» миссию: начинали, мол, тоже с освобождения товарища из тюрьмы.

Каждое новое поколение бралось из всё той же вечной тусовки: книжная болтовня, артистическое хулиганство, легкие наркотики, оппозиционное пижонство. РАФ относились к «левой сцене» с иронией, но понимая: и глубокие теоретики, и распространители уже готовых идей, и те, кто непосредственно участвует в партизанской войне, — все берутся оттуда, из людей начитанных и неряшливых, талантливых и ленивых. К ним переходили те, кто переставал сомневаться. Переставал не потому, что вдруг во все поверил, а потому что сомневаться просто надоело. Сомнения отравляют всё, что ты делаешь.

Перевести вам ещё с немецкого? «Наши сомнения — призраки удушенных революций».

В РАФ оказывались те, кто не мог разделить с системой её главную идеологическую догму, гласящую: «в основе всех наших свобод лежит свобода торговли и потому любая из наших свобод может быть ограничена ради свободы торговли». Городские партизаны всегда видели, что за таким, либеральным пониманием свободы, скрыта диктатура капитала.

Популярные психологи вычисляли в своих книжках «РАФобразующий тип»: гуманитарные девочки с завышенными ожиданиями и дикие мальчики с комплексом кинозвезд, плюс юристы, уставшие от крысиной возни в бесконечных бумагах.

Телепроповедники осмотрительности вторили им: склонные к пижонству мальчики, воспитанные без отцов, и начитанные девочки с глубоким комплексом несостоявшихся монахинь и миссионеров идеально дополняют друг друга в нелегальной группе, для которой любимым способом общения с миром становится насилие.

Школьники эпохи большого рок-н-ролла, они запретили себе «взрослеть» и «мудреть», т.е. постепенно становиться теми, над кем ты смеялся и кого ты презирал, будучи подростком. «Взросление» это лишь социальный конструкт, проложенные властью рельсы, и никто не обязан по ним ехать в указанную сторону.

Влиятельная журналистка Ульрика Майнхоф не так уж долго думала, прежде чем перейти от слов к пулям. Была в её журнале «Конкрет» такая рубрика «Журналист меняет профессию».

Покончив с легальной жизнью, Майнхоф просила арабских товарищей поместить её детей в палестинский лагерь для беженцев. Такая среда представлялась ей во много раз прогрессивнее, чем обычная немецкая буржуазная семья. В итоге её близнецы оказались в коммуне сицилийских анархистов, живущих рядом с Этной. Каждый день после утренней медитации они могли наблюдать вулкан, в кратер которого кинулся философ Эмпедокл, любимый герой Гельдерлина. Фридрих Гельдерлин, один из главных голосов немецкого романтизма и натурфилософии, был прямым предком Майнхоф, а значит и её дочерей. Написав всё, что хотел, он бросился в кратер безумия и отказался от всех привычных связей с людьми. Его другом со студенческих лет был Гегель, прямой предок Гудрун Энслин, с которой Майнхоф создала «базовую вооруженную группу». Одно время в университете Гегель и Гельдерлин даже жили в одной комнате. Из этого получился бы успешный постмодернистский роман, если бы симпатия к «вооруженным группам» всю жизнь не отвлекала меня от успеха такого рода.

На похороны Майнхоф пришли четыре тысячи студентов, одевших в знак солидарности черные маски. Они несли траурную ленту с эмблемой РАФ и словами: «товарищ Ульрика, революция отомстит за тебя!».

В студенческие годы товарищ Ульрика состояла в «Братстве святого Михаила». Позже возглавила «Комитет против ядерной смерти» и, выйдя замуж за известного публициста Клауса Релля, родила ему двойняшек. В их доме паслись шумные экологи и пацифисты. С их точки зрения, вероятность экологического кризиса и призрак ядерной войны без победителей делают всех нас гражданами мира. Примкнула к подполью, когда ей было едва за тридцать.

«Перестать стрелять значит предать себя и снова стать животным» — фраза из дневника «красноармейца», застреленного при задержании. Он начал с раздачи всем желающим бесплатных проездных, которые готовил дома на самодельной технике.

Венсеремос! Делай золото из своей ненависти. Кто знает, чья фамилия пропишется завтра в истории сопротивления? Не твоя, дорогой читатель? Ты уверен, что не твоя? Прижми ладонь к грудной клетке или поймай пальцами пульс. Слышишь, как танцует кровь? Это уже тикает бомба, которую ты ещё не собрал. Работает часовой механизм. Какой ты поставишь час? Нужно светиться от ненависти. РАФ. Запомни три красные буквы. Без них ты слабее. Какого ты родился числа? Что произошло в этот день?

2. КУЛЬТУРНЫЙ ФРОНТ

ФАССБИНДЕР, БОГЕМА, НЕВРОЗ, РИТУАЛ, РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЛЕВАЯ КУЛЬТУРА

Есть у товарища Фассбиндера фильм «Сатанинское зелье», там в комедийно-абсурдистской манере (Ф больше не снимал комедий, тем интереснее...) сформулированы основные проблемы богемы его времени и его круга, т.е. 1970-ых годов, и удивительно, как мало изменились это время и этот круг.

Дурацкий герой этого кино живет творчеством, с которым, впрочем, у него проблемы. Погруженность в творчество — его алиби, позволяющее быть абсолютно равнодушным к окружающим: семье, любовницам, поклонникам. Его «замыслы» есть простое уклонение от общественно полезного труда. Он всегда находится в поиске денег, их дают знакомые проститутки, родители, читатели. Но и этим «творческим» алиби всё сложнее маскировать невроз, отражающий иррациональность его роли. Чтобы «стимулировать себя» (на самом деле все из-за тех же денег) он совершает убийство во время садомазохистской игры и немедленно пускается по поводу этого «революционного акта» в бесконечное словоблудие, а себя отныне называет анархистом. Но когда энтузиазм убийцы вновь иссякает, он сочиняет стих, который, оказывается, уже написал один романтический поэт сто лет назад, да и тот был переводом бодлеровских «Альбатросов». Очень точный диагноз: капитализм любого века, отраженный в голове художественного невротика, может породить только «то же» искусство и обречь его на вечную стилизацию и повтор. Герой инсценирует салоны прошлого: в романтическом гриме и антикварном костюме при свечах в кругу нанятых и так же одетых «учеников» он

читает задолго до его рождения сочиненные стихи. Любое «произведение» отсылает нас к своему «моменту творения», который находится в центре богемного мифа о художнике.

Он увлекается ницшеанскими идеями о сильных и слабых личностях, относя себя, конечно, к первым, хотя весь состоит из попрошайничества, истерики и самолюбования. Некоторое время утверждает, что он «фашист». Потом решает, что его отверженность в том, что он скрытый гей и пора открыться, но первый же гомосексуальный опыт вызывает шок и проваливается. «Ты не можешь быть тем, кем себя воображаешь», -- незадолго до смерти говорит ему жена. Он устраивает истерику над её трупом и тут же, спохватившись, говорит врачам: «Я веду себя так, чтобы соответствовать вашим представлениям об адекватном поведении». Он ничего не испытывает, не может, и с огромным трудом, жертвуя окружающими, поддерживает своё богемное алиби. Честная проекция его жизни — умственно отсталый брат, весь фильм охотящийся за мухами на кухне. Но как же убийство, которое он совершил? В конце и оно оказывается фарсом, инсценировкой, розыгрышем.

В подобный тупик отчуждения закономерно попадает богемный человек, сторонящийся ежедневной работы по переделке общества, не готовый шагнуть из «радикалов» в революционеры, жалкий клоун, обреченный в истериках сочинять давно известное символистское стихотворение про альбатросов, да и то до тех пор, пока на это есть меценатские деньги.

Революционная организация это единственное место, где фантазия богемы перестает быть бесплодной. Такая организация это сжимаемая историей пружина, которая, однажды разжавшись, приведет в движение всё, что почиталось вчера незыблемым, включая общие законы искусства. Организация это шанс для богемы перейти от отрицания того, что есть, к утверждению того, что должно быть. Путь в такую организацию начинается с ответа на вызов реальности. Например, с ответа на то, что в современной российской культуре на всех уровнях либеральный постмодерн уверенно сменился неоконсерватизмом и «новой внятностью» с их евразийской военной паранойей, невыносимой пошлостью патриотического бытия, лакейской любовью к «диковинкам» и православной задумчивостью с Машей у самовара. Плюс возрастающая от сезона к сезону доза мистики и обязательный культ почвы, предков и смерти. И дело тут не в естественном страхе смерти, а в протivoестественной бессмысленности жизни людей, которые испугались выяснить, зачем они находятся в реальности и очень устают от этой неизвестности и сами от себя, откусывая свой хлеб, входя в свой Интернет, протягивая карточку к банкомату.

Нынешний богемный невротик часто отвечает, что левая культура для него слишком рациональна. Брехт и Годар не «увлекают» и не «цепляют». Богемному невроту непонятна, неприятна и неудобна лекция одного из героев «Китайки» о том, что создатель кино Люмьер был буржуазным импрессионистом, а вот Мельес стал настоящим брехтианским фантастом. Разница

между документом и вымыслом на экране стирается всегда, в любом случае, и значит, единственная правда, которой стоит требовать от кино, это наглядность его механики, прозрачность работы зрелища, очевидность не скрываемых более интересов, доставляющая диалектическое удовольствие, а не пустую замороженность простейшими эмоциональными аналогами из своего так и не понятого опыта. Даже дада и сюрреалисты, столь высоко ценившие освободительную силу бреда, слишком рациональны для богемы в своих системах ответов на вызовы буржуазности и со своими билетами компартий.

А что «цепляет» невротика? Всё чаще это рука, вскинутая от сердца к солнцу и факельное шествие. Ритуал и зрелище. Тут пора задать важнейший вопрос: являются ли замороженность и участие в мистерии вечными потребностями человека, его неизменным свойством? Человек таков и всегда будет таков? Если мы ответим «Да!» и попытаемся остаться в остальных вопросах левыми, у нас выйдет новая сталинистская диктатура, изобретающая авторитарные ритуалы, «выгодные» для распространения «марксизма», т.е. для воспроизводства самой себя.

Да! — отвечают на заданный выше вопрос тысячи невротиков, потребляющих зрелище. Нет! — отвечает на него же революционная организация. Наш научный ответ: человек не таков. Энтузиазм от фильмов Рифеншталь и обаяние эсэсовской формы это как раз то, что ситуационисты называли «зрелищем» -- разлитый между нами, тормозящий нас, парализующий сознание газ отчуждения. Зрелище не есть наша «глубинная видовая потребность». Зрелище это утешительная компенсация за отсутствие Истории в жизни невротика. Оно является следствием искаженных властью и капиталом отношений между людьми. Если мы не получаем от контакта с окружающими того, чего хотим, то начинаем нуждаться в мистерии/ритуале. Когда мы чувствуем дискомфорт от отсутствия собственного места («не состоялись»), растет наша потребность в мифах. То, что выдается за глубинную и непостижимую родовую тайну нашей психики это простое клеймо, поставленное Системой на её живом товаре.

Спектакль (по Ги Дебору) есть манифест отказа от собственной истории ради чужого зрелища. Спектакль есть состояние, в котором отчуждение становится видимым и завораживающим. Спектакль доставляет нам особый эффект пассивного удовольствия, которое вспыхивает на наших границах, когда господство капитала внутри нас встречается (сквозь желанный образ) с господством капитала вокруг нас.

Поэтому левая культура всегда была столь «не цепляющей/не зрелищной/не гипнотической/не ритуальной», но разоблачительной, исследовательской, последовательной, рефлексивной. Левая культура революционных организаций всех стран предлагает вам самостоятельность и место в Истории, а не иррациональную замороженность счастливых жертв и потрясенных наблюдателей. Гордую трезвость революционера вместо растворяющегося в экстазе раба.

Брехтовское «остранение» включает зрителя, делает его не просто потребителем образов, но свидетелем и сознательным соучастником их производства. Разница между двумя проектами аудитории — «участвующей в производстве» и «потребляющей» -- это примерно то же самое, что разница между «массой» в марксизме и «толпой» в фашизме. Примерно то же самое, что разница между бастующим и безработным.

Что, кстати, делает Фассбиндера «товарищем»? Великий метод и большие чувства. Можно стремиться показывать настоящие вещи, но это буржуазный подход искателей наилучшего товара. Нужно стремиться показывать (любые) вещи по-настоящему. В этом смысле Годар эпохи «сине-трактов» («кинолистовок») говорил, что с удовольствием бы экранизировал долларовую банкноту. Таков революционный подход тех, кто хочет быть работником истории, найдя в ней себя и точку зрения, помогающую обнаружить товарищей, союзников, попутчиков и противников.

ЖИЗНЬ ПИ -- АТЕИЗМ НЕВЫНОСИМ?

Сначала кажется, что это сказка для старшеклассников в стиле нью-эйдж, о поисках личного бога, абсолютном одиночестве, как этапе на этом пути, а так же о сложных отношениях духа с нашей «звериной» стороной. Ближе к концу, когда мальчик оказывается на неправдоподобном острове, окончательно убеждаешься, что речь в фильме идет о символизации, типа «представьте себя и своих знакомых каким-нибудь животным, островом, растением, богом и опишите их, как можно подробнее». В этом экранизированном тесте психолога, на острове-людоеде, есть идиллический день жизни и черная бездонная ночь некрота, в которой распускаются на деревьях светящиеся цветы с человеческими зубами внутри. Именно тут понимаешь, что с мальчиком произошло нечто совершенно иное, невыносимое для него, и мы весь фильм видели «картину замещения», иносказание, которое только и может окончательно спасти его психику. Но самое важное ждет нас в финальном диалоге, где мы получаем две истории. В первой мальчик спасается на лодке вместе с тигром и другими животными. Тигр убивает остальных зверей, но становится почти другом мальчика, прежде чем они расстанутся навсегда. Во второй версии мальчик оказывается в шлюпке с матерью, матросом и коком. Матрос гибнет от инфекции и его возможно (это не проговаривается до конца, потому что не может быть явно произнесено) съедают. Кок на глазах мальчика убивает его мать, а мальчик, пережив это, убивает кока и на несколько месяцев остается один в океане, где постепенно придумывает для себя и нас первую, «тигровую» историю, чтобы не сойти с ума от случившегося.

Важно, что ещё на суше он увлекается тремя религиями сразу — индуизмом (Кришна и Шива), католицизмом и исламом. Т.е. его основная черта — религиозность, даже — религиозная всеядность, экуменизм. В зрелом возрасте он преподаёт историю каббалы в университете, а затонувший корабль, на котором «осталась» (по одной из версий) его семья, называется, кстати, «Цимцум» -- древнееврейский термин, означающий уникальную идею творения мира через «сжатие» и «сокрытие» бога, а не через его «развертывание» и «откровение». «Цимцум» объясняет сам феномен человеческого сознания как парадоксальный факт сокрытия и удаления бога от себя самого.

Какая же из двух историй действительно случилась? — хочет знать зритель, воплощенный в писателе, выслушавшем обе версии. — А какая вам больше нравится? — волнуясь, спрашивает повзрослевший мальчик. — Конечно, та, что с тигром, — спешит выбрать писатель, успокаивая собеседника. — И в ней есть Бог! — с просветленной улыбкой отвечает спасшийся. В этот момент в фильме открывается настоящее «атеистическое окно» и проговаривается его идеология. Вот она: мы нуждаемся в иллюзии и лжи, чтобы не превратиться в чудовищ, которыми потенциально являемся. Без этого святого обмана не могло бы возникнуть цивилизации. Без этой «неправды» у героя никогда бы не было ни работы, ни дома, ни жены с двумя прелестными детьми. Скорее всего он вообще бы не спасся, если бы всё это не выдумал. Атеистическое окно открывается, но ни смотреть, ни тем более вылезать в него не рекомендуется никому, ибо это равнозначно потере человеческого статуса. Невыносимость нашего опыта заставляет людей прибегать к созданию «примиряющих» символических систем, которые лежат в основе всех религий и человеческой культуры вообще. Точка зрения, конечно, буржуазная, идеалистическая, но субъективно честная, показывающая границу мира, за которой открывается его революционная перспектива, невозможная в таком сценарии и в буржуазном сознании. Мы вечно нуждаемся в выдавании (окровавленного) шила за (душистое) мыло и именно это делает нас духовными — вот главная идея фильма, фактически повторяющая всем известное «... его следовало бы выдумать». Человек, конечно, потенциальный убийца и людоед, но ещё он умеет символизировать, обманывать сам себя и создавать вторую реальность, на которой держится мораль, амортизирующая в нас людоеда и хищника. Мысль консервативная и охранительская, но это консерватизм, который не верит сам в себя, потому что знает, что его «духовность» есть всего лишь способ избежать жуткой и не желательной травматической правды. Вот одна из причин, по которым современный капитализм называют «поздним», намекая на его идеологический предел и антропологический пессимизм.

«Потребность убивать, хотя бы умозрительно и символически, свойственна нам не менее, чем эмпатия» — сказал мне недавно на гламурной лондонской тусовке один известный бизнесмен. Мы обсуждали с ним компьютерные «стрелялки» и новоросскую войну. И я думаю, что он прав. Хотя выводы из этого предположения мы сделаем наверняка очень разные.

Радикальный материалист попытался бы отказаться от иллюзий и принять себя таким, каков он есть. Т.е. (по сценарию) признать себя убийцей. Если верить фильму, такое «принятие», во-первых, разрушило бы до основания нашу цивилизацию, а во-вторых, на такое всё равно никто не способен. Мы не можем быть атеистами, потому что столкновение с самим собой невыносимо. Реальность это не то, на что мы способны смотреть, не закрываясь фантазией.

Энг Ли снял фильм о необходимости и силе человеческих иллюзий. И это делает фильм мейнстримом. Но при этом иллюзии признаются именно иллюзиями, душеспасительной ложью (как и в нолановском «Бэтмане»), а не чем-то другим. И таким образом мы имеем последний, финальный и парадоксальный аргумент: «нельзя не верить в богов, которых нам следовало выдумать, чтобы спрятаться от себя».

Следующим шагом был бы разрыв со всей традицией символизации, признание её неизбежности на определенном этапе и проект нового человека и нового общества, не нуждающихся в иллюзиях и не боящихся себя. Проект всеобщей революционной терапии. Но такой программы не может быть в сценарии мейнстримового кино, предлагающего только один выбор: кем вам приятнее себя считать — отчаянным убийцей и бессильной жертвой или всё-таки «другом бенгальского тигра»?

ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ: ПОМНИ, КТО ТВОЙ НАСТОЯЩИЙ ВРАГ!

РЕВОЛЮЦИЯ СНОВА В МОДЕ?

Как надо понимать весь этот «голливудский марксизм» -- недавние «Время» и «Элизиум» и вот теперь вторые «Голодные игры», которые оказались во много раз политизированнее первых?

Те, кому всё ещё выгодна нынешняя стабильность, понимают так: серьёзной революции в современном мире не предвидится и именно поэтому про неё можно спокойно снимать фильмы-стрелялки для школьников. Классовая война на экране это всего лишь фантомная боль ушедшего века. Постмодернистская игра в альтернативную историю и в то, чего никогда уже не будет.

Те, кому выгодны большие перемены в мировом масштабе, понимают иначе: настали времена, когда об этом невозможно молчать, когда миллионы кулаков сжимаются от гнева и желание войны за справедливость становится всё более популярным настроением. Массовая, т.е. очень простая, но актуальная, культура десятых годов не может оставаться прежней в эпоху арабских революций, протестной оккупации площадей в США и беспорядков на пылающих улицах по всей Европе.

О спецэффектах, платьях и колебаниях девочки между двумя мальчиками вы прочтёте во всех остальных рецензиях на этот фильм. Поговорим о его социальном послании.

ИМПЕРИАЛИЗМ

Власть на этой земле есть ничем не подслащенная диктатура буржуазии, собственный стиль которой — имперско-римский. Кроме буржуазии имеется

гламурный балаган, ставший новой телевизионной религией пролетарских масс. Есть похожая на штурмовиков из «Звездных войн» охрана этого порядка, и, наконец, бесперспективное большинство — человеческое море простых пролетариев.

На карте больше нет первого и второго миров. То есть нет классического (капитализм) и альтернативного (социализм) геополитических центров. Нет там и третьего мира, т.е. не присоединившейся периферии, которая выбирала, по чьей модели развиваться и воспринималась двумя конкурирующими центрами как ресурс и поле влияния. Есть только Капитолий -- золотой Запад, главный офис, и гигантское гетто для мирового пролетариата, разделенного границами «дистриктов» по производственному признаку, как камерами в планетарной тюрьме. Нефтяной дистрикт, продовольственный, собирающий летающие машины, добывающий алмазы и т.п. Выживание, бесправие, тяжелый труд, ранняя смерть и никаких альтернатив — вот судьба жителя любого из них. После усмиряющих рейдов там прижигают раны от полицейских побоев той же «огненной водой», которую и пьют. Внутри дистриктов так же есть небольшое разделение на торговцев и «шлак» -- промышленных рабочих. Были и показательно «стёртые» дистрикты, посмевшие бросить вызов Капитолию, это Ливия или Ирак этого мира.

Такой мир был мечтой британских империалистов сто лет назад, но он не состоялся из-за появления второго, социалистического, мирового центра. США стали с тех пор новым центром империализма. Что может помешать подобному проекту сейчас?

ИГРЫ

В отсутствии доступа к образованию и другим ресурсам роста единственный и очень узкий социальный лифт — победа в кровавом реалити-шоу. Это как мечта миллионов провинциалов выйти в люди, попав в наш «Дом-2». В нашем «Доме-2», кстати, участники рекламировали первую серию «Голодных игр» в прошлом году. Но ещё больше «Игры» похожи на другое шоу — «Последний герой». Сюзен Коллинз именно так и придумала свой сюжет, переключая телевизор с «Последнего героя» на военные новости из Ирака. Жестокость добавлена в шоу для драматизма. Правила простые: убей или дай погибнуть другим, чтобы получить всё самому, оставшись на острове последним -- крайний случай той конкуренции индивидуумов, которая движет этой цивилизацией и которая, как надеется власть, навсегда вытеснила человеческую солидарность. У каждой пары есть корпоративные спонсоры, помогающие ей в смертельной борьбе с другими парами.

Но чем чаще проявляют солидарность эти дети шахтёров и пекарей, тем больше у них шансов на успех. Как выглядит официальный успех? Это победа в кровавом шоу и превращение в «звезду». У народа должно быть только

такое, игровое «представительство». Но победители изобретают другую модель успеха — революционный заговор тех, кому нечего терять. Они становятся представителями народа в другом и более радикальном смысле. Пароль заговорщиков, по которому они узнают друг друга: «Помни, кто твой настоящий враг!».

Игры проводятся ежегодно, чтобы напомнить о раз и навсегда подавленном бунте угнетенных. Игры парализуют политическую волю. Народ видит, как демиурги Капитолия создают искусственный мир, посылают ядовитый туман и молнии с неба. Они контролируют древний круглый календарь, каждый час дающий испытуемым новую кару, — кровавый дождь или птиц, кричащих голосами твоих уже мертвых друзей. Правящий класс это боги и только лучшие из нас, настоящие герои, могут попасть в золотой луч их внимания и стать «звездами» -- призрачной надеждой миллионов на личный успех в конкурентной борьбе с себе подобными.

ВИЛКА РЕВОЛЮЦИИ

Первое проявление их солидарности — берутся за руки в прямом эфире, чтобы остановить Игры — ничего не даёт. Шоу будет продолжаться, пока главная героиня не выстрелит электрической стрелой в искусственное небо-экран, на котором ночью все видят лица погибших героев шоу. Пока не будут разрушены искусственные небеса.

Главный символ народного неповиновения в этом мире: три пальца, поднятые вверх и поднесенные к губам. В исходном романе Коллинз есть туманное объяснение — это похоронный жест памяти. Почему он так выглядит, люди не помнят. Но любой человек, знающий недавнюю историю США, легко узнает этот жест.

В конце 1960-ых американские анархисты и бунтующие студенты стали поднимать вверх на своих сходках не два (как у хиппи), а три пальца, изображая вилы, а точнее, вилки, которые вонзали духовные чада контркультурного гуру Чарли Мэнсона в гламурные тела голливудских кинозвезд. Эта трехпалая «вилка» (fork salut) напоминала всем модным, успешным, и особенно спекулирующим на молодежном бунте людям о возможном возмездии и приходе этого самого бунта к ним домой. Не то чтобы новые левые поклонялись Мэнсону, который вообще-то был тем ещё шизоидом и расистом, но присвоение этой «вилки», как собственное приветствие, помогло левакам отделиться от мирных хиппи с их «викторией», и противопоставить себя истеблишменту. О вилках знали тогда в Америке все, кто читал газеты. В вилках был намёк на классовый каннибализм и это ужасало обывателя, который и был главной мишенью новых левых.

Жест не прижился, потому что заранее выдавал полиции «бешеных», готовых драться на любой протестной сходке. В семидесятых он превратился в левацкий лозунг «Ешь богатых!». Отсюда и прикосновение пальцев к губам.

СВОЙ ПАРЕНЬ ИЗ ЭЛИТЫ

Из кого состоит их революционный заговор? Это альянс пролетарских детей + креативные технари, знающие всё о защитных полях, окружающих власть + политтехнолог, тайно сочувствующий «невозможным» переменам.

Последний — самый неоднозначный герой фильма. Именно он, по принципу «чем хуже, тем лучше», подталкивает президента к провоцирующим бунт шагам: «Показываем в новостях свадебный торт, потом казни восставших, потом свадебный поцелуй и сразу после этого расстрелы несогласных!».

Без раскола элит никакая революция невозможна. Заговорщикам помогает распорядитель шоу, мечтающий сместить президента Капитолия, чтобы изменить весь расклад отношений в системе. У него серьезный личный мотив для ведения столь рискованной двойной игры. Он не хочет повторить судьбу своего предшественника, которого жестко «слили», как не справившегося с важной должностью.

Зрителю предлагается найти среди элиты «своего», меньшее зло, не такого уж плохого парня, готового к переменам. Это шаг от «излишнего» антисистемного радикализма к розовому реформизму. С другой стороны, мотивы распорядителя слишком личные и в следующей серии он вполне может оказаться слабаком, предателем революции или узурпатором, который просто хотел занять президентское кресло в Капитолии.

В дни выхода второго фильма по похожему принципу «меньшего зла» в Нью-Йорке избрали мэром «товарища Билла». Он выступает не только за бесплатную медицину, но и за бесплатные детские сады + строительство городом дешевого народного жилья, которое должно быть выключено из коммерческого оборота недвижимости. Ещё летом его винтили на акции против закрытия больниц и вот он уже мэр «большого яблока». Системный результат внесистемного «Оккупая» после 21 года власти республиканцев в главном американском городе.

Благая (но истинная ли?) весть: у мирового пролетариата есть тайные союзники в самом сердце угнетающей их системы, они недовольны и готовы (никто не знает, насколько долго) участвовать в заговоре и бунте против собственных хозяев.

В нолановском «Бэтмане» именно такие герои, перешедшие на сторону Бэйна, показаны с предельным отвращением. Но «Голодные Игры» это «Бэтман» наоборот — у положительных героев-заговорщиков как раз идеология Бэйна слово в слово. Это взгляд с другой стороны, ставящий мировое господство WASP-элиты под сомнение.

ЗВЕЗДНОСТЬ

Зачем революции «звезды»? А тем более «звезды шоу». Нет ли гротеска в том, что восстание поднимают именно они, а не какие-то профессиональные борцы, которых в фильме нет вообще? Не лучше ли восставшим иметь программу расширения равенства и бороться за неё безо всяких там «звезд»?

Пока общество остается классовым, иерархическим, зависимым от медиа, спектакулярным и недемократичным, психика большинства людей с железной неизбежностью будет нуждаться в «звездах», «моделях» и «иконах», в том числе и в «звездах протеста». Сама экономика желаний людей в таком обществе, организация их эмоций, начиная с детства, требует «звезд», без которых они не могут пережить политической мобилизации и выйти за пределы частного существования людей-функций.

Люди, не нуждающиеся в «звездах», могут возникнуть только ПОСЛЕ, а не ДО большой революции. Конечно, человек, выбравший путь сознательной борьбы, становится свободнее от спектакля и ироничнее относится к «звездам», но это всегда лишь «отчасти» и всегда касается лишь меньшинства. Поэтому любая революция будет искать и порождать собственных «звезд» и «живых идолов».

Я существую постольку, поскольку меня снимают и показывают, а не наоборот. Спектакль позднего капитализма это массовое пристрастие «ебашить лук». Но именно в точке своей тотальной победы спектакль диалектически выворачивается наизнанку. Каждый человек получает возможность стать не только потребителем, но и источником зрелища с собственным, сколь угодно радикальным сценарием. Так общество спектакля и одномерных зрителей, окончательно победив, перестает соответствовать своему классическому описанию, данному левыми меланхоликами в 1960-х и поворачивается к нам своей другой, непредсказуемо-революционной стороной.

НОРМАЛИЗАЦИЯ

Как только у американского среднего класса начинаются проблемы с ипотекой и оплатой колледжа, он сразу же с гораздо большим сочувствием начинает относиться к шахтерам и пекарям, а так же к «людям третьего мира», о которых пишет проникновенные книги модная левая журналистка Наоми Кляйн. К тому большинству человечества, для которого, как метко подметил историк Хобсбаум, средневековье окончилось только в 1950-х годах.

В третьем фильме героиня узнает, что бунтарский дистрикт не уничтожен, но живёт автономно, порвав с властью Капитолия. Там собираются все недовольные. Они готовят мировую освободительную войну. Но в следующих фильмах неизбежно и снижение слишком радикального пафоса, как это уже было в продолжениях «Матрицы».

К идее «не все представители элиты одинаково плохи для народа» добавится и другая — цель мировой революции уже достигнута. Этой целью является нынешнее положение американского среднего класса — домик, машина и пара детей, свобода проявлять себя в потреблении и относительная безопасность, а вовсе не другой мир новых отношений. Правда, чтобы обеспечить такое положение, всем нынешним землянам понадобилось бы семь таких планет, как Земля, либо небывалый технологический прорыв, принципиально несовместимый с сохранением капитализма.

Западному зрителю напомнят: ваш стиль жизни это мечта миллионов из пролетарских дистриктов за пределами «золотого миллиарда». Лучшее, что может случиться с ними, это превращение в вас. И потому их восстание не имеет для вас никакого смысла и даже представляет угрозу. Несмотря на это главное послание -- у вас есть всё то, за что отдают свои жизни герои на экране, и уже потому ваш мир не так уж плох -- беспорядки, охватившие за два дня десятки городов США в ноябре 2014, использовали это кино по-своему. Повсюду на стенах сожженных мегамоллов и окруженных полицейских участков появились символы сойки-пересмешницы и пафосные цитаты из фильма. Т.е. американскими протестующими игнорируется основное политическое сообщение и они используют фильм как более общую метафору восстания против Империи как таковой. Точно так же, как в Таиланде и Гонконге используют увиденное в фильме запрещенное приветствие как новый жест мирового сопротивления.

В третьем фильме базовым действующим лицом, коллективным основанием восстания по-прежнему является классический пролетариат. Именно рабочие (шахтеры чаще всего) взрывают под пулями киберомона плотину, чтобы оставить столицу без электричества. Именно индустриальный рабочий класс остается главным «слушателем» подполья и от него зависит исход финальной битвы элиты и контрэлиты.

Забавно, что захваченная повстанцами карикатурно-гламурная звезда (ведущая главного capitoлийского шоу) вполне согласна работать на революцию, но от неё нет никакого толку, т.к. она делает то же самое, что делала на службе у власти, только теперь в пользу повстанцев, а им это не нужно. Их целям не соответствует такая форма. Настоящую радикальную пропаганду делают совершенно другие люди — нон-профитные неформалы-киношники, сбежавшие из Капитолия к подпольщикам. Для наглядности в подростковом фильме образ революционного пропагандиста предельно утрирован. У одного из операторов, снимающих радикальное видео, когда-то в Капитолии вырезали язык. Буквально: показать сопротивление системе политически правильно может только тот, кого система лишила возможности говорить. Именно немой оператор просит главную героиню петь старую запрещенную песню. Она поет эту жутковато-романтическую балладу о повешенном бунтаре, дерево казни которого станет местом сбора народной революции. Похожую на гимны американского Индустриального Братства Рабочих сто-

летней давности или на баллады каталонских анархистов той же эпохи. Эта песня становится призывом к всеобщей последней битве восставшей периферии против имперского центра. Революция тут движется с окраин к столице, как в классических бедных странах, а не из столицы к окраинам, как в классических богатых странах. Что за песня играла бы ту же роль в России? «Дубинушка»? Песня нужна сопротивлению, чтобы напомнить всем о том, что революция имеет глубокие исторические корни и подавленную традицию в этом обществе. Без этих корней и опасной традиции восстание будет только игрой контрэлиты и не мобилизует нужное число людей. Конечно, лидер восставших — женщина. И символ восстания — девушка. Эта дань феминизму становится общим местом фильмов о революциях будущего. Лидер наконец проговаривает в своей финальной речи два главных политических отличия от господствующей Системы, за которые борются восставшие. Дистрикты перестанут отдавать всю продукцию в Капитолий и начнут вместо этого свободно обмениваться с другими дистриктами результатами своего труда. Очевидно, что речь идет о рыночном обмене. Власть, наконец, будут выбирать всеобщим народным голосованием. Окончательно уточнено политическое послание фильма — это священная война за демократический капитализм против недемократического капитализма. Устав от собственного цинизма, гламурная ведущая шоу признает: «Любая старомодная хрень может снова войти в моду. Даже демократия!». Бегло проговорено и основное противоречие борьбы. Подпольная армия, под руководством харизматичной интеллектуалки, одетая одинаково и подчиненная военной дисциплине, сражается за демократию. Это явное противоречие между целью политического инструмента и его структурой. Противоречие остается латентным вплоть до победы, но после неё явно станет основным.

ЛЮСИ — ЭВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

На радость феминисткам всего мира, женщины в фильмах Бессона это именно те, с кем происходят главные изменения, и за кем остается последнее слово в большой драме. Лилу, спасающая мир, «Леди», всю жизнь отдавшая политической борьбе против военной диктатуры, Матильда из «Леона» -- меньше всего они похожи на живые эмблемы и призы в ярком мире мужских разборок классического кино. Как тут не вспомнить консервативную шутку о том, что рождаемость падает там и тогда, где женщины в массовом порядке получают образование и равные права.

Другая подкупающая черта режиссера -- французская подозрительность к государству и, особенно, к секретным службам. В «Никите» спецслужбы превращают несчастную героиню в машину для убийств, в «Леоне» большая наркоторговля крышует отделом по борьбе со сбытом наркотиков, а в «Леди» на нас оскалился целый полицейский режим во всем своем воинственном идиотизме.

Но на этот раз Бессон снял фильм не о том, как любовь спасет мир и не о том, насколько яркой может быть одежда, а про нашу эволюцию.

«Люси» -- женский вариант имени режиссера. Но так же американские антропологи назвали самку австралопитека, скелет которой найден в Эфиопии. Копия этого скелета есть в московском палеонтологическом музее. Дети обожают меряться с Люси ростом и фотографироваться. А имя такое антропологи дали ей в честь песни «Битлз», где Люси летает в небесах с бриллиантами и получается аббревиатура «ЛСД». Для понимания бессоновского сюжета это важно.

После усталости от советской «прогрессивной» пропаганды и после разочарования в либеральных мечтах «западного развития» у нас настали па-

триотические времена и общим настроением сделался консерватизм, т.е. крайнее недоверие к «прогрессу» во всех его версиях плюс изоляционистская солидарность. Но западный мир и его массовая культура по-прежнему «бредят» эволюционным скачком и резким ростом возможностей.

У Бессона интересное «геополитическое бессознательное». Брутальная Азия насильственно, но не специально, запускает скачек эволюции в Европе. Третий мир случайно провоцирует полезную мутацию западного человека, зашивая ему в живот ключ к сверхчеловеческому будущему, но не подозревая о последствиях. Обратное влияние мировой периферии на центр вдруг становится решающим.

От ответа на вопрос о прогрессе зависит, как мы воспринимаем общество, в котором живем, чего ждём от его истории и какое себе отводим в ней место?

Главных ответов три.

Первый: никакого прогресса нет и не было, а был золотой век, потом упадок, и теперь настали «последние времена», за которыми грядет конец света. В разные версии этого верят самые разные люди, от индуистов до христиан. Гордо встретить финал и спасти в последнем хаосе свою бессмертную душу — цель нашей жизни.

Второй: Никакого прогресса нет, но нет и упадка с близким финалом и всегда в жизни людей, с библейских времен, происходит примерно одно и то же, описанное в книгах, которые не стареют. Быть порядочным человеком во все времена, не соблазняясь суетой, этический стоицизм — вот всё, что нам остается.

Третий: Мы продолжаем всё быстрее изменяться в сторону большей точности и глубины мышления, самопонимания и власти над реальностью, развертывая свою миссию наведения порядка во вселенной, и этот процесс ничто не может остановить. Такой ответ предполагает острую полемику: какой тип общества, форма образования, вид технологий предпочтительнее?

В прогрессивном, т.е. верящем в эволюцию, сознании, есть два проклятых вопроса:

Кто является агентом эволюции?

И

Какова её причина и движущая сила?

Обычно антропологи уточняют второй вопрос так: почему обезьяна резко поумнела, облысела и создала собственную реальность? Ведь наверняка именно «это» и продолжает до сих пор толкать нас вперед?

В моем детстве первый вопрос не давал покоя братьям Стругацким. Под впечатлением от советских академгородков они рассчитывали на изолированные группы интеллигентов («мокрецов»), а под впечатлением от акселерации и оптимизма педагогов-новаторов надеялись на сообщества детей, сплотившихся вокруг гениальных учителей.

Сознание прогрессиста всегда занято поиском надежного агента полезной мутации, которая станет всеобщей. Желтые подводные лодки молодежных

субкультур? Революционные организации? Университеты? Креативный класс в своих кластерах?

Биологи сходятся в том, что единицей эволюции является не отдельная особь и не весь вид, но популяция — сплоченная группа живых существ одного вида с общей судьбой. Если новая ценная способность унаследована популяцией в целом, можно говорить об эволюционном росте.

Социологи говорят примерно то же самое: историческим агентом становится группа -- религиозная община, партия, диаспора, движение -- которая изобрела нечто новое и предлагает это остальному человечеству на тех или иных условиях, становясь примером подражания или объектом ненависти для окружающих.

Бессон, как и львиная доля нынешней фантастики, показывает нам волшебную фантазию на тему курсов улучшения своих способностей и личного роста. «Наш уникальный метод поднимет вашу эффективность!» -- любимая мантра «креативного капитализма». И вот мы видим деву — бодхисаттву, полностью освободившую свой разум. Это крайне либеральное представление о прогрессе как о личном деле частного собственника своей судьбы. Поднять свой уровень до заоблачных процентов и обойти всех в индивидуальной конкуренции. Мир состоит не из классов, наций и общин, но из отдельных людей, соревнующихся за доступ к ресурсам и всеобщему интеллекту.

Буржуазность этой версии эволюции нагляднее всего видна в главной идее фильма: твой мозг «используется» менее чем на 10%. Имеется в виду, что твой мозг не развивается, не меняется вместе с тобой, а дан тебе изначально с гарантированным набором заданных функций, как купленный в магазине айфон. И этот гаджет мало используется тобой, «неумелым юзером».

Такая индивидуальная эволюция не может быть социальной. Новые навыки не наследуются группой и жизнь людей остается прежней. Мутировавшему сверхчеловеку, перепрыгнувшему через все границы возможностей, не остается ничего, кроме как превратиться в вездесущее божество. Стать кем-то вроде Софии, женской мудрости мира, которой поклонялись символисты сто лет назад и в которую ещё раньше верили средневековые гностики.

Ключ к любой идеологии это её рецепт бессмертия. Бессмертие может быть экономическим: созданный тобой капитал продолжит действовать после тебя, мистическим: душа получит всё, что заслужила, но не в этом, а в другом мире, или биологическим: победа над старением, крионика. Бессон предлагает другой популярный рецепт -- чистый разум, присутствующий сразу во всех электронных устройствах. Женский вариант «Газонокосильщика» или «Превосходства».

Теперь о движущих силах эволюции. Рон Хаббард и Эдуард Лимонов, например, полагают, что человеческая история началась с пришельцев. У Хаббарда души пришельцев вселяются в земных обезьян, как в тюремные камеры. У Лимонова в его «еретических трактатах» человек это результат биологических опытов над обезьяной по созданию послушных и невеже-

ственных слуг для инопланетян. «Космический» империализм, хорошо известный по вполне земной колониальной эпохе.

Каждая новая теория прогресса обнаруживает в нашем прошлом нечто, что оправдывало бы важный конфликт современности. «Человека создал труд» -- говорили марксисты эпохи индустриального бума и больших забастовок. Творчески работай и шагнешь дальше. «Правильное питание» -- утверждают антропологи эпохи бесконечного разнообразия диет и ресторанов. Последнее сенсационное исследование британских ученых на эту тему доказывает, что везучие обезьяны ели особенно питательных муравьев с редким видом белка и это привело к взрывному росту обезьяньего мозга. Найди правильного диетолога и станешь сверхчеловеком.

Ближе всех к «Люси» оказался Теренс Маккена, «открывший» ещё в 1970-ых, что обезьяны просто научились есть псилоцибиновые грибы и это невероятно расширило их сознание, породив язык и всю нашу последующую цивилизацию. Главное выбрать себе правильное «вещество» и ты резко эволюционируешь. Идеология отшумевшей «психоделической революции» -- ЛСД сделает тебя бессмертным и откроет ворота в радужную бесконечность! -- в наше время стала идеологией ночных клубов: ищи своё вещество, оно тоже ищет тебя! Возможно, оно само в тебя проникнет, и заменит тебе курс личностного роста, сделав тебя всевидящим. Именно это и случается с Люси — химия, попав в кровь, запускает полное преобразование сознания. В третьем мире наконец-то создали идеальный товар для мира первого. В этом смысле, фильм можно смотреть как «трип» -- нарциссическую галлюцинацию героини насчет собственного величия под воздействием дозы наркотика, вряд ли совместимой с продолжением жизни.

Впрочем, когда с ЛСД по всему миру начались юридические проблемы, «волшебный товар» в этом рекламном мифе был быстро заменен холотропным дыханием, «одитингом» саентологов или легальными стимуляторами мозга.

больше, чем поэты

Политическая карта современной русской поэзии

В России сейчас всё в порядке с политической поэзией. Например, вот уже два года регулярно проходят организованные нацболовским активистом Скифом «Маяковские чтения». Более сотни людей, сочиняющих политические стихи, публично читали их у памятника великому пролетарскому поэту. По результатам чтений издан сборник. Самые цитируемые из его авторов — либерал Арс-Пегас и социалист Даниил Полторацкий. Но всё же эта поэзия прикладная и активистская. Несколько утрируя, можно сказать, что Арс-Пегас это поэт для «Солидарности», а Полторацкий — для «Левого фронта». Хочется отследить политическую ангажированность поэтов в более широком и не столь митинговом смысле.

ЛИБЕРАЛЫ. ВЕСЕЛЫЙ СТОИЦИЗМ БЫКОВА

Первейший признак либерального поэта это его декларируемая «аполитичность». Он индивидуалист, одинаково сторонящийся и «толпы» и «государства», не любит выводить себя из общего опыта и при всяком удобном случае подчеркивает максимальную автономию личности от породивших её социальных связей. Себя он часто подаёт эксцентриком, который умудряется летать снаружи любых идеологий и через которого свои возможности нам демонстрирует «язык как таковой». Либерализм же такого поэта легко выясняется из его ответов на косвенные вопросы. Он уверен, что совершенно «естественным», «нормальным», «человеческим» и принятым в «цивилизованных странах» образом голосования должно быть тайным, ответственность (как и переживание) строго индивидуальной, а собственность

— неприкосновенной. При этом либерал принципиально игнорирует разницу между собственностью частной и личной и соглашается с тем, что так же как для одного человека естественно иметь в кармане купленную зажигалку, для другого не менее «естественно» иметь завод, на котором работает сто человек или дом, в котором проживает сто семей. В либеральном сознании «экономика» давно и счастливо отделилась от «политики» и после этого отделения «политика» перестала быть нужна «нормальным людям», занятым творчеством. Общество для либерала состоит не из классов или других конкурирующих групп, но из отдельных личностей, стоящих на разных ступенях развития, венцом которого и является буржуазный либерализм с его священным культом «прайвеси». Главная социальная драма, фрустрирующая либерального поэта, обычно состоит в том, что окружающая политическая действительность, т.е. всё то же «государство» и всё та же «толпа», постоянно ведут себя неправильно и страшно грешат против вышеописанной и «само собой разумеющейся» естественности и нормальности. Дополнительный шок он нередко переживает, побывав к западу от наших варварских границ и убедившись, что, во-первых и там жизнь гораздо дальше от его идеала, чем он ожидал, а во-вторых, большинство тамошних интеллектуалов и представителей богемы либеральное представление о «естественном устройстве общества» отнюдь не поддерживают, обидно называя такую систему ценностей идеологической маскировкой диктатуры капитала.

В прошлом он сам или его старшие предшественники много спорили о том, кто круче — Пастернак или Мандельштам? Потом они почитали Бродского как «архетип» идеального поэта. Другим идеальным для них поэтом, если считать тех, что поют, был Окуджава. Окуджава публично прошел показательный для либерала путь от романтического ленинизма до полного отрицания всех форм «тоталитарности». А у «аполитичного» Бродского в «Набережной неисцелимых» есть интересное описание визита к вдове Эзры Паунда, после которого поэт в очередной раз убеждается — особой разницы между фашизмом и коммунизмом не было и нет. Нужно ли говорить, что нет такой разницы только с либеральной (и этим уникальной) точки зрения? Либеральный пафос как раз и состоит в уклонении от всех форм «тоталитаризма», кроме, пожалуй, «тоталитаризма денег», который выбирается как меньшее из зол. Либеральный поэт спасается от «тоталитаризма» государства и невежественной толпы в объятиях просвещенного буржуа. Да и само слово «тоталитаризм», хоть и запущено когда-то Муссолини как самоназвание, сейчас термин сугубо либеральный и равно неприемлемый как для левых, так и для правых. В нулевых годах, когда фантомная боль советской травмы ослабела и представление о поэтических практиках расширилось, ставки Бродского в этой среде несколько снизились, а разнообразие выросло, и либеральные поэты начали себя отсчитывать от Айги, Сосноры, Холина и других «неподцензурных авторитетов». Иногда, впрочем, они ненадолго порывали с удобной «аполитичностью» и позволяли себе прямое граждан-

ское высказывание. В конце 1990-х издавали сборники против войны в Чечне или проводили литературные фестивали в поддержку Григория Явлинского. В 1990-х, правда, до поэзии не было никакого дела никому, кроме самих поэтов и их девушек. А вот уже в нулевых, один из самых последовательных и глубоких литературных идеологов этого направления, поэт и филолог Дмитрий Кузьмин, поддержав американскую военную операцию в Ираке, даже публично поссорился с талантливым верлибристом Кириллом Медведевым, перешедшим с тех пор в марксисты.

Станислав Львовский, Елена Фанайлова, Татьяна Щербина, Григорий Дашевский, Мария Степанова, Линор Горалик... Местному либерализму исторически повезло с поэтами. Либерализм стал для них идеологическим мейнстримом, само собой разумеющимся воздухом, которым дышит богема. Не думаю, что сильно ошибусь, если скажу, что большинство авторов журнала и издательства «Воздух» исповедуют разные оттенки политического либерализма, т.е. верховного культа прав абстрактного человека. В этом можно убедиться, например, побывав на ежегодном фестивале гражданской лирики, уже трижды организованном журналом. Бывают и непростые ситуации. Вот, например, Дмитрий Воденников, обладая всеми вышеназванными признаками либерального поэта и даже утрируя (для прессы) их манеру, в последние годы постоянно признается, что он не равнодушен ко всему «имперскому» и с кокетливым ужасом обнаруживает в своем политическом бессознательном «патриотическое чудовище». Причина таких внутренних открытий вероятно расположена как раз таки снаружи, в общественном контексте нулевых годов, когда политический либерализм утратил львиную долю своей прежней популярности среди «широкого круга читателей» и стал предосудительным в глазах «масс», уступив место державности и имперству разной степени резкости. Если чуткий поэт нацелен далеко за пределы своего «цеха», он не может игнорировать таких идеологических перемен и вполне может переживать внешние перемены как «внутренние открытия».

И всё же для массовости нужен литературный популизм. Его смог обеспечить либералам Дмитрий Быков. Он здорово умеет быть понятным всем, недаром двадцать лет назад состоял в сверхмодных тогда «куртуазных маньеристах». Его «Гражданин поэт» это голос либеральной фронды с лицом актёра Ефремова. Сквозь прозрачную пленку литературной стилизации под самых разных поэтов, от Некрасова и Твардовского до Цоя и Высоцкого, всегда отчетливо проступает и политическое лицо самого Быкова. По его теории социальная история в нашей стране ездит вот уже который век по некоему замкнутому кругу и потому она подобна именно природе, а вовсе не Истории, которая движется по прямой линии в более западных и «нормальных» странах. Иногда наше общество ненадолго накапливает слой свобододолюбивых и образованных людей и пытается под их влиянием вырваться из этого русского круга отрицательной селекции, но и сам этот рывок и все его заранее известные последствия фатально запрограммированы в бессмысленном

круговом движении. Этим ощущением фатальности и горя от собственного ума пропитан «Гражданин поэт». Вот, например, под «Буревестника», про зимние митинги:

Рядом мечется сорока — и кричит на той же фене ж:
«Все простудитесь — и тока, ни фи́га же не изменишь!
Лишь отстой — судьба России. Дайте ж ей скатиться плавно».
И всего невыносимей то, что это, в общем, правда.

Путинская эпоха «мягкого авторитаризма» дала Быкову уникальный шанс — побыть «высмеивателем» без особенных для себя проблем, максимум которых — скандал с «Дождем», снявшим их с эфира из-за излишней остроты. «Гражданин Поэт» позволил автору сбросить четверть века и почувствовать себя в конце 1980-х, публично исполняющим на перестроечном Арбате смешную и разоблачительную «правду» в духе модных тогда уличных стихов: «Уж лучше пьяный Ельцин, чем трезвый Горбачев!».

Литературный популизм, конечно, обязывает к обратной связи с большой аудиторией, к учету коллективного опыта. Наверное, поэтому Быков, в отличие от многих других либералов, в своей публицистической ипостаси, вспоминает о 1990-х прежде всего как о социальной трагедии и распаде прежних культурных связей, а вовсе не как о веселом времени максимальных возможностей стихийного капитализма. Последнее поколение ещё советской интеллигенции находилось на острие перестроечного отрицания «совка», но в результате крушения этого самого «совка» в 1990-х, именно эта группа потеряла свой прежний статус в обществе, не приобретя ничего взамен, и Быков, при всем его успехе, воспринимает это разочарование как своё.

Самый частый набор, покупаемый вместе с «Гражданином поэтом» в одном известном столичном книжном — Б.Акунин «Любовь к истории» + «Намедни» Парфенова + биография Стива Джобса.

ПРАВЫЕ. НАЦИОНАЛ-ПЕССИМИЗМ ЕМЕЛИНА

Этой идеологии в постсоветском обществе гораздо меньше повезло с поэтами. Времена есениных, ключевых и рубцовых давно миновали и в 1990-х правым всех оттенков пришлось довольствоваться весьма плоскими, без второго дна и долгой жизни, стихами про молодых волкодавов с закатанными рукавами черных рубашек. Отдельный случай перехода из либерального лагеря эксцентричной поэтессы Витухновской (её крестным отцом в литературе был либеральный поэт Кедров) и флирта с фашистско-декадентской эстетикой воспринимался критикой и публикой как забавный салонный курьез и постмодернистская игра с «запрещенным». Неосимволистские стихи Евгения Головина оставались слишком барочными и герметичными для всех не посвященных в узкий круг «окультурного подполья». Ещё у правых в ка-

честве поэзии на безрыбье котировалось тогда нечто мистериально-шамански-ритуальное, не постигаемое умом и образывавшее собственный салон для рунологов и ариософов.

Настоящим правым прорывом в народ и на эстраду стало открытие десять лет назад Всеволода Емелина. Ему удалось оперативно создать свой узнаваемый поэтический мир, в котором вечно страдает простонародный русский «посад», действуют симпатичные скинхеды, суровые мужики в ватниках и тельниках и несимпатичное «начальство» всех сортов. При этом Емелин никогда не забывал про второй план — почти в каждом его четверостишии спрятана литературная отсылка для более узкого круга читателей. Начитанность Емелина ни у кого сомнений не вызывает. Доходчивость и народный юмор остаются для тех, кто не считывает замаскированных цитат.

Сквозной лирический герой Емелина использует алкоголь как средство примирения с действительностью, ностальгирует об имперском величии государства, не забывая при этом и о жутковатой, травматической стороне любой империи. Чувствует себя вне игры на гламурном празднике жизни, имеет смутные претензии к евреям, и вполне конкретные опасения по отношению к кавказцам, а так же крайне непримиримо настроен к «ментам». Для меня ключом к политической оптике Емелина стали стихи про «библиотеку советской фантастики» о том, как школьник мечтал: «Выучусь на прогрессора... / служить буду Доном Руматой» и о том, как ничего этого не сбылось. Парадокс здесь в том, что нынешняя реальность имеет намного больше общего с реальностью, окружавшей Дона Румату из романа Стругацких, чем во времена написания и успеха этого романа. Конечно, нет поддержки с «другой» и более «правильной» планеты, но и Дон Румата её не особенно чувствовал. Т.е. именно сейчас, если хочется, можно сколько угодно быть и мудрым наблюдателем, и тайным реформистом, и открытым борцом. Но лирическое «я» в стихах Емелина пассивно, склонно к роптаниям и ждёт поддержки извне. Этот глубоко укорененный в психологии патернализм и делает его (кроме очевидного таланта автора) столь «электоральным», т.е. понятным и близким самым разным людям. Если за твоей спиной нет невидимых крыльев «присланности», то жизнь становится бессмысленной и растоптанной космополитичными «икеевскими табуретками». Показательно, что Дон Румата в понимании Емелина именно «служит», а не «работает» или «исследует». Емелинский «герой» политически фрустрирован тем, что той империи, в которой он увидел бы смысл и которая увидела бы смысл в нём, не предвидится, и, несмотря на всю его культурную самоиронию, ему являются мечты о военном, в пользу народа, перевороте «в рабочих районах, где нету работы». Его лирический герой, по всей видимости, мало отличим от самого автора, ведь и за пределами своих стихов Емелин вписывается за «манежников», поддерживает Жириновского, и охотно дружит с газетой «Завтра».

Аудитория Емелина гораздо шире политических правых и им сочувствующих. В последние десять лет он лучше остальных справляется с ролью «на-

родного поэта» так же, как Быкову удается роль «поэта для интеллигенции». Доказать невозможно, но рискну предположить, стимулом к «Гражданину поэту» и стал для Быкова именно массовый успех Емелина. У правых появился тогда свой широко популярный поэт, умеющий весело и просто сказать в куплете то, о чем прочитал сегодня в Интернете, а у либералов такого поэта на тот момент не было.

Чаще всего в том же книжном со сборниками Емелина покупают Прилепина + Елизаров + Лимонов + книги по геополитике и истории армии.

ЛЕВЫЕ. В ОЖИДАНИИ МАЯКОВСКОГО

Космополиты, коллективисты, сторонники демонетизации всего, расширения общего доступа к чему угодно и, соответственно, противники любых частных привилегий. Им с поэзией было сложнее всего, хотя за их плечами пафос русского литературного авангарда столетней давности, формальные эксперименты 1920-х годов и, выборочно, опыт наиболее креативных и искренних представителей советской политической поэзии.

Долгая поэтическая немота левых — следствие постсоветской аллергии культурных людей на советскую лексику, бывшую своеобразным «марксизмом в переводе Гоблина». Дружное её отрицание перекрыло целому поколению творческих людей доступ к любым проявлениям левой, социалистической мысли. В 1990-х одинокими исключениями из этого правила оказались разве что скандалист Александр Бренер и питерский филолог, переводчик и вообще интеллеktуал Александр Скидан. Бренер в своих стихах воплощал боевую и панковскую сторону левого проекта, а Скидан — университетскую и высоколобую, доступную лишь внимательным читателям Делёза и Адорно.

Новое поколение поэтов-леваков пришло в середине нулевых. Кроме упомянутых выше Даниила Полторацкого и Кирилла Медведева, перешедшего в убежденные марксисты из либерального литературного лагеря, это были Кети Чухров, Павел Арсеньев, Антон Очиров и Роман Осьминкин:

/патерналистичненько/
жить не запретишь
прикинись ветошью
всяк плохиш
лобызает родину
в солнечное сплетенье
засос володенький
на лбу поколенья

Остроумно и актуально, но гарантированно застраховано от популярности, потому что не эстрадно по форме.

Сейчас этот ряд молодых антибуржуазных поэтов быстро растет вокруг их постоянного альманаха и одноименного издательства «Транслит» и серии «Kraft». При всем их интересе к языку эксплуатируемых, разнообразным формам отчуждения и перспективам социального освобождения подавленных классов, для всех вышеназванных новых левых поэтов характерна сложность формы, расчет на подготовленную, «свою» аудиторию, равно знакомую и с критической теорией, и с концептуализмом, и с верлибром, т.е. на данный момент им удалось создать высокоинтеллектуальную литературную субкультуру неомарксистского типа — собственный вариант левацкой, малотиражной салонности. Начитанность авторов, переживающих повсеместное неравенство как возможность для иных человеческих отношений, зашкаливает, но вот массовый успех их пока исключён, да и вряд ли предполагался.

Остается ждать, что свой аналог Емелина или Быкова, свой «литературный популист» появится и у левых и займет это вакантное место со дня на день. Возможно, они просто находятся на той же стадии развития, где были постсоветские либералы перед появлением Быкова и правые перед появлением Емелина. Но есть у левых особенности, которые такое появление «массового поэта» явно затрудняют. Большинство этих радикальных верлибристов пытается продемонстрировать в своих нетрадиционных по форме и критических по содержанию стихах, как, прямо сейчас, рушится внутри поэта прежняя «буржуазная» идентичность и откуда возникает новая, альтернативная, конкурирующая или даже революционная субъективность. Можно ли описать такой опыт в массовом «всем доступном» стихе? Чисто теоретически — да, но практически пока этого никто не сделал, представить себе «популярный вариант» решения столь специальной задачи не удастся.

Стихи поэтов из серии «Крафт» чаще всего покупают с книгами философа Жижека + воспоминания Троцкого + номера «Художественного журнала».

Идеологическую атмосферу в современном обществе скорее формируют коммерческие медиа, кино или даже реклама, чем литература, а тем более — поэзия. Низкий и периферийный статус поэзии в рыночном обществе неизбежно политизирует поэтов, делая из них недовольных, несогласных и протестующих. Конкретное политическое измерение возникает в стихах, когда поэт ставит свой голос на службу той социальной группе, которая представляется ему наиболее исторически важной, т.е. связанной с желательной для поэта версией общего будущего. Тогда в стихах начинает искренне звучать политическое различие «свой/чужой». И поэт вступает в пространство борьбы, линия фронта которой неизбежно пройдет через его сердце.

ПЕСЕНКИ ДЛЯ МИТИНГОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ ШУМ

Любая музыка может быть услышана политически. О чем, например, прекрасная казачья песня «Не для меня»? Об отчуждении, предельно выраженном в куске свинца, который ждёт солдата на не нужной ему войне. В более распространенной и не столь драматичной форме то же отчуждение скрыто в необходимости нашей «свободной» самопродажи. Спрос на такое понимание возрастает в обществе всякий раз, когда в нём заканчивается межреволюционный период и начинается период революционный. Но сейчас растет спрос на музыку, которая сама себя заявляет как социально ангажированная, протестная и мобилизующая гражданский активизм. На тех, кто «сознательно окрашивает».

Нельзя сказать, чтобы «большая попса» была у нас прежде совсем уж равнодушна к социальному. В конце концов, поп-музыка тут началась с адаптации к местному потребителю западных образцов, а там политическая ангажированность звезд явление обычное. То «Pet Shop Boys» посылают Буша в ад за вторжение в Ирак, то «U2» требуют у правительств денег на борьбу с голодом, и даже хрупко-хипстерские «Coldplay» напевают что-то про «банки, которые вы объявили храмами» и как это мешает жить мечтательным любителям фиолетовых холмов.

Но прежде наша попса издавала лишь «социальный шум». Это была чистая «позиция без высказывания». Ничего не содержащий в себе жест. Пустая форма «протестного как такового», исключая любое сообщение с одного фланга общества на другой, и потому допускающая любое использование в «реал политик». О чем, например, песня «Зло» коллектива «Дискотека

Авария»? Какому политическому событию предлагается хранить верность? Так как ответить крайне затруднительно, «Зло» одновременно использовали в своей агитации и коммунисты и движение «Наши». Или вот столь же общепротестная песня «Вафли» удачного украинского трэш-проекта «Пающие трусы».

«Социальный шум» идеально подходил к «аполитичной» эпохе нулевых, которая заканчивается у нас на глазах. Её воздухом был даже не социальный цинизм, а просто демонстративное отрицание того, что общество состоит из конкурирующих групп, каждый из нас относится к одной из них и интересы этих групп могут быть осознанно представлены как в политическом, так и в культурном поле. Политические роли должны были исполняться, но исполнение ролей никакой связи с реальными переменами в нашей общей жизни не предполагало, ибо преимущественной формой политики элит было сохранение ранее, в 1990-х, поделенного.

«Социальный шум» отсылает и к более глубокой артистической мечте — показать себя бунтарем, но так, чтобы тебе за это ничего не было и даже наоборот, нельзя ли за счет своего талантливо исполненного бунта «пожить по-человечески»? Романтизм: «талант всегда в оппозиции!» -- накладывается тут на буржуазность: «личный успех есть единственный критерий таланта!».

ЕВРОПРОТЕСТ И АБСТРАКТНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Теперь в моду стремительно врывается прямое социальное высказывание. Где-то между «социальным шумом» и абстрактным либерализмом давно завис Ляпис Трубецкой с его гимнами народной свободе. Вредным для продаж билетов уточнениям гимны не поддаются. Восприятие песен Ляписа обострено белорусской ситуацией, сделавшей его моделью «евробелоруса», посматривающего в сторону заграничных форм музыкального негодования. Сильной двусмысленности имиджу придает то, что выбранный тип «европротеста» имеет в Европе отнюдь не либеральную, а преимущественно антикапиталистическую направленность. Проще говоря, там принято выступать против корпораций, а не за «свободу бизнеса». Это противоречие постоянно проступает у Ляписа. С одной стороны он снимает клипы в стиле Маяковского, а с другой признается, что «кладёт свой огромный болт» на «социальную защищенность». В политическом смысле о Ляписе известно только, что он «противник Лукашенко» и сравнивает «батьку» с Каддафи, Хусейном, Кастро и другими лидерами, не симпатичными евробелорусам.

«Абстрактный либерализм» это мелкобуржуазное недовольство. Это те, кто «вообще» за «европеизацию» и против «колхоза». В этом жанре заявил себя Вася Обломов -- выстёбыватель гопоты и вульгарных народных нравов. Протестующая толпа на Сахаровском Проспекте с глубоким пониманием слушала его «Родину». Есть там поразительно точная в социальном смысле

строка: «Читая «Золотого Теленка» я никогда не давился от смеха/ Мне всегда хотелось, чтобы Бендер уехал». Бендер это же и есть «креативный класс» и «творческий предприниматель»! Он же художник-авангардист, а если надо и создатель тайных обществ, т.е. разводила нэпманов и дворян на деньги. Его цель -- перераспределить в свою пользу средства не столь креативных как он «прежних хозяев». Ну и потом «пора валить». Сталинистские интеллектуалы Ильф и Петров издевались над Бендером в том смысле, что им была очевидна невозможность авантюрно-креативного предпринимательства в советском обществе. Но сегодня Бендер как раз воплощает эту дерзкую политическую мечту «креативного класса» -- выманить «одним из тысячи относительно законных способов» бабло у условного «Газпрома» и немедленно сменить страну проживания. Можно даже сказать, что эта мечта — первая пока реакция нового поколения творческой молодежи на факт наличия в обществе устойчивого слоя вызывающе богатых и накрепко связанных с властью людей.

Есть некоторая разница между абстрактным либерализмом и молодежным демократизмом, потому что демократизм предполагает соблюдение интересов именно «большинства», а вовсе не тех «особо креативных единиц», которым тут слишком низок азиатский потолок. Хип-хоп для молодежного демократизма подходит идеально. И это понимает Нойз МС, оппозиционность которого уже конкретнее. Сначала его «Мерседес» стал неофициальным гимном «синих ведерок», потом он ссорился из-за «химкинского леса» с более циничными и пессимистичными Шнуром и Барецким из «Ленинграда». В Химкинском лесу, как теперь понятно, происходила репетиция будущего «гражданского подъема». Лесная вырубка обозначила тогда границу между абстрактной и конкретной социальностью музыкантов. На сцене Нойз подчеркивает, что он против олигархов, корпораций, «наших», «ментов», и даже сочувствует «приморским партизанам». «Менты» не остаются в долгу и как-то задержали его на 10 суток прямо на «сталинградской Сникерс Урбании».

Общее недовольство местным варварством Обломов, Шнур и Нойз недавно выразили совместным заявлением «Любит наш народ ...», сделав актуальный хит из давней строки Летова.

РОЗОВЫЙ МЕНЕДЖЕР

Одним из первых, кто расслышал протестный потенциал молодого менеджера, героя, за которым раньше ничего такого не замечали, оказался Семен Слепаков из «Камеди клуба», бард-десятник, как он сам себя называет. Его «Акционеры Газпрома» — идеальная песня о зависти мелкого буржуа к крупному.

Некоторая часть хипстеров голосовала на последних выборах за КПРФ не только как за «любую другую», но и потому что «советское» для них это вариант «стильного», а «старика» из компартии «трогательные» и «прин-

ципиальные». Слепаков чувствует это настроение и умеет его спеть в трогательной балладе про ветерана, идущего на свой парад 9 мая. Удивительно, почему до сих пор «эсеры» и коммунисты не спорят из-за того, чьим он будет «голосом». «Эсерам», впрочем, больше подошел бы другой манифест Слепакова «Я сегодня хочу обратиться к врачу».

ПРОТИВ ПРАВЫХ

«Ансамбль Христа Спасителя» поёт для тех, кто не ходил прикладываться к поясу Богородицы в ХХС.

Чем объясняется вирусная популярность «АХС» в сети? Кто потребляет этот злобный, нарушающий все вкусовые нормы, стёб над правыми? В больших городах подросла молодежь, которая воспринимает массовую «зацерковленность», имперство и национализм с таким же недоумением и стыдом, как воспринимали неформалы «совок» в последние годы советской власти. Ну и обаяние фрик-шоу никто не отменял. Избранным методом «АХС» напоминают подзабытый «Лайбах». В какой-то момент становится ясно, что сценическое амплуа правых фриков настолько отвратительно исполнителям, что начинает доставлять им противоестественное удовольствие и странную невротическую тягу к отрицаемому.

НАРОДНОСТЬ И СОВЕТОФИЛЬСТВО

«Рабфак» -- грубоватый политический шансон, от которого хипстеры воротят носик. Вовсе не офисный, а как раз «колхозный» популизм, рассчитанный, вроде бы на «шахтеров», «селян» и вообще «провинцию». Однако же «Наш дурдом» включали на Болотной и слушали одобрительно. Звучало именно как политическая поддержка «от народа».

Общее настроение всех их песен — деградация народных нравов в отсутствии сильного имперского государства. Деградация в немудреных клипах воплощена в документальной хронике бомжей, алкоголиков и непристойного поведения «ментов».

Все знают, что «Рабфак» и есть голос «народа», но никто не видел этого народа и на всякий случай никто себя к нему не относит. Создатели «Рабфака» обижаются, когда их сравнивают с шансоном, предпочитая называть себя «театром музыкальной комедии». Интересно, что один из создателей группы Саша Елин лет десять назад уже сочинил многим памятный политический хит «Такого, как Путин». Возможно, секрет их популярности в том, что очень многие хотят знать, на каком языке народ сейчас «кидает предьяву» властям. Тот случай, когда неизвестно точно, кто группу «слушает», но зато известно, что все её «изучают» и «учитывают».

ПРАВЫЙ РЭП

У правых давно есть своя музыка. Это может быть сербское монашеское пение, Костя Кинчев или даже «Коррозия Металла» с их «Бей чертей!», не выходящая из моды в среде националистов вот уже 20 лет. Однако новым их музыкальным трендом стал сибирский протестный хип-хоп и рэп, пришедший на смену сибирскому панку и сохранивший всё тот же социальный пафос и мессианство. Прежде всего это Андрей Бледный и его проекты «Лёд 9» и «25/17» -- намёк на библейский стих о неотвратимом божьем возмездии. «Революция» -- то же «народно-рабфаковское» сравнение общества с дурдомом, плюс явная отсылка к Кену Кизи с его «овощами» и лоботомией: «Они нам пишут диагноз, мы им — приговор!». Сибиряки дружат с нацболом Захаром Прилепиным. Прилепин — самый умный и талантливый из российских омонцов. Даже удивительно, что омонцов в стране так много, а классный писатель у них всего один.

«Дым» омской группы «Грот» -- правый манифест с удачным неологизмом «нефтьимушие» и вполне ожидаемым православием. «Выстоим» -- культ здорового образа жизни и подготовки себя к финальной конфронтации. Фаддей в «Девяти вёрстах» рассказывает про славянство, партизанство и защиту своей земли, а «D-Man55» в «Империи», обещает, что она ещё расправит над нами свои светлые крылья.

Хип-хоп прост в исполнении, что и сделало его когда-то уличной культурой угнетенных, вытесненных и всегда готовых к конфликту молодых людей. В США это были чернокожие потомки рабов. У нас — провинциальная молодежь, недовольная деградацией своих городов, цинизмом властей и притоком мигрантов. Сегодня эта молодежь в тяжелых сапогах шагает на оппозиционных митингах в правой колонне. «Белого рэпа» так много и развивается он так быстро, что никакому обзору и анализу не поддается. «Сжимая меч» — вот сквозной образ их стихов, ощущение политического фэнтези, знакомое правым романтикам, а так же фанатам компьютерных и «военно-исторических» костюмированных игр.

А вот многолетние попытки «Sixtynine» и Виса Виталиса распространить собственную, крайне левую, версию «белого рэпа» особого успеха за пределами узкого круга молодых коммунистов не имели. Очевидно, что время отечественных «Public Enemy» ещё не наступило.

ПОП-АНАРХИЗМ

«Барто» поёт для тех, кто не забыл об анархистском содержании панк-рока, т.е. для политизированных «нефоров», глянцевого журналистов и гуманитарных студентов. Это люберецкий электро-кэш с припевами, вроде: «Анархия и хаос, пошёл в жопу Микки Маус!» или «Свободная касса! Хуёвая жизнь для рабочего класса!». Никто так точно, коротко и весело не объяснил, что в

наше время значит «Быть корпоративной блядью!». Солистка «Барто» Маша выглядит как контуженная новым русским капитализмом кукла Мальвина — «окровавленные» бинты на руках и доллары, стриптизно торчащие из них. Настоящее левацкое кабаре.

Первым их мегахитом стало несбывшееся пока пророчество «Скоро всё ебнется!». Оно нравилось всем, кто приветствовал мировой кризис как выяснение и очищение. Маша из «Барто» умеет спеть об этом так, что ожидание политического апокалипсиса вызывает у неформальной молодежи бурную радость и желание танцевать. После этого «Барто» записали новый скандальный клип на старую песню, за которую их уже пытались притянуть по статье 282, после того, как они исполнили «Готов» на «химкинском» митинге.

КРАСНЫЕ

«Аркадий Коц» -- гораздо более эстетский, элитарный и высоколобый вариант «левой музыки» для тех, кому хватает эрудиции вспомнить, что до панка, и вообще до рока, были Вуди Гатри и Пит Сигер, от которых происходит, например, Боб Дилан.

Исторический Аркадий Коц это тот человек, который сто лет назад перевел на русский песню «Интернационал», т.е. политическая принадлежность проекта заявлена в самом названии. Их «Ку-ку» и «Генерал Лудд» на стихи профессионального скандалиста Бренера звучат не только на левых митингах, но и в гуманитарных салонах, вроде ОГИ, а в последнее время визиткой группы становится «С кем ты заодно?» -- одна из лучших американских народно-протестных песен, сочиненная женой арестованного шахтерского активиста времен «великой депрессии» и талантливо переведенная известным поэтом и издателем Кириллом Медведевым. Кроме Кирилла в проекте участвует «художник-антифа» Коля Олейников и ещё несколько марксистских интеллектуалов. За спиной «Аркадия» явственно ощутима тень немецкого театрального большевика Брехта.

Организаторы группы очень точно знают адрес своего послания. Это те, кто экономически находится на нижней границе среднего класса, а интеллектуально — на верхней его границе, те, кто имеют объективную возможность смотреть на «классовый экватор» сразу с двух сторон. То есть те, кто читают много «не практичных» книг, но несколько раз в день чувствуют себя экономически вытесненными из мира потребления, изображенного в рекламе. Такая оптика и задает восприимчивость к неомарксистским идеям в их современной антиавторитарной версии. Крайне левые рекрутируются из самой молодой части этого слоя. Получается салонная музыка для гуманитарных мальчиков, читающих философа Жижика и любящих поговорить о классовом сознании в постиндустриальную эпоху. Чем меньше у такой группы поклонников, тем элитарнее и богемнее они себя чувствуют.

ЗВЕЗДЫ ФЕМИНИЗМА

Pussy Riot есть боевой уличный феминизм. Бесстрашная московская художница-акционистка переименовалась в «Тюрю» и собрала подруг. Сквозь розовую или салатную маску-балаклаву она узнавалась всеми и сразу, хотя на первых порах упрямо отрицала свою причастность к «восстанию котят». Воплощают «котят» излюбленный кошмар американских консерваторов и новое для России амплу «воинственной лесбиянки из колледжа». И текст и голос тут не главное. Их нужно смотреть, а не слушать.

Петь валькирии женского освобождения не то чтобы не умеют, а просто не собираются. Их вполне устраивает традиция панковского выкрикивания своих лозунгов под электрогитару и смелый акционистский выбор мест для выступлений в духе знаменитого движения «Reclaim the Street». В качестве сцены они без спросу оккупируют высокие площадки на станциях метро или крыши троллейбусов с пассажирами. Выступали напротив окон тюрьмы, где содержались активисты митинга против фальсификаций -- Навальный, Яшин и муж «Тюри». Следующей их концертной площадкой стало Лобное место на Красной площади. Социальный идеал «котят» -- скандинавская модель, в которой они заняли бы место «автономов». А пока у нас не скандинавская модель и для «автономов» мало места, «феминистский хлыст полезен для России».

Летучий отряд молодых и анонимных феминисток в цветных экстремистских масках появляется в самых непредсказуемых и заметных местах, вроде рекламных витрин известных бутиков или даже в алтаре Храма Христа Спасителя, чтобы прокричать антипутинские и «гендерные» лозунги. Пишут свои «песни» дикие девочки все вместе, коллективно, по строке — каждая, и состав их постоянно меняется. «Нормальные либералы» опасаются, что «котят» безнадежно дискредитируют своими «акциями» антикремлевский протест, «нормальные патриоты» давно предлагают совершить над ними обряд изгнания нечистых духов, и только протоиерей Кураев ласково называет их «дурочками», сравнивает со скоморохами и предлагает накормить блинами.

Теперь у каждого из нас должен быть свой певец протеста. Кого из них я не упомянул?

ИСКРЕННОСТЬ ИЛИ СДЕЛАННОСТЬ?

В западной рок-(больше) и поп-(меньше) музыке вот уже полвека как сложился свой политический мейнстрим. Обычно его определяют как «лево-либеральный», со своими яркими из этого правила исключениями. У нас политическая идентичность известных музыкантов всерьез понадобилась только сейчас, когда всё «постсоветское» заканчивается и на глазах возникает новое общество. Потребовалось 20 лет, чтобы пришло поколение людей,

не помнящих ни «советского», ни «антисоветского». И вот, первая родовая судорога гражданственности, пробежавшая по всему обществу зимой 2011/12, приводит к политизации массовой музыки.

Многие мои знакомые из тех, кому серьезно за тридцать, прежде всего пускаются обсуждать искренность: десантники написали свой гимн против Путина сами или это всего лишь «оранжевый пиар»? УмазгаН, поющие про «Гороскоп», действительно за Путина или это «тонкий прикол», который можно будет по ситуации повернуть в любую победившую сторону? Пугачева и Макаревич бесплатно и от души поют за Прохорова или им заплатили? Или они вообще бесплатно не поют? И тогда получается не «или», а «и»?

Интересно, что я ни разу не слышал подобных споров ни в Европе, ни среди людей «постсоветского» поколения. В конце концов, «искренность» это ведь вопрос для священников на исповеди, ну, в крайнем случае, для близких друзей и членов семьи. Сколько раз в день и насколько градусов «искренность» может меняться? Как её можно взвесить? Почему она нас так волнует? Может ли придуманное не искренним человеком мобилизовать людей? Опыт показывает что да, ещё как может, талант и искренность отнюдь не обязательно связаны.

Чем западнее и моложе, тем чаще звучит совершенно другой вопрос: насколько это сработает? Какова точность попадания в зону приема? Кого и на что эта песня сейчас может подвигнуть и спровоцировать? Сколько человек захотят её спеть на площади и под каким флагом?

ГРАЖДАНСКИЙ РОК

Прошлой волной массовой политической музыки был «русский рок» конца 1980-х. Главным бунтарем питерского рок-клуба признавался тогда Михаил Борзыкин со своим «Телевизором». «Антисистемность» Борзыкина была замешана на Стругацких, фигуре экзистенциального бунтаря, радикальном атеизме (религия слишком быстро входила в моду) и антифашизме. И что удивительно, этот набор за 25 лет не изменился. В отличие от других «звезд питерского рока» Борзыкин не соблазнился ни православно-имперским пафосом, как Константин Кинчев, ни «просто позитивной музыкой». Ему идеально повезло с нулевыми. Совпало наконец на стороне власти всё то, что он всю жизнь так упрямо отрицал — спецслужбы, цензура, клерикализм, корпорации. Выступая с песнями на «маршах несогласных» и акциях против строительства питерских небоскребов, Борзыкин клеймит политическую элиту, выдумывая сложные неологизмы, вроде «неохристочекистов» и «газпромбайтеров», а свой последний альбом назвал «Дежавю», в том смысле, что он «всё это» уже видел «при совке». На государственном телевидении «Телевизор» строго запрещен. И всё же это идеальная музыка для бунтарей конца 1980-х. Я не знаю ни одного человека младше тридцати, который был бы в курсе их творчества. Возможно, мне просто не везет.

Сходную «протестность» из «звезд рок-клуба» сохранил до сих пор только Юрий Шевчук. Как известно, он выступает за «честную» приватизацию против «нечестной» и поддерживает либеральные митинги, воплощая голосом, рифмами и даже выражением лица образ вечного хиппи, не понимающего, как люди могут прибегать к насилию и по какому недоразумению одни граждане ущемляют свободу других?

К середине 1990-х годов «протестность» перестала цеплять большинство людей, и к ещё недавно столь влиятельной музыке приклеилось обидное прозвище «говнорок». «Говнорок» это когда ты играешь средне, знаешь мало, рифмуешь слабо, но у тебя при этом вселенские претензии к миру. После этого политических рок-групп и песен появлялось сколько угодно, вот только их аудитория таяла, заведомо замыкая бунтарей в узких субкультурах «нефоров». В этот долгий межреволюционный период большинство гражданских рокеров тяготели к лимоновским нацболам. «Лимонка» возникала как контркультурная тень гламура -- движение, собранное вокруг стиля, а не вокруг идеи. Лимонову удалось создать интереснейший заповедник для утопистов и радикалов, в том числе и музыкальных, к которому немедленно примкнул непримиримый Летов, написавший незадолго до своей смерти «Нами правят собаки!», а так же Сергей Курехин, Дмитрий Ревякин с «Калиновым Мостом» и Ваня Трофимов с «Запрещенными барабанщиками». В бункере «Лимонки» играли и менее известные, но важные для рок-подполья люди, вроде Саши Непомнящего или группы «Резервация здесь».

Кто-то конечно оставался от «Лимонки» в стороне, как группа «Наив», лидер которой вот уже двадцать лет твердит о своей левизне, анархизме и антигламурности, но, кажется, не находит никого за пределами узкого круга верных фэнов, кому бы это было интересно. Или как «Последние Танки в Париже» Лёхи Никонова с его «Тексогеном», «Глазами ментов» и «Пулю — буржую!».

Рок-революция получила новый шанс только сейчас. Одним из первых это почувствовал ещё один «ветеран подполья» Василий Шумов из группы «Центр». Он попробовал объединить как старых, так и новых гражданских рокеров в коллективном политическом альбоме «Содержание», но желающих протестовать рокеров оказалось так много, что понадобилось «Содержание-2», потом «-3», и в итоге оно превратилось в непрерывный сетевой концерт «активистского рока», как сам Шумов всё это называет. Рок этот по звуку и словам, конечно, очень разный, но самое уязвимое место «актив-рока» — прямое сопоставление «путинизма» со «сталинизмом», т.е. нарочитое игнорирование качественной разницы между «государственным социализмом» и «государственным капитализмом». Любой стиль постоянно возвращает нас к ситуации своего максимального триумфа, исторического пика, поэтому как бы сегодня ни выглядела «Система», протест против неё для рокера будет пониматься через легендарную «борьбу с совком».

ОФИСНЫЙ СТЁБ

Главное отличие офисного либерала (он же «сетевой хомячок») от гражданского рокера в том, что хомячок никакого пафоса не выносит. Его привычка к стёбу это простой способ сбросить накопленное за день на работе напряжение и сделать вид, что ежедневное унижение его достоинства не настоящее, а «понарошку», как и вообще вся остальная реальность. Эта вынужденная привычка к иронии в отношении себя и всех остальных и сталкивает его подчас с «Системой», ведь «Система» посылает ему через медиа лишённые иронии сообщения патриотического, морализаторского и даже великодержавного характера. И расстроенный таким «мейнстримом» офисный либерал слушает, как Вася Обломов поёт ему про «Родину» или «лайкает» группу «Ансамбль Христа Спасителя», занятую предельным выстёбыванием имперскости и нового православного клерикализма. Достигнув европейских стандартов потребления, офисный хомяк хочет столь же европейских политических свобод, не понимая, что их происхождение принципиально иное и кредитной картой тут дела не решить.

Ещё он ценит «барда-десятника» Слепакова, который смешно поёт про жизнь офисного либерала, т.е. про утомительный спектакль потребления, бесконечное подглядывание друг за другом в соцсетях и т.п. А что касается слепаковских песен про советских стариков, то офисный либерал к ним неожиданно толерантен, ибо никакой опасности для себя в советских стариках он не видит. Наверное, более «просоветский» из нынешних «бардов» только Миша Елизаров, но его в «Comedy» не показывают и потому его слушают только те, кто читал его романы.

Даже самые талантливые песни не совершают революций. Как не совершают их ни «деньги Госдепа», ни «административные ресурсы». Политические изменения совершают большие группы людей, осознавшие свои интересы и научившиеся их защищать. А в песнях этот голос истории навсегда остается, как остался он в «Варшавянке», «Bella Ciao» или «Imagine». Сегодня вряд ли кого-то всерьез волнует, насколько были искренни их авторы. Важнее, что проснувшиеся люди услышали в них себя. Под какую из нынешних «песен протеста» вам захочется встать и выйти из дома, чтобы навести порядок в своей стране? Найдите её в сети или напишите её сами.

протест в «Большом городе»

Опыт классового прочтения либеральной пропаганды

СМЕЛАЯ ОБЛОЖКА

В октябре 2011 только ленивый не цитировал эту желтую обложку с красным словом «Хватит!». Напечатаны там крупным шрифтом вещи бесспорные: «Сражайтесь за свои ценности, требуйте честных выборов, прекратите бояться» и всё такое. Возникает всего два замечания. Последний призыв гласит: «отправьте обоих в отставку», и тут в набор беспроблемных призывов явно вкрадывается очевидная манипуляция, а что делать тем, кто «честно» голосует за «обоих» или за одного из них и в этом видит свои «ценности»? Не сражаться за них? По-видимому, людей, которые искренне поддерживают власть, с точки зрения «БГ» просто не существует. Между лозунгами вдруг возникают подчиненные телескопические отношения: тот, кто за всё хорошее, тот и... «купит «сникерс»! Пардон, нет, «отправит обоих в отставку»! И второй моментик. В редакции «БГ» точно понимают, что в ситуации абсолютно честных выборов, куда допустят всех желающих и где не будет никаких подтасовок и «админресурсов», парламент поделят между собой радикальные националисты и не менее радикальные коммунисты? А голоса хипстеров, либеральных интеллигентов и продвинутых топ-менеджеров, мечтающих «однажды свалить», скорее всего бесследно утонут на честных выборах в силу своей малопроцентности. Редакция готова к таким «не правильным» результатам правильных выборов? Успеет чемоданы собрать?

На другой стороне той же обложки реклама наручных часов за две тысячи долларов. Они отсчитывают время перед выборами. Имея пагубную страсть к политике, особенно в её нонконформистских и протестных формах, я жадно раскрыл журнал.

ПИСЬМО РЕДАКТОРА

В редакционном письме Филиппа Дзядко всего одна, но также абсолютно бесспорная идея — сидеть в отечественной тюрьме оскорбительно для достоинства, многие сидят там не вполне понятно за что, и недовольство по этому поводу может всех нас объединить в гражданское общество. Интересно, что от многих читателей (да и от некоторых писателей) «БГ» я не раз и не два ещё недавно слышал про то, что есть «две России»: одна с айфоном, а другая с шансоном. И каждому из нас пора бы выбрать, в какой России он живёт. В передовице Дзядко первая Россия очевидно пытается заигрывать со второй, понимая, что буржуа сам по себе никому, кроме другого буржуа, нравиться не может, а потому для политического влияния ему нужны какие-то идеи, которые понравятся «быдлу» и «гопоте». В данном случае выбрана идея «неправосудного» попадания в тюрьму. Есть в тексте, правда, пара личных мест, которые могут затруднить «расширение аудитории» и «гопоте» близки не будут. Во-первых, теплое отношение к Ельцину, а во-вторых, то, что Медведев бесстрашно назван «назначенным президентом». Ошибка может вредно усилиться, если эти две фамилии читатель увяжет вместе и вспомнит, что демократия, за которую так ратует Дзядко, была свернута вовсе не тогда, когда «назначили» Медведева. Выборы окончательно превратились в фарс именно при Ельцине в 1996-ом, когда олигархи (Ходорковский любил потом этим публично хвастаться) практически «на спор» переизбрали его на второй срок, сделав из ничего (3%) тот рейтинг, который был им нужен, когда голоса в «непрямых» регионах считали так, как требовалось сверху и т.п. Коротко говоря, когда окончательно установилась циничная власть растущего на глазах частного капитала. Ельцин был «назначен» побеждающим классом, а все остальные «назначения» уже были потом и отсюда следуют.

Из конкретных предложений редактор призывает завалить чиновников гневными бумажками, тут же признавая, что акция эта «во многом символическая», т.е. особой практической пользы, кроме поддержания боевого духа, от бумажек этих может и не оказаться. Он готов даже (незаметно для себя?) сделать неявный комплимент советской системе, вспомнив со ссылкой на Буковского (правого советского диссидента, не путать с левым американским писателем Буковски), что при Брежневле поток жалобных бумажек, направленных начальству, давал порой реальные результаты. В конце звучит призыв «удивляться, когда тебя унижают», но не сообщается, в какой именно форме удивляться тем, кого унижает власть капитала и общество спектакля? Видимо, имеется в виду всё же какое-то другое, более обидное «унижение».

По-настоящему удивиться в этом тексте лично меня заставило его название и плакат под ним. «Требуяте невозможного». Редактор, выбравший такой заголовок, не может не знать, что это лозунг студентов, бунтовавших в Сорбонне 1968-ого года и поклонявшихся «трём М» -- Маркс, Мао, Маркузе. Лозунг тех, кто требовал запретить товарные отношения и частную соб-

ственность на средства производства так же, как человечество запретило однажды инцест и людоедство, лозунг тех, для кого демократия и рынок были вещами несовместимыми. Лозунг тех, кто выступал против всего того, за что выступает «Большой город». Не знать этого очень трудно, а значит, мы имеем дело с веселым и циничным присвоением лозунга с политически противоположной стороны баррикад.

С красивым испанским плакатом «Народного фронта» всё ещё хуже. На нем написано «No Pasaran!» и он назван «антифашистским». Это верно, но меня охватывают те же сомнения: знает ли Филипп Дзядко и остальная редакция, что политические солдаты «Народного фронта» делились на три примерно сопоставимые фракции — сталинистов, троцкистов и анархистов? Знает ли он, что «фашист» Франко, который, собственно и «не должен пройти», был в той ситуации единственным гарантом сохранения рыночной экономики, прав предпринимателей и частной собственности граждан, а идеологией антифашистских бойцов в черно-красных пилотках были как раз национализация промышленности, запрет религии и власть рабочих советов? Понимает ли он, в кого целится с колена эта красивая испанская девушка на плакате? Она целится в рынок, потому что она за диктатуру пролетариата! «Фашист» Франко был кумиром бизнесменов и точным аналогом будущего Пиночета, которого многие наши либералы сильно уважают за то, что он, как и Франко, спас свою страну от коммунизма. Если Филипп Дзядко впервые слышит обо всем этом, ему нужно вернуться в школу или хотя бы заглянуть в Википедию, а если он в курсе (склоняюсь ко второму), то мы имеем дело с нагловатым постмодернистским трюком в классовой войне. Сегодня тот, кто обслуживает буржуа, берет лозунги и плакаты тех, кто всерьез боролся против рыночного неравенства, электорального спектакля и прочих прелестей торгового строя, и заставляет эти лозунги и плакаты работать на противника. Есть в этом что-то от топтания ногами чужих святынь. Или мне одному так кажется? Или всё объясняется проще, и в редакции не нашли ни одного запоминающегося лозунга или эффектного плаката, агитирующего за свободу бизнеса? Вот и пришлось заимствовать у левых радикалов разных эпох?

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Но вернемся к журналу. Первый, после редакторского, материал продолжает сквозную тюремную тему. Это интервью с освободившимся бизнесменом Алексеем Козловым. Мне сложно проассоциировать себя с этим графом Монте-Кристо частного предпринимательства. Не чувствую солидарности. Посадил его «нерукопожатный» партнер по бизнесу, а добилась освобождения жена-журналистка. Про сомнительного партнера будущий узник всё знал, но говорит: «сильный — он и должен быть сильным» в том смысле, что особая репутация партнера его не смущала. У каждого из нас в современной России есть, наверное, заключенный, чья судьба представляется политиче-

ски важной. Для меня это Валентин Урусов, который сидит за то, что создал настоящий боевой и успешный профсоюз. Оправдают и выпустят его раньше срока вряд ли. И даже если такое случится, почему-то я думаю, что «Большой город» не сделает с ним такого же подробного интервью с портретными фото. Пока читал, я ещё не успел забыть про «Народный фронт» и франкистов. Франко спасал интересы испанских бизнесменов, закапывая сотни трупов расстрелянных республиканцев во рвы. Он политически, а если нужно и физически, уничтожал таких, как Валентин Урусов ради сохранения положения и источников прибыли таких, как Алексей Козлов. Гарсиа Лорка, заняв сторону, оказался закопан в один из таких рвов. Угадайте, на чьей стороне оказался бы «Большой город»?

ЗАЯВЛЕНИЯ

Тюремная тема на том не кончилась. Дальше опубликованы те самые «заявления», которые редакция предлагает подписывать и отсылать в Генеральную Прокуратуру.

Я начал читать первую историю: заместитель начальника департамента экономики и финансов в Минтрансе обвиняется в педофилии. Тут меня зашло, я понял, что не хочу знать об этом больше и дальнейших заявлений я читать уже физически не смог.

УСАДЬБЫ

После, чтобы сбавить гражданский градус, идёт материал про дореволюционные усадьбы, а точнее про печальные руины, оставшиеся ныне от них. Ещё одна беспроектная тема. Даже подзабытое общество «Память» начиналось когда-то как движение восстановителей архитектурной старины и вообще трудно вообразить человека, который выступает против сохранения культурного наследия, если только это не связано с его личной прибылью.

Хотя и тут легко прослеживается классовое послание. Мелькают в тексте героические командиры «белых» бронепоездов былых времен и морды хамов, посмеявшихся устроить в господском доме сыроварню. Вот вроде бы «господа» начали возвращаться, купил миллионер Брынцалов себе усадьбу и даже позвал художника Шилова её реставрировать, но тут вмешался авторитарный и завистливый Минкульт и красоты в мире так и не случилось. Частное и огороженное охраняемым забором всегда лучше общего, дырявого и неказистого. Никто не устал от этой идеологии? Вице-президент фонда «Возрождение русской усадьбы» сетует на то, что выкупить или арендовать сегодня собственную усадьбу весьма затруднительно и хотя мораторий на приватизацию памятников, слава богу, отменен пару лет назад, но с тех пор ни одной усадьбы, находящейся под федеральной охраной, так и не купили, как это ни печально.

И представился мне вдруг Филипп Дзядко с чашкой тонкого севрского фарфора в надушенной руке. Как смотрит он через раскрытое окно своей уютнейшей усадьбы, достаточно ли усердно ищачат на него малограмотные «мужички» (они же «гопники» и «быдло») и снимает барин эту идиллию на айфон. А если вдруг ищачат недостаточно потогонно и начинают, например, высказывать экстремистские идеи уравниательства, тогда барин зовет специально для этого заведенных хамов в косоворотках и они не усердных показательно секут, а барин снова снимает это тем же айфоном, чтобы выложить на личной страничке в качестве наглядного назидания «гопоте» всего мира. И посмотрев сей полезный ролик, к Филиппу немедленно на самодвижущихся колясках съезжаются из соседних усадеб его давние друзья и приятнейшие люди — Б. Акунин, Лев Рубинштейн и сама Дуня Смирнова. И, слушая механическое пианино, ведут они ритмичнейшую беседу о прежних хамских временах, когда «гопоту» в лаптях пускали буквально повсюду, даже в музей и университет. И радуются вслух, какая нашлась у Юлии Латыниной светлая голова -- первая предложила отнять право голосовать у тех, кто не владеет достаточной долей собственности. И соглашаются, что это прекрасно примирят красивую античную идею демократии с идеей собственной усадьбы и нужного числа крепостных при ней.

Откуда вдруг в моем воображении нарисовалась такая странная картина? Да из того же «Большого города» предыдущих номеров. Как и все «гопники», я люблю халяву, а журнал бесплатный, вот и читаю. Дуня Смирнова давно там объяснила всем, что русскую революцию 1905 и 1917-ого годов делали эстетически неразвитые обезьяны. Исключение Дуня делает только для декабристов, они ведь были буржуазными, а не социалистическими, революционерами и вообще нравились Окуджаве. Ещё Дуня там же решила по мечтать, кого, кому бы и за сколько она продала, если бы у неё были свои крепостные, но вовремя спохватилась, вспомнив, что можно ведь оказаться и не среди продавцов, а на прилавке. Не отстают от Дуни и живые классики Рубинштейн и Чхартишвили, которые давно в «БГ» рассуждают, как здорово было бы разделить Россию на «гопническую» и «культурную» и жить отдельно друг от друга. Из этих рассуждений следует, что об источниках собственных доходов литераторы имеют весьма смутное, фантомное представление в духе тех генералов из сказки Щедрина, которых прокормил на острове один мужик. Но генералы были всё же посмекалистее, они искали «мужика», а вовсе не мечтали от него отделиться в чистое место.

А что если отдать действительно все эти руины «новым господам», что там будет, всё ли заблестит? Скорее всего, да, заблестит многое. И что будут там делать? Скорее всего, то же самое, что и делали там, когда усадьбы принадлежали господам. Т.е. будут сечь «хамов», «гопоту», «быдло» и прочий малограмотный двуногий скот. Нас убеждают, что либо руины, либо частные владения — другой альтернативы нет. Я надеюсь, что это выбор ложный и лукавый, но если все с ним согласятся, то по мне так пускай будут руины, зато

без свиста розг и земных поклонов. Руины по крайней мере напоминали бы мне, что крепостное право пока что не вернулось.

Можно, конечно, возразить самому себе в том смысле, что современный рыночный обмен и работоторговля вряд ли совместимы. Но это только так кажется. Не очень пристойная мечта любого последовательного бизнесмена как раз и состоит в том, чтобы наладить рыночный обмен результатов рабочего труда. Производство продукта вне рынка с последующей его товаризацией это идеальная для бизнесмена ситуация. Поэтому крепостное право в России и рабство в США сохранялись так долго. Продукт в товар превращался потом, попав в рыночную сеть обмена, а производить его было гораздо удобнее за пределами рынка, в мире прямого и недорогого насильственного принуждения.

ДАЙ МИЛЛИОН

В разделе «мнения» экономист Игорь Иванов пишет о самом неприятном. Мы находимся в глубокой рецессии, и скоро банки перестанут выдавать кредиты, что приведет к затуханию экономической активности и тогда банковский кризис станет экономическим. Как точно Игорь нашел ключевое слово: банки! Дайте денег банкам, помогите банкирам, и они спасут всех нас! Лечить общество от кризиса это и означает спасти банки! Вот уже три года этим занимается большинство правительств, но этого недостаточно. Всегда вертится в голове в таких случаях вопрос Брехта о настоящем преступлении: что такое ограбление банка в сравнении с основанием банка?

Удивительно, как много в мире людей, которые не могут себе представить ничего круче капитализма и рыночной религии. Рынок дал, рынок — взял, над этим не властен никто из нас!

Это, кстати, ровно та позиция, против которой в дни выхода этого номера «БГ» бунтуют тысячи «гопников» в США («Захвати Уолл Стрит!»). Заигрывающий с «быдлом» философ Славой Жижек тоже примкнул к американским «любителям халявы». В Риме тысячи «любителей считать деньги в чужом кармане» жгли банки, а в Лондоне они штурмовали биржу, и к ним там примкнул известный насильник Джулиан Ассанж. Эти и другие опасные утописты подначивают американскую, итальянскую и британскую «гопоту», внушая ей, что спасти общество можно и не через банки, и вообще капитализм это не навсегда.

РОССИЯ ДЛЯ ГРУСТНЫХ

Дальше ещё более умные, чем Иванов, писатели Рубинштейн и Чхартишвили задаются неразрешимым на первый взгляд вопросом: «Можно ли заставить людей не смотреть друг на друга с агрессией и подозрительностью» или, иначе говоря, почему в Европе люди чаще улыбаются? И хочется сразу

же отправить им короткое сообщение со своим ответом: конечно, можно и рецепт давно известен. Число улыбок возрастает там, где разлёт между самыми богатыми и самыми бедными десятью процентами составляет раз 10, а не 20, взгляды прохожих добреют там, где общий доступ к образованию растёт, а не там, где оно на глазах превращается в классовую привилегию для состоятельных господ, там где трудовые права... Но тут я спохватываюсь и бросаю сообщение, потому что у писателей давно есть свой и другой рецепт и он бесстрашно излагается: запрет «партии жуликов и воров», разгон Лубянки, изгнание «питерских» из Кремля, и свободное волеизъявление на площадях, «если, конечно, оно не носит ксенофобского, фашизоидного или коммуноидного характера». В этом сценарии чаемой писателями буржуазной революции больше всего трогает даже не игнорирование вопроса собственности, а именно это «если, конечно...». Улыбаться чаще мы начнем, когда наступит свобода слова, но наступит она только для тех, кто думает правильно: не ксенофоб, не националист, не коммунист, не состоял в правящей партии. Интересно, какие меры, чисто теоретически, писатели предложили бы принять против лиц из четырех вышеназванных категорий, если бы они всё равно начали «изъявлять свою волю» публично? И сколько оказалось бы правильно мыслящих, а сколько неправильно мыслящих людей?

ЛОНДОН КОЛЛИНГ

Как давний поклонник левацкой группы «Клэш», я не мог проигнорировать такое название. Поводом для написания этой статьи стало то, что некто Роман Супер впервые слетал в Лондон, и там у него сложились несколько идеалистические (я бы назвал их «идеологически подготовленными») представления о жизни безработных: если ты не работаешь, тебе бесплатно дают квартиру и деньги, а если работаешь, то всё это сразу отнимают. Безработные, по наблюдениям Романа, весь день торгуют дурью, курят её сами, ссорятся с полицией и слушают рэп и реггей с утра до вечера. Не буду подробно спорить, это чрезвычайно удлинит статью, но у меня об эмигрантских районах Лондона, в одном из которых я некоторое время жил, впечатления совсем другие. Кроме бесполезных и наглых эмигрантов встретился Роману в Лондоне и опальный бизнесмен Чичваркин. «Это генетический мусор. Это ублюдки. Это прирожденные бездельники и уроды. Платить уе..анам за нападение нельзя. И погромы — тому подтверждение» -- объяснил Чичваркин Роману про безработных. Он открывает там свой магазин элитного вина и, помня о погромах, ставит очень дорогую бронированную витрину, которой никакие «уе..аны» не страшны. Кроме бизнеса, Чичваркин не забывает и о гражданском долге — 31-го числа ходит на акции против Путина к российскому посольству. Про сидящих на пособии Роман сделал вывод: «Государство закидывает проблемных парней английскими фунтами, но это всё равно, что лечить пневмонию горячим чаем с малиновым вареньем». И тут сама

собой вспоминается статья экономиста Иванова про банки. Конечно, государство не право, закидывая фунтами проблемных парней. Деньги же нужно отдавать банкам, чтобы банки спасли всех нас! Деньгами нужно закидывать тех, у кого они всегда были, а не тех, у кого их никогда не было! Основное настроение статьи — раздражение туриста. Почему они не ищачат? Зачем им столько платят? Ведь человек родился, чтобы максимально эффективно приносить прибыль тем, кто родился для того, чтобы эту прибыль получать. Оправдание любой жизни — быть источником чужой прибыли, и если вдруг ты таковым не являешься, автоматически вызываешь подозрение у автора «Большого города». Этой неприятной удивленностью пропитан весь текст. Если ты не ищачишь на нас или на наших хозяев, зачем ты живешь? — интересуется буржуазный журналист. «Большой город» нужен затем, чтобы модно и актуально сформулировать этот вопрос, пока те, кто в те же дни захватывают Уолл Стрит и штурмуют Лондонскую биржу, не сформулировали встречный: если ты живешь за счет тех, кто на тебя работает, неужели они не смогут без тебя обойтись?

Даже если поверить Роману и предположить, что у безработных всё так радужно, к их жизни может быть два, как минимум, отношения. Первое — прогрессивное. Рост технологий и производительности достигает уровня, при котором обязательный труд становится всё менее обязательным. Библейская фраза про «в поте лица» теряет впервые в человеческой истории свою актуальность. При другой политической системе это означало бы постепенное сокращение сферы товарного и расширение сферы общедоступного. В конце этого процесса за деньги нужно было бы покупать только бриллианты, меха и антикварные ковры, а всё остальное стало бы общим, как детская площадка, библиотека или выложенный в сети фильм. При общем доступе к любым формам образования процент пресловутых «халявщиков» и «бездельников» оставался бы безвредно малым. В системе же классовой тот же технологический рост порождает безработицу, которую приходится хоть как-то амортизировать за государственный счёт.

Второе отношение чисто империалистическое. Британская империя долгое время высасывала деньги и труд из почти всего остального мира, являясь главной колониальной страной. Это заложило основы для невиданных богатств, сосредоточенных в руках ничтожного меньшинства. Лейбористская политика в прошлом веке привела к тому, что очень скромный процент этих воспроизводимых британским капитализмом богатств вместо того, чтобы оседать во дворцах, лег в основу некоторых социальных гарантий для простых наемных работников и люмпенизированных беднейших слоев. Что тут неправильного? У кого это вызывает странную смесь официального раздражения и более глубоко скрытой зависти? Только у того, кто чувствует себя «супервайзером» на коротком поводке у буржуа, т.е. надсмотрщиком за обществом, прививающим людям выгодные боссу рефлексии конкуренции и комплексы товарного фетишизма.

РЕКЛАМА

Ещё там на большинстве страниц написано много теплых слов про «телебанк», «panasonic», карты банка «Авангард», авиакомпанию «Austrian», грузинский ресторан, радио «КоммерсантFM» и «Led-телевизоры серии EGO». Но это ведь просто пятна чистой идеологии, а вовсе не сообщающий что-то текст. Это ритуальные мантры, как материалы съездов и партийные лозунги в советской прессе моего детства. Они просто рекламная дань божеству рынка, чтобы издание могло существовать, и потому читать и обсуждать их не следует. Или я ошибаюсь?

Конформист путает наблюдение -- «мною пользуются» с мечтой -- «меня хотят». На этой ошибке построено большинство удачных рекламных сюжетов. Некоторые левые психоаналитики, вроде Феликса Гваттари, считали, впрочем, что «меня хотят» никогда не доставит буржуазному невроту такого глубокого наслаждения, какое доставляет «мною пользуются», и потому-то капитализм и существует так долго. Рациональная разоблачительная аргументация тут не действует. Но это уведет нас слишком далеко в область экономики желаний и приведет к слишком экстремистским выводам.

В антилиберальные пропагандисты я не стремлюсь. Их хватает. В чем тогда мотив написания этого текста? Нам — всем «гопникам» этого мира, тем, кто не имеет доли в прибылях и не ассоциирует себя с теми, кто её имеет, -- нужна сегодня другая альтернатива. Альтернатива капитализму вместо альтернативного, более «европейского» капитализма. Есть тысяча причин, по которым европейской версии капитализма в наших больших городах не будет. Есть простейший парадокс, согласно которому, именно левая критика капитализма и приводит к его «европейскому» состоянию. Нам всем нужна политическая программа поэтапного «изживания» капитализма и антиобщественных рыночных принципов, изгнания их из всё большего числа сфер нашей общей жизни. Я не знаю, сколько у нас шансов. Более того, мне абсолютно всё равно, сколько их. В конце концов, я просто «сражаюсь за свои ценности», как и призывает меня «БГ» со своей протестной обложки.

3. ЛИЧНОЕ

МОЙ ПЕРВЫЙ МИТИНГ

Помните ли вы свой первый митинг? Или он ещё впереди?

В тот майский день 1990 года я привычно пришел в редакцию «Комсомолки», где Тётя Оля собирала нас, политизированных старшекласников, раз в неделю. Тётя Оля была немного блаженной, с кспэшными замашками, могла войти к редактору босой, распевая гимны солнцу, но считалась одной из лучших советских педагогических журналисток. В тот день она вручила каждому из нас по высокому огненно-синему васильку. Давным-давно, с такого же вручения цветов подросткам началось «коммунарство» -- движение альтернативных педагогов, которое стало для неё смыслом жизни. Но тогда я этого не знал. Сидеть с васильком в руках было невыносимо и я упрятал его в свой пакет с репринтными книгами. Для этого стебель потребовалось сломать в трёх местах и в пакете растение стало похожим на модернистскую ограду в стиле Гауди, возникло «опасное натяжение пространства», как говорила Тётя Оля о русском авангарде. Авангарду она предпочитала тонкую лирическую графику Нади Рушевой. Я носил военную обувь, читал самиздат, менял школы, не стригся, слушал тяжелую музыку и поддерживал любое «натяжение пространства», чем опаснее, тем лучше. На ту встречу я пришел, чтобы познакомиться с Эдуардом. Он только что вышел из тюрьмы, где сидел за то, что среди бела дня на главной площади своего города бросил две бутылки с самодельным огненным коктейлем в здание горкома партии. Об этом много писали. Через год он был выпущен из колонии для несовершеннолетних под нажимом общественности, получив ещё четыре условно. Роль Тёти Оли в его освобождении была решающей. Он-то и позвал меня на митинг сразу после рукопожатия, знал место и время по каким-то своим каналам. До этого я слышал о митингах только, что их устраивают на Пушкине «дээсовцы» с Новодворской и их там жестко винтят. По дороге Эдуард постоянно спрашивал: «Ну, признайся, вас всех проверяли? КГБ? Сколько раз?». Я отрицательно мотал головой. После тюрьмы он не мог поверить, что в редакции крупнейшей газеты могут собираться школьники, не прошедшие никакого фильтра.

Мои беззаботные ответы ему не нравились и он недовольно хмурился. Вскоре он напишет в газете «Народно-трудового союза» (да, да, того самого «белогвардейского!»), что все мы прошли строгий отбор. Но я не обижусь. Любая картина мира требует от реальности некоторых жертв.

У циклопических ворот ЦПКиО по периметру митинга стояли милицейские «упаковки». Вспомнился популярный тогда анекдот: «На митинг и в машину!». Центр заняли демократы с огромной цветной карикатурой: советская власть в виде трёхголового змея -- Партия, Комсомол, Профсоюзы. На фланге стояли анархисты, в черном, с хвостиками волос и пиратским флагом. С другого фланга собрались казаки и «Память», они раздавали всем открытки с Храмом Христа Спасителя и призывом восстановить святыню. Кто-то выступал с трибуны за возвращение паспорта Солженицыну и против советских войск в Ереване, но это никого в толпе не волновало, все общались между собой. Вдруг грянул теплый дождь, милиционеры лениво попрятались в свои машины, микрофонный голос стих, но никто не собирался расходиться. Всем нравилось вместе вымокнуть после майского московского дня. Задержаний явно не предвиделось. Анархисты пели «Цыплёнка», «памятники» кланялись иконе, заворачивая её в целлофан, а демократы спасали своего «советского Змея Горыныча», но он уже расплывался психоделическим гуашевым пятном, неопределенность которого мне нравилась гораздо больше прежнего шаржа. Чувство эйфорической свободы и какого-то гражданского кайфа с тех пор связано у меня с митингами навсегда. Девушки в прилипших сарафанах ловили пальцами капли и танцевали. Рокабил в ковбойской шляпе играл на гитаре и пел по-английски Пресли, над ним благодарно держали зонты и «вареные» куртки. Эдуард о тюрьме отвечал скупой, в сторону анархистов супился, а открытку с Храмом у казаков взял и бережно положил в карман.

Через год он уйдет в послушники, а потом в монахи северного монастыря, сменит имя, но и оттуда его переселят в лесной скит из-за обсуждения с братией антисемитских газет. Храм начнут восстанавливать, монах, редко навещаясь в Москву, будет фотографироваться на фоне стройки. Его мечта сбывалась в камне. Но прежде, на пике российского постмодернизма и натяжения пространства Марат Гельман соберет в сухой чаше бассейна всех московских знаменитостей, чтобы каждый предложил свой проект для этого места. Художник Бренер залезет на вышку ныряльщика и будет там онанировать, что-то выкрикивая.

Тётя Оля -- как бы это сказать поделикатнее? -- окончательно переселится из общего мира в свой собственный. Все тогдашние анархисты разочаруются в самоуправлении, а самые перспективные из них со временем даже сделают карьеру в «Единой России». Да и общество «Память» куда-то денется, уступив свою роль баркашовцам, а потом и те исчезнут, уступив борцам с «нелегальной эмиграцией», которых принято подозревать в том, что они борцы с легальной.

В Парке Горького теперь место выпаса добрых хипстеров. Новые анархисты охотятся за правыми, правые воюют с мигрантами, в восстановленном Храме феминистки проверяют верующих на терпимость, а Дмитрий Быков написал роман о том, как этот Храм снова взорвут после победы оппозиции. Я привел туда свою четырехлетнюю дочь на Рождество и спросил неподготовленного ребенка про иконостас, что там, по её мнению, находится? «Там живёт Дед Мороз!» -- ответила она, не задумываясь.

Что вспоминается вам при слове «МИТИНГ»?

С тех пор были ещё сотни митингов, на которые я ходил, полюбив это делать в тот теплый счастливый день. Мы сжигали там картонные чучела «буржуев», расписывали асфальт, перекрывали улицы живой цепью, наши девушки шили транспаранты и знамена, а потом дожидались нас из отделений и судов. Теперь я всё чаще был среди «заявителей» и «организаторов». Издавал газеты, которые нигде, кроме как на митингах, не распространялись. В 1994-ом году первым одел на митинге черную маску. Теперь этот жест законодательно запрещен. А тогда я даже в метро в ней ездил. Единственное, чего я не любил — выступать. Товарищам удалось лишь пару раз за двадцать с лишним лет затащить меня на грузовик или трибуну. Я любил быть «одним из». В толпе. Ритмично орать вместе с сотнями других глоток или отнимать стальную загородку у милиции вместе с сотнями других рук. Зачем нам загородка? Только так, изнутри, вместе со всеми, чувствуешь, как наливается надеждой и гневом общий социальный мускул. Позиция наблюдателя, как и роль трибуна, казалась мне слепой и замкнутой.

Историю делают массы, а не толпы. Разница между ними — активный драматический оптимизм масс и пассивная потребительская зачарованность толп. Масса, из которой полностью вычли толпу, это народ, способный обойтись с собой без деления на классы. Правые не верят в возможности масс. Они уверены, что существуют только толпы, ищущие лидеров. Для правых бесклассовый мир это Небесный Иерусалим после человеческой истории. Левые не верят в вечность толпы. Для них Небесный Иерусалим это призрачная компенсация запрещенного исторического адреса.

В 1990-х наивные митинги демократов сменились на центральных площадях сердитым морем «красно-коричневых». В журналистских кругах про демократов говорили, что это «интеллигенция + часть народа», а про «красно-коричневых» наоборот, что это опасный и загадочный «народ + та часть интеллигенции, которая ничего не получила от реформ».

В начале нулевых стало модно рассуждать, что митинг устаревает как форма, его заменит протестный флэшмоб, и вообще все окончательно переселились в интернет, но волшебное слово «монетизация» вернуло митинги назад, а дальше начались «Марши несогласных», химкинский лес, солидарность с политзаключенными. Продолжился азартный поиск того критического количества, которое не остановит уже ни один ОМОН, революционного числа

людей, готовых диктовать истории свою волю. Демонстрации это репетиции революций. Это, конечно, вовсе не значит, что революция потом обязательно будет. Огромное число таких репетиций так и осталось без своих премьер.

Мы никогда не переживаем событие в тот момент, когда оно происходит, но если оно действительно задело нас, зацепило, попало в рифму с внутренним запросом, мы начинаем бесконечно возвращаться к нему и проигрывать его позже вновь и вновь.

В разные годы к митингующим присоединялись обманутые вкладчики и дольщики, шахтеры, таксисты и студенты с их «Гранит науки -- тоже булыжник!». Волна за волной приходила и уходила молодежь до двадцати пяти. У каждого поколения есть свой шанс побыть в истории, и митинг — простейший способ попробовать. Сейчас в моде идея выйти и не уходить по аналогии с заграничным «оккупаем» или выходить, но каждый со своим самодельным флагом, как делают «пираты». Теперь на митинги ходят дети тех, кто в 1990-х жил «первичным накоплением». Это второе поколение нового среднего класса, и для многих из них активизм интереснее потребления, а новые социальные связи важнее унаследованного статуса. В чём их исторический шанс? Стать малым мотором, который приведет в движение всё остальное общество.

С КЕМ ВЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ НА МИТИНГЕ?

«Я что, самый обездоленный? Самый наивный? У меня больше всех времени?» — бубнит в нас против митингов подозрительность к любой форме публичной коллективности и мещанское презрение к «грубым» фактам политики, якобы опасным для «бесценного» внутреннего мирка. Митинг делает тебя не героем, а всего лишь гражданином, политическим горожанином. На митинге множество незнакомых тебе людей помогают почувствовать, что на самом деле тебе нечего терять и ты готов ко всему — задержаниям, быстрому бегу или просто к знакомству с поразительными людьми. Ты никогда не знаешь, чем сегодня кончится и сохраняется чувство открытости, нерешенности нашей общей истории. Митинг это аргумент в ежедневном споре: кому принадлежит город?

Иногда стоит выйти просто ради смятения в глазах телевизионных лакеев подавляющего меньшинства. Они заикаются: «Мы надеемся, там есть ещё одна цепь омоновцев, которая не подпустит их к Кремлю?» У них есть обязательства перед сотней семей, которые владеют всем и решают всё. Они называют эти обязательства «политической ответственностью».

Большой митинг это место, где общество смотрит и слушает само себя. Встречает само себя. Вечное изобретение политической коллективности, которая меняет лексику и темы каждый год. Любой большой митинг это живой проект создания политической нации и это всегда компромисс для всех пришедших и, как правило, недовольных организаторами. «Ну зато они против номенклатуры» -- говорили когда-то. «Против ставленников Запада» --

говорили позже. «Против жуликов и воров» -- говорят сейчас. Если нет такой всем понятной фразы, масса столь различных во всем людей не соберется.

А иногда выходишь, чтобы поддержать локальное партийное братство обособленной группы. Однопартийный митинг — встреча друзей с общим стилем мышления. Таковы были «Дни русской нации», придуманные Лимоновым для НБП, или студенческие сходки левых радикалов, ни одна из которых не заканчивалась мирно.

Чему вас научили митинги?

Именно там, дискретно общаясь со всеми сразу, я научился быстро оценивать любого человека по четырем важнейшим признакам:

К какому классу он относится? Каково его положение внутри своего класса? Роль в обменно-производственном процессе?

Уровень и тип образования? Его оптика, способ видеть, система усвоенных аналогий, суждения вкуса?

Поколение? Какие события он пережил с другими как «общие», «наши», изменившие всё и незабываемые?

Семья и гендер? Отношения с родителями и другими членами семьи как прообраз любых будущих отношений в группе? Любимый способ удовольствия и любимая социальная «роль»? Нехватка кого или чего с детства приводит этого человека в движение? Насколько им усвоены и в какой форме «женские» или «мужские» роли?

Именно там я разобрался: правые это те, кто надеются вечно водить толпу за нос (для них не существует эволюции). Либералы это те, кто обиделись на толпу за то, что она «толпа» и всю жизнь доказывают себе своё над толпою превосходство (эволюция только для элиты), а левые это те, кто предлагают превратить толпу в нечто новое, наладить производство таких человек, которые использовали бы свой мозг иначе и иначе бы реализовывали врожденные инстинкты (эволюция для всех).

Общаясь с сумасшедшими на митингах, я убедился, что есть обычное, но нет нормального. Да, на каждом народном митинге есть сумасшедшие. Куда им ещё ходить? Если на митинге нет сумасшедших и фриков, значит митинг проплаченный, подставной, триста рублей за час.

«Продажная беспринципность» проплаченных митингов есть доведенная до предела, стопроцентная, окончательная победа идеи свободного рынка, который сам всё урегулирует и сам всё расставит на места. Если есть спрос, должно быть и предложение. Человек это агент на рынке, который продает то, что у него есть. Любая вещь, событие, способность, во-первых, являются товаром и только во-вторых воспринимаются как нечто, имеющее уникальный, не обменный, смысл. У организаторов марша есть деньги, а у граждан есть время, которое они могут продать так же, как продают его нанимателю в офисе, у станка или за прилавком. Кто-то пиарит олигархов, кто-то торгует оружием, кто-то снимает сглаз и порчу, кто-то танцует стриптиз, а кто-

то ходит на митинги за деньги и изображает там гражданскую позицию. У людей разные возможности и способности, а значит, и продают они разный товар, один получает в кассе за креативную идею, а другой за пару часов стояния с непонятным флагом в руке. Рынок не оценивает продаваемый товар как «лучший» или «худший». Никаких «ну это уж слишком». Его Величеству Рынку всё равно. Он просто решает, какая будет цена и всё. Никаких других критериев нет. Это «просто работа» и в ней нет ничего противозаконного. «Просто работа», результат которой никак не проникает в жизнь и сознание тех, кто её выполняет. Рынок освобождает работника от ответственности за применение результатов его труда, потому что эти результаты принадлежат собственнику, нанимателю, тому, кто в доле, а не тому, кто в найме. Денежные отношения при капитализме заменяют людям все остальные отношения, например, политическую солидарность. Гораздо интереснее, за счёт чего в людях хотя бы умозрительно сохраняется мораль, которая противится этой рыночной логике? Парадокс оплаченного митинга состоит в том, что он изображает не оплаченный митинг, а значит, в обществе сохраняется потребность в политическом единстве за пределами товарной логики хотя бы на уровне желательного зрелища. Если нас действительно возмущает ситуация, в которой одни люди платят другим за то, чтобы те скандировали любые лозунги и размахивали любыми плакатами, значит, внутри нас до сих пор сохраняется ощущение, что есть вещи, которые не должны становиться «просто товаром» или «просто оплаченной услугой». Прежде всего это вещи, связанные с нашей общей судьбой, с коллективным телом и коллективной волей, с историей нашей цивилизации. Что это за вещи? Что не должно подчиняться отчуждению? Много ли у нас таких вещей? Где проходит граница между ними и «просто работой за деньги»? Ответы на эти вопросы будут у нас, конечно, не одинаковыми. Эти ответы и разделяют людей на самые разные группы, но эти ответы всегда лежат за пределами простой товарной логики. И, наконец, самое главное: кто, как и почему защитит эти вещи от «товаризации», сохранит их смысл и не даст им стать бессмысленными призраками в чужой и враждебной нам игре тотального капиталистического спектакля? И что мы сами готовы сделать для их защиты и сохранения?

Я заметил, что меряю ими время, вспоминая, как были одеты и что скандировали люди в конкретном году. На последнем, после парламентского решения штрафовать тех, кто неправильно митингует, я был с плакатом:

«Я не на митинге
Это не плакат
Я просто гуляю
У меня нет 300 000».

И пойду ещё, какой там у нас ближайший?

МОЙ ПЕРВОМАЙ

Сто двадцать пять лет тому назад в Чикаго рабочие устроили общегородскую забастовку и митинг с требованиями, которые, по мнению всех разумных людей того времени, были невыполнимы, возмутительны и угрожали разрушить цивилизацию. Они требовали восьмичасового рабочего дня, второго выходного на неделе и запрета детского труда в особо вредных цехах. До оплаченных пенсий и отпусков тогда ещё ни один левый экстремист не додумался. Полиция применила против рабочих силу, начался уличный файтинг, анархисты, бывшие в первых рядах драки, бросили в полицейских мощную бомбу, все организаторы митинга были арестованы и, не смотря на их персональную невиновность, казнены. Этот день — «1 мая» -- международные рабочие организации называли днем солидарности. Подробно и в красках события вокруг взрыва и казни изложены в увлекательном романе Фрэнка Харриса «Бомба», к которому я написал русское предисловие в нольшестом году. При социализме он не издавался.

В странах, где победил социализм, «первомай» стал парадом гордости. В моем советском детстве он уже был бессмысленным хождением с флагами по стадиону перед субботником. В странах, где социализм никогда не побеждал, «May Day» это день, а точнее, ночь разбитых витрин, подожженных банков и перевернутых в антибуржуазном угаре автомобилей. Сквоттеры, студенты, панки и анархисты демонстрируют своё презрение к власти и капиталу после того как более спокойная профсоюзная часть, заявив о своих правах, расходится по домам.

Интересно мутирует праздник там, где социализм закончился. Для советских коммунистов прежняя демонстрация преимуществ их системы, утраченных ныне, превратилась в праздник ностальгии по мировому коммунизму и парад надежд на перезагрузку мировой революции в неопределенном будущем.

Для меня первой вернулся в 1993-ем. Моя деревенская семидесятилетняя бабушка кричала: «Сволочи! Сво-ло-чи!» и тыкала дрожащим пальцем в телевизор. На экране толпу с красными флагами разгоняли пожарные водометы и мяли военные грузовики. Никогда до этого никаких заметных симпатий к ушедшей советской власти наша бабушка не обнаруживала. Происходила из крестьян, после войны всю жизнь работала на заводе в фанерном цеху. Но сейчас перед телевизором она чувствовала, что у неё отнимают, смывают водометами, что-то важное, имя чему она не могла подобрать. И я, студент-неформал, мистик-антисоветчик, вглядываясь в её искаженное лицо и в этот взбесившийся телевизор, почувствовал, что в чем-то она права, что вот сейчас «первомай» становится первомаем. С тех пор вот уже 20 лет в этот день я участвую в шествии.

«КАПИТАЛИЗМ — ДЕРЬМО!»

В 1994-ом я нашел там трогательный альянс революционных пенсионеров и молодых мечтателей с чегеvaraми на футболках и флагах. Редкая возможность поспорить с дедулей, всю жизнь проработавшим в советской библиотеке, о том, является ли «расширение сознания» частью «здорового образа жизни» и кто, вообще, круче, Ленин или Кропоткин? Из стареньких магнитофонов играла сталинистская трэш-группа «Пенепон» (Песни Непобежденного Народа) и первая версия советского гимна. Друзья только что привезли мне из автономистского магазина «Всё для революции» в Кройцберге настоящую «пассамонтану» -- черную маску, незаменимую там, где полиция всех снимает. В такой маске я на многотысячном шествии был один, и анархисты немедленно вручили мне свой флаг и поставили вперед. Став анархистским знаменосцем, я попал во все новости и ещё пару месяцев потом давал интервью в стиле: «Мне тепло в моей маске». Маска была не единственной моей придумкой. Туда же я принес пятиметровый транспарант «Капитализм — дерьмо!» и под него немедленно собралась вся «неформальная» часть демонстрации. Лозунг в течение часа стал главной первомайской кричалкой. Он объединял всех. Другая моя кричалка: «Педди Гри пал, а мы ещё нет!» нравилась меньше. Тогда рекламу с добродушным и покладистым псом и таким же хозяином показывали по всем каналам.

Закончилось всё у МГУ, на Воробьевых, где Летов пел про «Новый день» в мегафон с грузовика. Мы лежали на траве, удивляясь тому, как много оказалось молодых людей среди ультра-красных, не считая тех нетрезвых панков,

которые просто пришли посмотреть на живого Летова. Ветер носил вокруг нас листовки с Микки Маусом, попавшимся в советскую мышеловку.

Там мне открылся секрет любви стариков к Сталину. Сталин был для них символом равенства. Перед внимательным лицом вождя все равны. Нет последних и первых. Сталин как идеальная редактирующая программа, которая просто «правит» всех, исходя только из правильности и не взирая на личные обстоятельства или чины.

НБП

С середины 1990-х я выходил с нацболами. Мы шли «в дешевых черных джинсах», как писали про нас тогда первые отечественные гляцевые журналы. У нас и черные майки были дешевые, и дешевая солдатская обувь, ну, в крайнем случае, самые бюджетные кеды. Дешевые прически, т.е. бритые ключие затылки. «Завершим реформы так: Сталин! Берия! Гулаг!» -- орали мы -- «Ешь бо-га-тых!». Мы ровняли наш строй и громко, с удовольствием, печатали шаг, гордясь своей бедностью, злостью, готовностью к действию и молодыми мускулами. Все такие черно-красно-белые, без полутонов и компромиссов. Песня «В интересах революции» будет написана Самойловым позже, но она будет как раз про нас. У многих впереди были аресты, допросы, тюрьмы или даже «исчезновение при невыясненных обстоятельствах». В разные годы в этом строю можно было вдруг обнаружить рядом с собой Наталью Медведеву, рок-барда Сашу Непомнящего, лучшего московского фотографа Лауру Ильину, которая была одновременно и активистом и партийным хроникером, или группу «Резервация здесь» в полном составе. Ну и конечно сам Лимонов, всегда немного недовольный численностью вышедших людей. — Дачи! – возмущенно говорил он, – сколько людей задирают сейчас свои пятые точки кверху на дачах вместо того, чтобы идти с нами! Нужно отобрать у них дачи, когда мы победим, чтобы им негде было копать!

ФРИКИ

Помню, Виктор Анпилов показывал всем с трибуны пасхальное яйцо с нарисованным на нём серпом и молотом. Пасха в том году совпала с первомаем. Но толпа обычно гораздо интереснее трибуны. Меня всегда завораживали люди, действия которых я не могу объяснить. Первомайским завсегдатаем была пожилая дама с детскими красными мечом и щитом, на котором она наклеила крупные буквы: «Медея — мать медицины!». Если понравиться, Медея могла благословить тебя своим игрушечным оружием. Много лет подряд выходил и мужик в клетчатом килте и с волынкой. На волынке он играл, хоть и не очень умело. В разговоре быстро выяснялось, что он никакой не шотландец. Так выражался его протест против антинародного режима. Мне он, как и непостижимая «Медея», нравился. В этой вызывающей произвольно-

сти протестной формы было что-то от того, чему нас заочно учил Ги Дебор. Хиппи-коммунист Мадисон в футболке «Агент КГБ» раздражал стариков, а художник Осмоловский в зеленом махровом халате смешил их. Про халат он объяснял, что левые должны везде чувствовать себя как дома, потому что всё принадлежит всем.

Внезапно мог появиться некто, наряженный в маскарадный (и очень натуральный) костюм эрегированного полового члена и с плакатом «Ебу систему!». Но «простоял» член недолго, по наводке самих коммунистов был задержан милицией как провокатор и выдворен за пределы шествия.

ЭКЗОТИКА

Во время американских бомбежек Белграда к нам вдруг присоединилась группа сербов с интересным лозунгом: «Когда мы были товарищами, мы были господами!». К концу митинга они уже всех коммунистов и сочувствующих научили поднимать вверх три пальца. Одни понимали их лозунг в том смысле, что коммунизм это общество господ без рабов, в котором все становятся аристократами, а другие находили тут сербский национализм и намек на ведущую роль этого народа в югославском проекте.

Часто участвовал и мусульманский социалист Гейдар Джемаль с его «Исламским комитетом». Ему давали слово на трибуне, чтобы наглядно продемонстрировать интернационализм. Все свои выступления он непременно заканчивал словами «Аллах Акбар!», отчего большинство собравшихся вздрагивали и недоверчиво втягивали головы в плечи.

Не пропускало ни одного года и «Братство кандидатов в настоящие люди». От них я узнал, что настоящий человек перво-наперво должен заговорить на эсперанто, выучить научную формулу счастья, писать стихи, жить в трудовой коммуне, непрерывно учиться и как можно меньше спать. «Кандидаты», насколько получалось, старались соответствовать своему идеалу, пока власть не начала преследовать их как «тоталитарную секту».

Запомнился разговор с молодым маоистом, который приезжает в Москву каждый год из далекой провинции, чтобы участвовать в весеннем красном шествии.

Как он представлял себе правильные прогрессивные репрессии, не требующие отдельного от общества (и тем опасного для всех) карательного аппарата? После революции за бывшими буржуа будет установлен визуальный контроль народа. В их домах разместят камеры, которые в прямом эфире будут выложены в Сеть. Каждый, кто заметит нарушение в их поведении, сможет нажать на кнопку повтора сцены и если остальные зрители (большинство на данный момент) с ним согласятся, то нарушитель получит воспитательный удар током. Для этого он должен всегда носить на руке заметный электрический браслет позора, показывающий, кем он был до революции. Разряд тока и позорный браслет — напоминание о том, что при новом социализме власть доступна

всем, но не ко всем одинаковое отношение. Выносимость жизни вчерашних эксплуататоров будет напрямую зависеть только от бдительности и воли народа. Возможно, люди нового общества окажутся настолько гуманными, что бывшие буржуа будут жить без боли. Или никому будет просто не интересно за ними смотреть. Или большинство зрителей не станут поддерживать удар током. Но возможно и обратное... Это будет власть народа как таковая.

В тот год маоист был сильно увлечен просмотром веб-камер и много времени проводил в чатах. Кроме этого, он считал, что большевистские «уплотнения», когда в просторные квартиры бывших хозяев жизни подсаживали нескольких пролетариев, имели прежде всего воспитательный характер. Т.е. подселенные уже играли роль «камер», следящих за лишенными привилегий и обучающих лишенцев новому классовому поведению в условиях пролетарской диктатуры. Я слушал его, почти не перебивая. А в руках у меня был плакат: «Хватит верить в реинкарнацию!».

STREET-PARTY

К нулевым годам прежний пафос ослабел, и мы организовали первое в Москве «STREET-PARTY» на европейский манер. Моя тогдашняя жена сшила пару десятков неизменных черных масок, которые всем очень понравились, потому что утро выдалось холодным. Надевший маску получал так же свисток и большую мишень, наложенную на профиль классического «буржуя» с плаката Маяковского, а над головой мы подняли мой новый транспарант, на котором метровыми буквами было вышито www.anagh.ru и больше ничего. Посещаемость сайта выросла в тот день в 5 раз. На флаге, специально придуманном Димой Моделем для Street-party, условный пешеход с дорожного знака перешагивал запретительную рамку своего мира. Художник-акционист Саша Маргорин нёс на плечах выточенного из дерева «сына» в красном галстуке и пилотке, а художница Аня Кузнецова, в шлеме лётчика, руководила многими девочками, которые синхронно взмахивали цветными метелками для пыли. Олег Киреев в радужном туркменском халате и тубетейке выкрикивал что-то из Берроуза в мегафон, но его было слабо слышно из-за духового оркестра «Пакава Ить», создававшего общее настроение. «Клоуны свернули с маршрута» -- перекрикивая музыку, докладывали милиционеры в свои рации, когда STREET-PARTY отделилось от основной колонны и хлынуло на Арбат. Там возник небольшой когнитивный диссонанс, перевернулись несколько лотков с матрешками, но в остальном всё закончилось мирно.

На следующий год движение «Свои 2000» вышло на демонстрацию в строгих костюмах, с плакатами, вроде: «испанский язык», «веб-дизайн» или «ремонт велосипедов». Каждый нёс в руках свою специальность, готов был обсудить цены на услуги с потенциальным заказчиком или безвалютно обменяться с ним на другие услуги. Так «Свои» изобрели биржу труда и ра-

довались этому настолько, что к концу демонстрации люди в костюмах уже купались в фонтане.

«Креативить» пробовала и коммунистическая молодежь, нарядившись в олигарха (в цилиндре), рабочего (перемазанный и в каске), журналиста (связанные руки и розовые очки) и батюшку (позолоченная борода и ряса). Но всё это напоминало утренник в советской школе, лишенный настоящего безумия.

АРТ-МАРКСИЗМ

В последние годы Коля Олейников, группа «Что делать?» и другие московские художники из тех, что помоложе, организуют «Первомайский конгресс». Сутки или двое они живут все вместе, смотрят фильмы Годара и Фассбиндера, обсуждают перспективы борьбы («автономия или сопротивление?»), пьют много кофе, читают друг другу лекции, совместно готовят общую еду, рисуют плакаты, шьют знамена и в итоге выходят первого числа из своего богемного микрокоммунизма на площадь, чтобы оформить там шествие — натягивают транспаранты не только поперек, но и вдоль улиц, дабы не впускать провокаторов, полицейских и вообще отличать «своих» от «чужих». Главной силой их шествия становятся, впрочем, вовсе не художники, а «антифа» -- бритые, спортивные, удобно одетые и громкоголосые молодые люди без особых иллюзий насчет своих перспектив в условиях провинциального и авторитарного капитализма: «Что Каир, что Москва, лишь борьба дает права! Нет у нас другой судьбы, кроме классовой борьбы!».

ГЕИ

С некоторых пор, следуя логике постепенной «европеизации» первая, к этому событию стали присматриваться местные геи. В Европе, согласно сложным феминистским теориям, дискриминация по сексуальному признаку тайно увязана с экономической эксплуатацией, и потому «секс-меньшинства» (ЛГБТ), вместе с феминистками, давно участвуют в тамошних «пролетарских шествиях». Впервые в 2011 году и в Москве небольшая «нетрадиционная» группа с радужным флагом примкнула к троцкистам, но тут же была атакована и рассеяна патриотически настроенной частью советских демонстрантов.

Каждый раз, отправляясь туда, я опасливо думаю: ну, в этом году выйдут, наверное, одни старики. И каждый раз я ошибаюсь. Почти как в Европе, теперь у нас это общая демонстрация всех противников капитализма, где они могут себя показать и на других посмотреть -- праздник рабочих организаций, панков, марксистов всех оттенков и антибуржуазной богемы. Раньше в первомайской толпе ощутимо недоставало людей в возрасте от 30 до 50. Это «выпавшее» поколение перестройки. Моё поколение. Но в последние годы

и это выровнялось — повзрослела, но никуда не делась, прежняя молодежь, а ей на смену выходят борцы за права новых политзеков, креативные хипстеры-троцкисты, «пираты», отрицающие копирайт, молодцы Удальцова и студенты-антиглобалисты в улыбочивых «окупайских» масках Гая Фокса. Первомайское шествие -- идеальная обстановка, чтобы убедить себя: ничего и никогда не закончено между господами и их работниками, между сторонниками буржуазной добродетели и отрицателями этой лживой морали, между капиталом и трудом. Они ещё не раз столкнутся лбами, высекая революционные искры. С ослиным упрямством я вновь отправляюсь в эту толпу. Потрепанная черная маска свернута в кармане. Каждый раз, надев её, хочется покричать что-нибудь такое первомайское, но собственного сочинения: «Гори, супермаркет, гори! Не ври, телевизор, не ври! Вставай, мой товарищ, вставай! Капитализм must die!». Кроме классового, мотив у меня может быть литературный или даже этнографический, если считать городские субкультуры «новыми племенами». Мне нравится, когда у моих действий сразу несколько равнозначных мотивов.

знают дрозды...

Помните ли вы свою первую внутреннюю революцию, библейское чувство столкновения с иным, не нашедшим у вас внутри аналогий, но настойчиво требующим истолкования?

У каждого из нас таких моментов, конечно, несколько. «После этого фильма я вышел из кинотеатра левым» -- рассказывал художник Осмоловский о годаровском «Безумном Пьеро». И до сих пор ходит в леваках. Годар эпохи «Пьеро» снимал свою русскую жену в роли американской демократии, попавшей между белым техасским нацизмом и левачеством «Черных Пантер». Его актеры писали на уличных стенах «Синемаркс» и «Советконг». Что мы должны видеть на экране? — спрашивал он всех — отражение убогой реальности или реальность и убогость самого этого отражения? Политическая связь между сценами, последовательность изображений гораздо важнее самих сцен и изображений.

Для знакомого нью-йоркского школьника внутренним переворотом стало хоровое повторение слов философа Жижека на оккупайской ассамблее в Зукоти-парке, а для другого знакомого, сейчас строгого салафита, внутренней революцией стало первое, почти случайное, посещение мечети.

Сложнее обнаружить тот самый первый раз, когда возникает модель отношений с необъяснимым, но взыскующим. Момент внезапного появления новой потребности, делающей тебя другим.

Мне было девять и я пошел на фильм «Тайна Черных Дроздов» по Агате Кристи. Молодой миллионер без моральных принципов выходит из стеклянного «лондонского» здания, в котором отражаются московские сталинские дома и делает некое империалистическое заявление. Его невеста в шоке, а

далее показывают настоящих лондонских панков, видимо, чтобы нагляднее выглядело отсутствие будущего у капитализма. Длится это 18 секунд. Я старался не моргать, чтобы ничего не пропустить и всегда потом обводил этот фильм маркером в телепрограмме.

Кто они, эти люди, красивые, как индейцы? Слова «punk» я тогда не знал. После этого укола в мозг я вышел из зала на улицу другим, уверенным, что однажды и сам буду так выглядеть и узнаю об этом всё.

Я возвращаюсь к этому «фрагменту фильма» всю свою жизнь.

Почему вообще при застое у нас была в таком почете Агата Кристи с её мисс Марпл? Её переводили, экранизировали, ставили на сцене, по ней учили английский в интеллигентных семьях. Не потому ли, что в мисс Марпл с удовольствием обнаруживало свой портрет Политбюро и вообще «руководство»? Миф о гениальности проживших жизнь пенсионеров оказывался в сознании начальства сильнее недоверия к частной детективной деятельности никем не назначенной бабушки. В этом образе номенклатура узнавала себя и все, признающие её мудрость и авторитет, ждали от седой девственницы единственно верного объяснения всех окружающих «улик» и восстановления попорченного порядка. Плюс общий тогдашний тренд на возраст, зрелость и консерватизм, аналогичные тэтчеризму.

Конечно, позже у меня было много других внутренних событий — первая кассета с надписью «Гр.Об.», на которой ничего не было слышно, но всё и так понятно — бреем ровно половину черепа. Первое выступление на митинге. Первое чтение «Коммунистического манифеста»: так вот что пылилось в шкафу за стеклом в школьном кабинете истории!

Помните ли вы первый момент, когда вы пообещали себе то, что минуту назад казалось невозможным, не нужным и не приемлемым?

Наверное, оттуда, из этих 18 секунд, пошло моё преувеличенное, в духе Маркузе, восприятие всего, что названо «контркультурой», как некоего эмбриона будущего, вечно откладываемой модели альтернативного общества, в котором вместо потребительства люди заняты творчеством, а вместо формальной репрессивности их объединяет страстная солидарность. Путешествуя из одного добровольного гетто в другое, я не находил никаких подтверждений этой надежде и в конце концов убедился, что любая так называемая контркультура есть только утрированный молодыми людьми, растущий в обществе тренд, забравшийся за пределы «обычного». Если в послевоенной Америке складывается миролюбивый, падкий на этнику и мистику, средний класс леволиберальных предпочтений, неизбежно появление «бунтующих хиппи», а если наше общество, нокаутированное реформами 1990-х пытается встать, цепляясь за самое базовое, примитивное, что осталось в его языке, за несмытое из брендспойта антисоветской пропаганды -- «национальное», то в «контркультуре» неизбежно окажутся скинхеды и «белый рэп». Когда хочешь узнать, что нового происходит в обществе, просто найди новых «неформалов» и подумай, крайним проявлением чего они являются?

Будущее, как и истину, невозможно найти в специальном волшебном месте у особенных людей. Будущее, как и истину, можно только произвести, создать вместе с другими. Оно есть наиболее общий результат того обмена и производства, в которых мы все с рождения участвуем.

Помните ли вы момент, который впервые радикально изменил вас и свои чувства при этом?

Была, конечно, и песенка, сопровождавшая панков. WHAT IS A LOVE? Я не раз потом напевал её самому себе, оказавшись в трудных обстоятельствах: милицейская клетка, допрос или просто отсутствие денег и работы. Долгие годы я полагал, что это какая-то западная сладкая и безыдейная попса от успокоившихся хиппи, но оказалось, что песенка не тамошняя, а местная, и сочинил эту стилизацию Макаревич, которого я всегда считал образцом конформизма с его патриотичными «скворцами» и стройотрядовскими вихрами. Т.е. песенка оказалась даже не западной попсой, а советской мечтой о ней. У Макаревича, кстати, в тот момент были свои претензии к панк-року. Незадолго до начала съемок детектива случился фестиваль в Тбилиси, на котором «Аквариум» устроили скандал, с запусканием тарелок в зал и неприличными словами на одежде. Гребенщиков заявил, что теперь его группа играет «панк» и хочет вернуть рок-музыке утраченный бунтарский дух. Макаревич назвал это «выходкой», и на этом нежная дружба между ним и «Б.Г.» надолго прервалась. Мне станет это интересно лет через пять после просмотра фильма.

AGAIN AND AGAIN...

Ровно через двадцать лет после того кинозала я обнаружил себя поселившимся в лондонском сквоте, где вокруг меня на полу спали люди, словно вынутые из тех «18 секунд». Они не ели мяса, отрицали государство, и любили играть в гольф прямо на Трафальгарской площади, пока это не надоедало полиции. Каждое утро я просыпался в своем спальнике и читал на потолке их лозунг: «Жить, наплевав на капитализм!». Я оказался внутри старого кино.

Люди, близкие мне по целям, но не по методам. Если вы хотите нейтрализовать опасную утопию, просто превратите её в «стиль жизни», в котором никто не увидит мобилизующего людей проекта будущего. Самые интересные «стили жизни» появляются в результате провала самых смелых утопий и самых радикальных авантур по переделке человечества.

Конечно — думал я -- в той сцене должна быть, но не могла быть, другая, главная песня лондонских панков, тем более что перед документальной вставкой герои обмениваются столь политически нагруженными фразами: «Ты пошутил ...» -- «Почему, дорогая?»

Виниловый выход гимна лондонских панков совпал с тбилиским фестивалем. Задолго до попадания в сквот, для дворовой группы в подмосковном пролетарском поселке, где я вырос, я пытался перетолмачивать этот гимн на русский, хоть как-то сохраняя исходный ритм:

Лед поднимается
Солнце открывает рот
Мотор уже глохнет
И хлеб не растёт
Радиация не пугает
Город погружается —
На берегу выживают
Город в самом верху циферблата
Быть кем-то другим — вот расплата
Ты засыпаешь без улыбки
Тебя обступают твои ошибки
Ты выходишь один
И вокруг преисподняя
Город будит зомби
Они встанут сегодня...

Я научился «сталкиваться с иным» и давать себе неожиданные обещания в том кинозале. Думаю, я до сих пор нахожусь под впечатлением. Помните ли вы свою первую внутреннюю революцию? Чему она научила вас?

«ТОРГОВЛЯ ВСЕМ»

«Мы молчали как цуцики/ пока шла торговля всем/ что только можно продать/включая наших детей...»

Помню как у нас, лет в четырнадцать, замирало сердце от этой песни, и мы гордо прогуливали алгебру в знак протеста против тоталитарной советской действительности. Вешали на дерево в лесу магнитофон и жгли костёр вместо того, чтобы учиться искать дискриминант. Чувствовали себя то ли этими самыми детьми, проданными кому-то, то ли теми, чьи будущие дети заранее уже проданы кем-то.

Сейчас я часто спрашиваю себя, откуда взялось это «пока шла торговля всем»? Ведь это, мягко говоря, не точно. Советская система могла казаться чем угодно — неэффективной экономикой, режимом грубого подавления личной свободы, царством цензуры, окончательной победой бюрократии над жизнью, пугающим праздником урожая во дворце труда и т.п. Чем угодно, но только не торжеством рыночной экономики и товаризации всех человеческих отношений. Откуда же тогда это «что только можно продать»? Проще всего это объяснить старой русской интеллигентской традицией употребления слов, согласно которой «продать» = «плохо поступить», «предать», «унизить», и не более. Но такое объяснение слабое. Оно не отвечает нам, почему это так нравилось миллионам юных душ? Я до сих пор вспоминаю с ностальгией... Нужно другое объяснение, которое учтёт саму историческую форму рок-музыки, ситуацию её возникновения и дальнейшей трансляции.

Известно, что ранний Гребенщиков вполне сознательно хотел быть похожим на Боба Дилана. С Боба Дилана в США начался настоящий гитарный рок на фестивале в Ньюпорте в 1965-м. Боб Дилан был певцом протеста и фантазером-битником. Кому интересно, пусть найдет его книжку «Тарантул». Причем двигался Дилан от первого (протест) ко второму (вычурный психоделический мир), но это сейчас для нас не важно... Важно, что Б.Г. откровенно работал под Дилана и других американских бунтарей 1960-х. А все американские бунтари 1960-х были насквозь антибуржуазные, антикоммерческие и выступали за преодоление рыночных отношений между людьми на всех уровнях. Собственно, это и есть основное настроение западных 1960-х

и рок-музыки в момент её возникновения. Того же Дилана, например, приглашали на свои собрания спеть пару песен про погоду не только студенты, бунтовавшие в кампусах против империалистической войны, но и «Чёрные Пантеры», мечтавшие устроить в США народную революцию и дружившие с Мао Цзедунем. И Дилан никогда не отказывался. Наоборот, любил фотографироваться в компании этих вооруженных черных парней в беретках и водолазках. Американские правые тех лет так прямо и писали в своих газетах: рок-музыка это оружие мирового коммунистического заговора, призванное разрушить нашу белую христианскую цивилизацию свободного рынка.

Вот откуда это захватывающее, бунтарское и такое не адекватное советской ситуации «пока шла торговля всем». От желания быть по-заграничному, т.е. быть Диланом, т.е. быть битником, т.е. быть духовным нонконформистом, окруженным бездуховными рыночными Соединенными Штатами Америки. Носить в сердце последнюю искру революционного романтизма в капиталистическом Вавилоне.

Пока одни мечтали быть американскими женами, обывателями, бизнесменами или звездами голливудского экрана, другие мечтали быть американскими хиппи, обеспокоенными коммерциализацией бытия. И миллионы юных душ конца 1980-х подхватывали эту мечту в советском мире, где уровень всего бесплатного для всех граждан был высок, как нигде и никогда в мире. Метро стоило пять копеек и количество халявных рабочих мест — «дворников и сторожей» -- для мечтателей всех мастей зашкаливало. Сергей Курёхин работал аккомпаниатором производственной гимнастики на заводе и всё остальное время занимался фри-джазом в своё удовольствие. Художники-концептуалисты оформляли «Веселые картинки» и другие журналы для детей, а потом ехали за город устраивать загадочные перформансы и спорить о структурализме. Меньше всего на свете советская система стремилась кем-то или чем-то «торговать», потому советская торговля и была такой неповоротливой. Ориентация на прибыль была исчезающе мала. Наоборот, седые старцы из партийных верхов всё время обеспокоенно спрашивали у молодых экономистов Егора Гайдара и Петра Авена из Института Системных Исследований: когда же у нас произойдет окончательное отмирание товарно-денежных отношений? Через сколько лет? Но молодые экономисты отвечали на это уклончиво и держали фиги в карманах.

Львиную долю русского рока не получается понять без этого «псевдоморфоза» -- фантомной верности событиям, которые никогда не случались ни с тобой, ни с твоим поколением, ни с твоим обществом.

А «торговля всем, что только можно продать», конечно, была, но только не в прошлом, а в будущем. И молчать об этом ещё предстояло. А чего кричать-то? Весь мир так живёт...

Недавно, кстати, продали гитару Дилана, ту самую, с ньюпортского фестиваля. Поэт забыл её тогда в самолёте, а пилот подобрал. Стоит она теперь миллион долларов США.

МАЙ -- АБАЙ

«Лишь бездарный покоряется судьбе»
Абай Кунанбаев

АБАЙ И ПРОТЕСТ

После закрепления протестного лагеря на Чистых Прудах я выбрал себе простую и прагматичную роль политического книгоноши, т.е. регулярно нагружал рюкзак марксистской литературой и левацкими журналами и отправлялся с этим умным горбом к Абаю, чтобы бесплатно распространять знания в оживленной толпе, пока эта толпа не ляжет спать под деревьями.

На второй день обстановка там являла собой политизированную версию теплого субботнего вечера на Арбате или в Александровском саду. Тотально доминирующий возраст протестующих — до 30 лет. Сидят на траве под деревьями, небольшими группками и поют под гитары Шевчука и Цоя. Если кому это надоедает, он встает и присоединяется к одному из кругов слушателей. Таких кругов происходит одновременно по бульвару 4 или 5. В центре выступающий, с ним все дискутируют. Т.к. микрофонов нет, то в один круг не может затусоваться больше полусотни людей. Темы выступлений — «профсоюз и забастовка», «история ненасильственного протеста», «борьба студентов в МГУ», «Интересы запада в России» и т.п. У фонтана действует постоянный бук-кроссинг и стоит человек, надевший на голову черную морду лошади. А ближе к метро у деревца привязана живая бурая корова и об деревце чешется. Желаящие пытаются её доить в ведро, но у них не выходит. Хозяин животного как-то связывает это отсутствие молока с вредностью для России ВТО. Про ВТО правильно,

А ПРО КОРОВУ НЕ ЗНАЮ — БОЛЬШИНСТВО ПРОТЕСТУЮЩИХ ЕЁ ЖАЛЕЮТ И УЧАСТИЕ КОРОВЫ В ПРОТЕСТЕ НЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ. ЕЩЁ ХОДИТ РОСТОВАЯ КУКЛА «ГУБКА БОБ», ГОВОРИТ ВСЕМ ЧТО-ТО ПРО ДОРОГИ И ДУРАКОВ, ОСОБЕННО ОНА НРАВИТСЯ ДЕТЯМ. У АБАЯ МНОГО МОЛОДЕНЬКИХ МАМ С ДЕТЬМИ. БЕЛЫЕ ЛЕНТОЧКИ ПОРОЙ ПРИВЯЗАНЫ ПРЯМО К ДЕТСКИМ ВЕЛОСИПЕДАМ И КОЛЯСКАМ. ЗАМЕТНО, ЧТО БОЛЕЕ СТАРШИЕ ИЗ ВЫСТУПАЮЩИХ ПОСТОЯННО НАПОМИНАЮТ О ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ, А ТЕ, ЧТО МОЛОЖЕ, ВСЁ ВРЕМЯ ГОВОРЯТ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ ОБСУЖДАЕМЫХ ГРУПП. ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС ДЛЯ НАШЕЙ УЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ВОООЩЕ РЕДКИЙ — ДЕВУШЕК ЯВНО НЕ МЕНЬШЕ, ЕСЛИ НЕ БОЛЬШЕ. САМЫЕ ЖИВЫЕ СИТУАЦИИ ВОЗНИКАЮТ ТАМ, ГДЕ НИКТО НЕ ЗНАЕТ, ЗДЕСЬ ЕЩЁ ПРОТЕСТ ИЛИ УЖЕ НЕТ: БЛИЖЕ К ГРИБОЕДОВУ БЕЛОЛЕНТОЧНИКИ СЛЕДЯТ ЗА ИГРОЙ СТАРИЧКОВ-ШАХМАТИСТОВ, ПЛЯШУТ ПОД ДЕВУШЕК-ВОЛЫНЩИЦ И ВЕРБУЮТ АПОЛИТИЧНЫХ ГОТОВ. ИЗ ЗНАКОМЫХ ПОЗДОРОВАЛСЯ С ЮРИЕМ САПРЫКИНЫМ, ХУДОЖНИКОМ ЖИЛЯЕВЫМ И ЕГО ЭФФЕКТНОЙ ДЕВУШКОЙ ИЗАБЕЛЬ, А ТАК ЖЕ С НЕСКОЛЬКИМИ МОЛОДЫМИ СОЦИОЛОГАМИ, ЛИТЕРАТОРАМИ И ИЗДАТЕЛЯМИ РАЗНОЙ СТЕПЕНИ УСПЕШНОСТИ. ЛАТЫНИНА СТОЯЛА У МЕТРО, РЕШАЯ, ГОТОВА ЛИ ОНА ИДТИ К ПРОТЕСТУЮЩИМ СКВОЗЬ ЛИВЕНЬ, ЖЕРТВУЯ ПРИЧЕСКОЙ, ИЛИ БУДЕТ ЖДАТЬ, ПОКА ДОЖДЬ КОНЧИТСЯ? НУ И КОНЕЧНО В ПОЛНОМ ПРАКТИЧЕСКИ СОСТАВЕ У АБАЯ ПРЕДСТАВЛЕНЫ МОСКОВСКИЕ ТРОЦКИСТЫ. ПРИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ БОРИСА КУПРИЯНОВА С УТРА ПЕРВОГО ЖЕ ДНЯ ОНИ НАЛАДИЛИ ВЫПУСК МЕСТНОЙ БУЛЬВАРНО-ОККУПАЙСКОЙ ГАЗЕТЫ. ПЕРВЫЙ НОМЕР (ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ ЭКЗЕМПЛЯРОВ) У НИХ РАСХВАТАЛИ ИЗ РУК ЗА ЧАС.

На что похоже? — спрашивали все друг у друга. Выяснялось, что каждый хранит верность собственному событию — февральская революция в Петрограде, оранжевый майдан в Киеве, свержение Милошевича в Белграде, египетский Тахрир, Оккупай Уолл-стрит, но чаще других назывались Вудсток и Париж 1968-ого. А для несчастных женщин, выселяемых сейчас вникуда из военных общежитий и пришедших сюда пожаловаться, это был как будто лагерь «ходоков» в перестроечном 1990-ом году у гостиницы «Россия», мимо которого тогда ходили заседать депутаты всемогущего Съезда.

Москвичи радовались возможности впервые попасть на политическую встречу без металлоискателей, свободно, как в далеких 1990-х, ещё до всеобщего страха перед бомбой, без которого никогда бы не получилось никакого Путина. А когда буддисты со своими молитвенными крутилками подбрасывали очередную порцию благовоний, налаживая местную «энергетику», можно было подумать, что ты в Гоа, среди дауншифтеров всего мира, и просто удалился от моря.

Конечно, искушенный постмодернизмом человек делает очень многие, в том числе и радикальные, жесты отнюдь не потому, что верит в их результативность, но потому что желает иметь потом определенные воспоминания, не хочет стыдиться в более зрелом возрасте, что у него не было своей «бунтарской молодости» с громкой музыкой, воздухом протестного братства и маршами неповино-

вения. Начиная с середины 1960-х в западном обществе это правило массовой психологии для очень многих людей. Да и за пределами западных обществ необходимость таких воспоминаний усваивается теми, кому близок гражданский стандарт западного поведения. Но это совсем не значит, что множество людей, вытряхнутых из обыденности на протестный бульвар пусть даже и с таким мотивом, ничего не добьются и получают в результате политический ноль. Мотив и результат это совершенно разные члены исторического уравнения.

АБАЙ И КАПИТАЛИЗМ

За что я люблю ситуации, которые можно назвать «революционными», как бы локальны они ни были? За то, что в них схематично проступают отношения, более скрытые в обыденной жизни. Например, офисный начальник, узнав, что его работник проводит свободное время у Абая, всерьез говорит ему, что за это могут и уволить. Случается и обратное — наниматель поручает работнику распечатывать оккупайские листовки, а когда работник отказывается, сославшись на свои имперские и пропутинские убеждения, то получает отеческое внушение. В обоих случаях экономические отношения найма переходят в политику прямо, а не через ряд промежуточных шагов, как это обычно принято.

Или вот книги и журналы, которые я сюда ежедневно подвозил для бесплатного бук-кроссинга. Меня интересовала их дальнейшая судьба. Всякий раз, заметив меня издали, за ними приходил хитрый бородач, складывал их в свою бездонную сумку и куда-то её относил, чтобы через полчаса вернуться вновь и ждать новой порции. Он делал какой-то свой маленький бизнес, пользуясь неожиданной «бесплатностью». Всё это лишний раз доказывает, что в чужеродном окружении невозможен автономный оазис, где прежние отношения власти и капитала были бы совсем преодолены. Это преодоление всегда лишь «отчасти», это всегда наполовину декларация о намерениях и эта частичность -- удобный повод для стёба тех, кто заранее знает цену любым «утопическим попыткам». В конце концов, я шуганул стрёмного бородача и литературу раздавал сам понравившимся людям.

Собравшийся у Абая самоорганизованный через твиттер «малтитюд», как называет это Негри, быстро распределил внутренние роли. Либералы, демократы и все, кто за то, чтобы «было как в Европе» задавали общее настроение и атмосферу. Анархисты, антифа, марксисты всех оттенков и «вообще левые» взяли на себя бумажную агитацию, работу инфо-центра (никаких пресс-секретарей!) и половину всех дискуссий. Правые, которых тут оказалось удивительно мало, идеально справлялись с охраной и выдворением нетрезвых провокаторов.

Первый микроконфликт произошел, когда анархисты потребовали раздавать активистам только веганскую еду, большинство «ассамблеи» их не поддержало и протестная кухня разделилась на две половины.

АБАЙ И ГАЙД-ПАРК

Оставить лагерь в покое, разрешить его и проявить готовность к диалогу было бы для власти тактически полезно. Но стратегически в стране с таким уровнем экономического неравенства, с таким уровнем политической «недопущенности» и «непредставленности» самых разных групп, Гайд-парк превратился бы в «Смольный», в реальную опасность для власти, не способной к обратной связи, в скользкое место для последовательных реформ в пользу меньшинства, стремящегося стать ещё меньше и ещё богаче. Неизбежны были бы и конфликты внутри Гайд-парка. Соседство скинов и антифа, либералов и сталинистов, скоро потребовало бы вмешательства полиции. Замкнутая в размерах парка или бульвара «реальная политика», обращенная вовнутрь, немедленно взорвалась бы, как граната Ф-1. Потому-то и нет никакого Гайд-парка ни в Турции, ни в Мексике.

АБАЙ И СЕТЕВАЯ АССАМБЛЕЯ

Народу прибавилось. Или это просто встали (в связи с переменной погоды) все, кто раньше сидел и лежал на земле? Но прибавилось и порядка: места для сна обнесли периметрами из скотча. Расписание событий стало длиннее и интереснее. Многие ходят в белых футболках с Абаем, которые продаются здесь же. Все экспериментируют с ленточками, они стали разнообразнее. «Чистые анархисты» носят черные, анархо-коммунисты делают бант из черной и красной, у марксистов — красная, социалисты — бант из белой и красной. Несколько молодых людей, знающих меня по публикациям, подошли с просьбой расписаться на их белых лентах — новый способ давать автографы. Кроме бульварно-радикальной газеты «Оккупай Абай» появилась и вторая -- «Чистые пруды» и её тоже, как ни удивительно, делают троцкисты, но из другой, конкурирующей тенденции. Дискуссия на тему «Кто такие левые?» длилась более трех часов и много раз ходила по одному и тому же кругу, потому что состав дискутирующих почти полностью менялся:

-- Мы можем сотрудничать с националистами, если у них правильная экономическая программа!

-- Нет, с ними нельзя сотрудничать, потому что они не разделяют этики гуманизма, а это основа нашей политики...

Но более продуктивным был разговор с белорусами из журнала «Прасвет» о ситуации в Минске и с прибывшими в лагерь казахскими рабочими активистами. Белорусская и казахская модели «суверенной бюрократии» это самый нежелательный для собравшихся у Абая, но весьма вероятный политический сценарий.

«КАБАРЕ БЕЗУМНОГО ПЬЕРО» громко и поставленными голосами ПЕЛО ЗОНГИ БРЕХТА — ЗВУЧАЛО ВЕСЬМА ТЕАТРАЛЬНО, В СМЫСЛЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНО. ТОЛПА РИТМИЧНО ХЛОПАЛА И ПОДПЕВАЛА В ПРИПЕВАХ, ВКЛЮЧАЯ ТЕХ, КТО СТОЯЛ ПОД ЗОНТИКОМ С СИМВОЛИКОЙ «МММ».

ПРИ ВСЕЙ РАЗНИЦЕ ВО ВЗГЛЯДАХ, БЫЛИ НА БУЛЬВАРЕ И ВЕЩИ, БЕЗУСЛОВНО ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ВСЕХ, НАПРИМЕР, ПРЕЗРЕНИЕ К «НТВ». КОГДА ПОЯВИЛСЯ ИХ ЖУРНАЛИСТ С КАМЕРОЙ, ЕГО ОБСТУПИЛИ УЛЮЛЮКАЯ, АПЛОДИРУЯ, ПРЕДЛАГАЯ «ПЕЧЕНЬКИ», БРОСАЯ ДЕНЕЖНУЮ МЕЛОЧЬ И ВСЯЧЕСКИ КРИВЛЯЯСЬ. ДУМАЮ, ЧТО «С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ» ЭНТЭВЭШНИКА, ОН БЫЛ ОКРУЖЕН КОМПАНИЕЙ РЕДКОСТНЫХ УРОДОВ.

Вскоре на бульваре распространилась и третья газета, в которой ко всеобщему недоумению, Яшина называли «комендантом лагеря», получившим эту власть от арестованных «лидеров» -- Навального и Удальцова.

Оккупация состояла из тела и скелета. Тело это пришедшие ради «развиртуализации» своих фейсбукowych «друзей», ну и посмотреть на лидеров и звезд. Пообщаться с той частью группы «Война», которая не в тюрьме и не в розыске, т.е. с Петром Верзиловым. Обсудить тонкости делёзовских переводов с Аронсоном и Петровской, поспорить о наследии Грамши с Пензиным, постоять близко к «фюреру хипстеров», как прозвали его недруги, Юрию Сапрыкину или взять автограф у режиссера и вечного хиппи Аристакияна, постоянно жившего в лагере. Посмотреть на свежем воздухе сценки из «БерлусПутина» и принести домой ворох разнопартийных листовок, которые дома тускнеют и глупеют, изъятые из уличного обращения.

Постоянный же скелет лагеря — ассамблея активистов, коллектив прямой и непосредственной демократии, не нуждающейся в «харизматах» и «живых символах», ведь все и так мысленно уже в масках Гая Фокса из «Вендетты». Ассамблея, собственно, всем и управляет, от раздачи бутербродов до юридической помощи задержанным. Это требует высокой сознательности, большой самоотдачи и включенности и вряд ли может длиться долго, если только люди не сменяют друг друга, однако это вовсе не значит, что такая форма управления невозможна в принципе.

Интересно наблюдать, как новоприбывшие активисты входили во вкус политического творчества, как им начинала нравиться самоорганизация. Часто они начинали с «ну это мы пока тут всё сами, на безрыбье, вот выйдет наш Навальный (варианты: Удальцов, Немцов)». Но уже через сутки их лица меняло выражение радостной мобилизации. Они открывали для себя, что им не нужно ни на кого смотреть снизу вверх — «не сотвори себе вождя, звезду и эксперта» -- любое решение может быть принято простым большинством собравшихся и реализовано теми, кто добровольно за это взялся. Это малореально, если ассамблея включает тысячи, но скелет лагеря составляла пара сотен добровольцев и это оказалось реально. Не знаю, где и когда ещё в нынешней России можно получить столь необычный опыт альтернативной и горизонтальной социализации. Это примагничивало людей друг к другу

гораздо лучше, чем сближает общая ненависть к государству или общее доверие к лидеру, а точнее, к созданному медиа портрету. «Это не протест, это процесс!» -- гласил самый любимый оккупайцами плакат.

Главное внутреннее противоречие движения в том, что для одних («лидеров» и «медийных персон») такая сеть самоорганизации есть временная вынужденная мера, резервная программа, дающая шанс перезагрузить, сменить «нечестную» (т.е. чужую) власть на «честную» (т.е. свою). Но для возникшего прямо на улице актива это нечто совсем другое — опыт альтернативной политики, который должен постепенно вытеснять политику традиционную, элитарную и представительную, сводя политическую роль денег, вождей и известности к минимуму.

Кульминация «Ассамблеи» настала в последний день, когда в лагере не послушались ни Гудкова, ни Пономарева, ни Немцова и решили оставаться до первых задержаний. Это была не только проблема для «коменданта Яшина», но и вообще для всех «лидеров». У Абая складывается новый субъект политического действия с новым опытом. Люди больше не хотят быть массовой для «честных» вожаков против «нечестных» и готовы взять на себя организацию сопротивления сами.

Многие спрашивали: где Лимонов? Но что ему делать там, где стремятся обходиться без лидеров? Ждать своей очереди высказаться? И что бы он сказал? Что он круче всех лидеров? Но здесь каждый круче всех. По похожим причинам фактически не пришли и правые, а не только потому, что им запахло быть рядом с «геями и евреями». Психотип правых — жертвенная верность лидеру, культ подлинной элиты, запах кожаных ремней и военных сапог, мужская воинственная доминация — не нашел бы тут для себя никакой эмоциональной пищи.

Исключением был нацбол Скиф, который перенёс сюда «Маяковские чтения» весьма энергичных политических поэтов. У Абая он был настоящей звездой. Пока мы с ним обсуждали роль поэзии в жизни общества, модные девушки несколько раз говорили мне: «Можно вас попросить отойти на пару шагов? Мы хотим со Скифом сфотографироваться!». Скиф -- лучший сейчас кандидат на роль отечественного Эбби Хоффмана.

АБАЙ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА

Культурная программа на Оккупаете быстро эволюционировала от русского рока под гитару до модного социального театра и актуальнейших московских художников. Василий Шумов дал акустический концерт. Виктория Ламаско, мастер графического репортажа, сначала просто раздавала автографы на анархистской газете «Воля», которую она оформляет, но на следующий день усилиями неутомимого акциониста Дениса Мустафина, у неё на бульваре уже была целая выставка нарисованных здесь же портретов и сценок. Люди находили себя на этих рисунках и тут же присваивали на память листки со

своими историческими портретами. «Всё равно это моя лучшая выставка» -- говорила художница — «искусство тут принадлежит народу!». Лектор в растаманской шапке рассказывал про альтернативную наркополитику и заместительную терапию. Историк Будрайтскис встретил тут нескольких своих учеников, которым он преподавал политологию пару лет назад в лучшей московской школе. К последнему дню все изрядно подзабыли про нечестные выборы и узурпатора Путина. Основная листовочная компания и самая массовая дискуссия велась вокруг нескольких иезуитски сформулированных законов, которые, накладываясь друг на друга, фактически делают школьное образование в России платным в ближайшие годы.

В 21.00 живой «усилитель звука» через хоровой повтор разносит сказанное у памятника. Все бодро готовятся к завтрашней предположительной зачистке бульвара в полдень, обзванивают знакомых, чтобы с утра собрать массу. За спиной памятника вывесили экран -- показывать политическое кино. Но к кино сильного интереса не было, и не только потому, что сегодня у каждого в рюкзаке есть свой сколь угодно политизированный кинотеатр, но и потому, что вместе смотреть фильм это пассивная, потребительская форма общности. Активисты воспринимали себя самих в качестве прототипов будущих политических фильмов.

ГУДБАЙ АБАЙ

При желании видеть, легко понять, чем был недельный «Оккупай Абай». Это живой проект революции, к которому всё сильнее тяготеет немалая и очень активная часть нашего общества. Настроение этого проекта леволиберальное, а его внутренний конфликт это противоречие между «лидерами» и всё лучше обходящейся без них сетью гражданской самоорганизации.

Прошлая революция в 1990-х была, наоборот, праволиберальной. Её официально провозглашенной целью было спасение экономики через срочное и принудительное введение капитализма, но теперь на флаг поднимается гуманизация дикого капитализма ради спасения деградирующего общества. Конечно, это отнюдь не единственный проект революции в России сегодня, и реализация такого проекта потребовала бы прежде всего большого раскола в элитах и сильных независимых медиа. И вообще не известно, возможна ли гражданская амортизация дикого капитализма в условиях сырьевой экономики? Если нет, то эта уличная активность запустит совершенно другие социальные процессы. Очевидно только, что в наступающей зоне свой проект революции, или её срочного предотвращения, должен быть у каждого гражданина. Это и означает, собственно, конец стабильности как общего умонастроения.

Мне нравится, как засвидетельствовал поэт Дельфинов последний час существования лагеря:

Космонавты хватали дурных чепушил
И тащили в свою таратайку.
Вырубая Абая, полковник спешил
Да задумчиво нюхал нагайку.
Сквозь рассветную мглу он увидел, как сон,
Повторенье былых поколений,
Как рабочих гоняет казацкий ОМОН
И спешит из Швейцарии Ленин,
И Керенский примерил коготки наряд,
И крестьяне бунтуют в Сибири,
И «Аврора» пускает сигнальный заряд
И тревожно в подсолнечном мире
Хмурый Лбов партизанит в уральских лесах
Бомбарей бледный Савинков учит
А на самых жестоких и жутких часах
Без минуты кровавая буча
Но не дремлет охранка, и гибкий филёр
Прямо в мозг к добрым гражданам влазит.
А над всею Россией крыла распростёр
Неизбывный базедовый Азеф
Вырубая Абая, полковник спешил
Да задумчиво нюхал нагайку
Космонавты хватали дурных чепушил
И тащили в свою таратайку

Откуда вообще весь этой АБАЙ взялся? Кроме всем очевидных причин — столкновений, связанных с переизбранием Путина и его инаугурацией — была у этой жизни под деревьями и другая, не столь очевидная, предыстория:

OCCUPY MOSCOW?

«ЗАХВАТИ СВОЙ ГОРОД!»

Осенью 2011-ого года и у нас в моду вошли улыбочивые маски Гая Фокса. Их можно было видеть на протестных акциях любой политической ориентации.

В соцсетях возникло и быстро росло сообщество людей, которым нравится идея что-нибудь «оккупировать» В России на манер «Уолл-Стрит». На их еженедельные встречи в Москве собиралось до полусотни человек. Начинается движение, как и везде, с двух типов людей — молодых левых активистов и современных художников, но, так же повторяя иностранные аналоги, быстро обрастает новыми людьми из аполитичного доселе «поколения фейсбука». Как правило, это образованная часть молодого среднего класса, в силу «студенческого» возраста равно далекая как от ностальгической советофилии, так и от аллергии на левацкую лексику.

15-го октября, в день международной поддержки «оккупации», они ограничились вывешиванием своего баннера на перилах Большого каменного моста. Там, по-английски, предупреждалось, что вслед за перекрытием Бруклинского моста, дойдет очередь и до Москвы. Через несколько дней группа известных и не очень художников устроила у биржи пленэр «Критический взгляд на ММВБ». Собравшиеся открыли этюдники, чтобы выразить своё отношение к финансовой политике никем не контролируемых элит. Один профессиональный художник, преподаватель Строгановки, изобразил медведя, сосущего нефтяной шланг. Кое-кто из них был уже готов поставить первую протестную палатку у биржи и поселиться в ней, но это сочли пока что преждевременным и климатически авантюрным. В Ярославле сторонники «оккупаев» (чаще всего они именуют себя именно так) вышли на улицу

с собственными стульями, означавшими богатство и положение, хором читали (мегафон не разрешен) свой манифест, а потом разыграли небольшую сценку с отбиранием стульев у заносчивого капиталиста и позорным изгнанием одного.

11 ноября они снова вернулись к московской бирже и хором спели на её крыльце «Интернационал». Многие держали перед собой текст этого подзабытого французского хита, бывшего когда-то гимном нашей страны, что ещё раз подчеркивает «постсоветский» возраст активистов.

Дальше на своем сайте они коллективно пишут манифест, где кроме общих демократических слов о правах людей, а не корпораций, есть и более конкретные слова про расширение сферы общедоступного и замену конкуренции солидарностью. Предполагается, что окружающая среда, историческое наследие, культура, образование, медицина, еда, энергия и многое другое станут пространствами, не тронутыми «товаризацией», выключенными из рынка, принадлежащими всем, не участвующими в денежном обмене. И развитие общества понимается как расширение этих полей.

«ЭТО ТВОЯ ИСТОРИЯ!»

Как это обычно происходит? Всё начинается с широкого электронного пространства, т.е. с нескольких сайтов и сетевых сообществ, где будущие активисты обсуждают все свои идеи и действия. Дальше следуют несколько необременительных символических акций, создающих широкую и привлекательную общность.

Например, «День без покупок». Тут важен не столько опыт, сколько последующее его обсуждение в сети. Если десять человек обсуждают свой день без товарно-денежных отношений, это забавно, если сто, это гораздо интереснее, если тысяча это уже событие, которое заряжает каждого участника немалой уверенностью и надолго остается в памяти.

Но пафос «Дня без покупок» -- негативный. Это пафос отказа. Люди чувствуют, что они синхронно себя в чем-то ограничили и в течение суток поделились своими впечатлениями по одному и тому же адресу. Дальше солидарность должна приобретать более активную форму. Например, день, когда все члены сообщества отдают нечто важное бесплатно (не путать с обменом), обсуждают этот опыт и возникшие вокруг него связи. Тут так же важна одномоментность, синхронность, а не размазанность во времени этого «потлача». Такие коллективные игры и обсуждения обычно увеличивают ряды потенциальных «захватчиков» в разы.

Дальнейшие действия могут приобретать характер «символического сопротивления». Испанские «возмущенные» на какой-нибудь улице крест-накрест скотчем клеивали банкоматы и оставляли красивые стикеры с чем-нибудь вроде: «не покупай, а оккупай!». Появляется мобилизующее видео, которое все радостно смотрят в сети.

После проведения нескольких таких акций виртуальной солидарности и символического сопротивления, складывается первичное сообщество «оккупаев», которое во много раз шире изначального «ядра», и на этом этапе можно окончательно уточнять декларацию и делить требования на общие, частные и неприемлемые.

Теперь нужна проверка уличной массовости. Например, все окружают биржу и предупредительно молчат несколько минут в одинаковых масках Гая Фокса, но каждый держит собственный лозунг на стандартном листе бумаги. Это могут быть «Хватит рынка», «Мир не товар» или нечто гораздо более конкретное и личное. Одинаковость масок наглядно показывает единство в протесте, а разница лозунгов — учет уникальности каждого. Даже если выйдут очень многие, вреда пресловутой «системе» от этого пока никакого, но символический эффект конфликта и картинка в массовых медиа будут нужны.

Если людей на такие акции собирается достаточно, можно обсуждать финальную конкретику: выбор реального места, кто за что отвечает в лагере, «посменность» активистов, а также выбор даты начала «оккупации». Возможно, идеальным числом для России являлось 1 мая 2012, когда левые всех оттенков выходят на улицы. Кроме климатического аргумента был и политический — наконец-то пройдут все выборы, которые тут абсолютно не при чем, ибо они никак не могут повлиять на решение глобальных проблем, волнующих «захватчиков».

Обычно на реализацию этого предварительного сценария у энтузиастов есть приблизительно полгода. Ровно столько нужно, чтобы найти и включить достаточное число людей и не устать от самих себя.

«КАПИТАЛИЗМ НЕ ВЕЧЕН!»

Они сочиняют нечто вроде новой версии декларации человеческих прав, с учетом выросших технологических возможностей и накопленных ресурсов. Идеологически это такая популистская смесь из левого реформизма и божественного бунтарства. Ограничение власти рынка над обществом, сокращение разрыва между богатыми и бедными, выравнивание прав между владельцем и работником, трансформация капитализма в нечто более справедливое, экологичное и гуманное. Максимальная цель -- превратить мировую экономику в одну большую «википедию», которой все бесплатно пользуются и которую все бесплатно создают.

Какие требования объединяли американских «оккупаев» из парка «Либерти»?

Право не продавать себя. Прожиточный минимум и жилье гарантируется каждому, вне зависимости от того, занят ли он наемным трудом. Право на бесплатное образование любого уровня. Право выбора местонахождения, т.е. отмена всех виз. Право на продолжение жизни, т.е. бесплатная медицина для всех (Обаме это так и не удалось).

К этим базовым принципам каждое «племя захватчиков» добавляет свои частности, вроде антикопирайта, сокращения числа частных авто в пользу развития городского транспорта, прозрачных бюджетов, существенная часть которых распределяется электронным голосованием или налогов на биржевые спекуляции, способных накормить всех голодных на планете.

На этих очень материальных требованиях и будет, по их мнению, основан следующий шаг в эволюции людей. Любимый плакат тамошних «захватчиков» -- балерина, делающая рискованное па на голове бронзового быка у главной биржи мира. Это плакат-вопрос: не пора ли надстроить над товарной экономикой новый, более гуманитарный, социальный и изящный этаж жизни? Не является ли «кризис» идеальным поводом для такого международного политического действия?

Их ведет по-человечески понятное желание пощекотать нервы золотозубой обезьяне, захватившей власть над миром. Никто из них сегодня не знает, насколько далеко он готов зайти в сопротивлении, и каждый чувствует себя лидером, на которого смотрят остальные, потому что движение построено как сеть и потому что это «движение людей, а не партий».

С другой стороны, их общее настроение аналитики часто формулируют как своеобразный консерватизм: «куда подевалась настоящая социал-демократия?», «где социальное государство тридцатилетней давности?», «почему профсоюзы перестали влиять на законотворчество?» и т.п.

Но прежде всего для живущих в лагере «Либерти» и в десятках его «клонов», разбросанных по миру, важны не лозунги, а опыт того, что там происходит. Прямая демократия вместо представительной, взаимное обучение вместо власти экспертов, общие ресурсы вместо имущественной иерархии, творческий активизм вместо исполнения чужих решений. Их базовый ресурс — массовое разочарование в рынке и универсальное желание людей управлять своей жизнью не только на личном, но и на политическом уровне.

«99% ПРОТИВ 1%»

Было ясно, что в России власть окажет новому движению важную услугу — не заставит ломать голову над тем, что делать после удачного захвата городского пространства. Никто не станет терпеть этого месяцами. В стране, где один человек, обливший другого на улице водой из бутылки, получает за это по меньшей мере 2 месяца тюрьмы, потому что одного из этих людей называют «прокурор», а другого называют «нацбол», первая «оккупация» не окажется утомительно долгой.

Сегодня у наших сторонников национального капитализма есть «русские марши» и «манежка». У сторонников либерального капитализма есть «31 число на Триумфальной». У ностальгирующих по советской империи коммунистов — 7 ноября и 1 мая. У современных антиавторитарных противников

капитализма своего времени и места нет, и они его ищут. В этом местный, не глобальный, смысл «оккупайского» проекта в России.

«МИЛЛИОНЫ ПРОТИВ МИЛЛИОНЕРОВ!»

Назовем главные причины первичного успеха движения в США:

Учтён полувековой опыт «символических захватов», от пустующих домов под сквоты до аудиторий университетов.

На начальном этапе привлечены активисты множества непарламентских движений без рекламы самих этих движений.

Связь с массовыми профсоюзами, добавившими к богемности «народность».

Разочарование в Обаме его левых избирателей.

И, наконец, абсолютная вера «захватчиков» в демократию, как механизм решения всех проблем. Капитализм с их точки зрения не вечен, а вот демократия навсегда и мы входим в период, когда демократия начинает реально, а не умозрительно, отрицать капитализм.

В результате получилась беспрецедентная поддержка и пугающее самих «оккупаев» количество собранных денег и еды. Всё финансирование движения, кстати, абсолютно прозрачно и открыто для интересующихся.

Если говорить о первом лагере рядом с нью-йоркской биржей, то его конкретный успех был ещё и в очень плотном и продуманном расписании. Лагерь стал одним из самых нескучных мест на земле и именно это привлекло столько людей хипстерско-студенческого возраста. Протест должен захватывать и делать умнее. Барабанщики, певцы, художники, лекторы, поэты — весь этот постоянно идущий в парке фестиваль прерывается только для ежедневной общей ассамблеи или для больших демонстраций.

Во второй месяц «оккупации» всех стал тревожить вопрос о том, что с этой поддержкой дальше делать? Как будет выглядеть шаг от протеста к сопротивлению? Заговорили о всеобщей забастовке в Нью-Йорке, да и в других городах США, и это стало тревожным зуммером. Другой «нежелательный» симптом -- под влиянием движения около ста тысяч американцев забрали свои деньги из банков, т.е. «проголосовали долларом». Небольшие кредитные союзы кажутся им лучшей альтернативой. В Окленде, Нешвилле, Денвере, Сан-Диего для «зачистки парков» применялись резиновые пули и перечный газ, а полицейских сбивали с мотоциклов. «Оккупайцы» чувствовали себя героями кэмероновского «Аватара» -- против алчных корпораций и помешанных на войне генералов выходят спасать планету разочарованные ветераны войн и бескорыстные ученые, а в роли благородных дикарей выступает «множество» -- горизонтальная сеть субкультур, включающая веганов, буддистов и киберпанков. В «аватаровский» сценарий логично укладывается и переход на их сторону многих американских морпехов, у которых очень убедительно получается «мирно противостоять» полиции. В Берлине лагерь «захватчиков» отодвинули подальше от банков и поближе к церквям, что

очень символично — чем дальше они от экономики и чем ближе к мирным проповедям безгрешной жизни, тем безобиднее.

На время холодов сочувствующий режиссер Майкл Мур предложил переселиться из парка «Либерти» в большой и теплый гараж, но это предложение вежливо отклонили на ассамблее, т.к. оно превращает движение в сквот, круглогодичный активистский аттракцион, «постоянную автономную зону» для протестующих против капитализма мечтателей, и вся завоеванная публичность теряется. Движение продолжает ставить важнейший политический опыт: возможно ли в Нью-Йорке и Лондоне повторить то, что произошло в Египте и Тунисе? Вопрос о том, возможно ли это в России, никем не ставился вплоть до весны 2012 года.

мой евродруг

ВОПРОСЫ

Он спрашивает, понимаю ли я, что юридическое расширение Москвы связано с желанием власти выселить как можно дальше из города жителей ещё не сломанных пятиэтажек? Год назад он спрашивал, как будут наши левые бороться против новых налоговых правил, по которым богатые в процентном смысле стали платить меньше бедных. И ещё спрашивал, как будет выглядеть протест «артистов» против разгрома «антиэкстремистами» мастерской художника Фальковского и его ближайших соседей.

У него всегда очень много вопросов, ведь он внимательно следит за нашей ситуацией. По его мнению, мы уже пережили застой и вступаем в «десятилетие русского хаоса». В половине случаев, я не знаю, что ему отвечать. Иногда мямлю что-то об особенностях государственно-монополистического капитализма в России или просто посылаю новый палиндром нашего общего приятеля Курта Лемке, что-нибудь вроде «ОН, ЕСЛИ РАД, - МАРКС, - ИСКРАМ ДАРИЛ СЕНО». Мой Евродруг терпит. У меня все друзья чрезвычайно терпеливые. У людей с другим характером со мной дружить не получается.

Некоторую наивность его вопросов я объясняю тем, что он вырос, жил и начал стареть в других условиях. Другие условия «собрали» его нынешнее сознание.

Интереснее всего нам перекидываться вопросами, которые могли бы быть в исторической викторине. Известно ли мне, например, что в немецких концлагерях учитывали заключенных с помощью перфокарт (пресловутые номера на руках), поставляемых американской «Ай Би Эм»? Ведь это так наглядно подтверждает критику буржуазной рациональности из «Диалектики просвещения»... Помнит ли, кстати, он, что детские сады в Британии появились

впервые во время мировой войны, когда тысячи мужчин оказались на фронте, а их жены встали к станкам? Так военно-промышленная необходимость ввела совершенно новые нормы воспитания и социализации, которые остались с нами навсегда... Эта игра в вопросы уточняет наше чувство Европы.

УСЛОВИЯ

На самом раннем из известных мне его фото он стоит в Ист-Виллидж под вывеской галереи «Civilian Warfare», в белой футболке, на которой крупно и черно напечатано «Мы проиграли!» на многих языках мира. Сама галерея с таким названием к тому времени (конец 1970-х) уже закрылась, но вывеска висела ещё долго (для желающих сфотографироваться?). В США он ездил к Эмори Дугласу, делавшему тогда дизайн и все иллюстрации газеты «Черная Пантера». Это называлось «наведение мостов между антиимпериалистами по обе стороны океана».

Мой Евродруг — поздний представитель поколения, которому так тесна была жизнь родителей и столь отвратителен успех по предлагаемым рекламной правилам. Его ровесники уже не верили в мировое психоделическое преобразование людей и скорое превращение каждого в бодхисаттву. Не верили в том числе и потому что программа-минимум всего этого молодежного бунта была на их глазах реализована, и в обмен на это над бунтарской программой-максимум все теперь потешались. Его молодость — не Вудсток и парижский май, а панк-рок и сандинистская революция.

Еврогражданином он стал гораздо раньше, чем появилось само гражданство и общая валюта и признается, что умеет думать на нескольких языках, а об отдельных нюансах «экзистенциального холода» ему удастся думать только на русском. Но начинал как западный немец. После школы собирался заняться принципиально новой архитектурой под впечатлением тогдашних новаторских групп «Архиграм» и «Архизум». Мировое преобразование там видели как неизбежную атомную войну, после которой воцарится приключенческий номадизм блуждающих поселков — подвижных капсул для жизни небольших племен. Молодые дизайнеры-эстеты полувсерьез разрабатывали «скафандры для автономной жизни» и были уже ментально готовы к тому, что через несколько лет назовется «киберпанком». Довольно эстетский, студенческий и отвлеченный вариант (анти?)утопизма.

«Но знамя черное свободой восшумело», как писал Александр Сергеевич Пушкин. Утром во дворе университета проходили анархистские демонстрации, а по ночам городские партизаны из RAF поджигали супермаркеты и играли в кошки-мышки со спецслужбами. И под впечатлением всего этого молодой архитектор увлекся социологией и решил стать для начала «укрывателем» городских партизан, а дальше видно будет.

RAF были для него не ответом, а вопросом. Вопросом, заданным системе на языке насилия. Вопросом, заданным всей системе, начиная с её владель-

цев и заканчивая её рядовыми охранниками. Вопросом, хорошо слышным на всех трёх этажах системы. Эти три этажа описывались «партизанами» так: личный труд в семейных домохозяйствах + обмен товаров и работы на местных рынках + великие финансовые спекуляции олигархов.

Он «укрывал» кого-то из городских партизан, в основном нервных и высокомерных девушек, окончательно переключивших себя на «черно-белый» режим. Их нетерпимость к произволу доходила до презрения к своей и чужой жизни.

Кое-с-кем из RAF он даже планировал совместную акцию. В морге у них были свои люди. Похороны очередной жертвы «левацкого террора» обещали собрать изрядную часть немецкого истеблишмента. Труп банкира в гробу должен был взорваться во время прощальной мессы прямо в церкви. Но полиция к тому моменту уже стала умнее и всё это предотвратила. Конечно, он испытал облегчение, когда узнал, что ему не придется участвовать в «минальном взрыве». Но утверждает и сейчас, что был готов и не подвёл бы.

И тогда же прибил к кругу Зигмара Польке — немецкого авангардиста, устраивавшего выставки с самокритичными до счастливого мазохизма названиями, вроде: «Мы — мелкие буржуа!». Статус недоучившегося архитектора, недоучившегося социолога и (главное!) реального «укрывателя» впустил его в тусовку уже именитых Герхардта Рихтера, Бойса и Кандиды Хофер. Они всё время обсуждали, как из своей тусовки вылепить художественную коммуны. У коммуны уже и лозунг был готов двусмысленней некуда: «Искусство делает свободным!». Но все спотыкались о собственный богемный индивидуализм.

Когда из коммуны ничего не вышло, диплом ему выдали, а с RAF окончательно разобралось государство, он надолго покинул Германию, написав в дневнике: «Эта страна — гниющая пасть мертвой фашистской собаки».

Участвовал в организации музея Ван Аббе в брабантском городе Эйндрховен. Больше всего ему там нравился зал, посвященный «советскому конструктивизму» и вообще большевистскому искусству. Концом арт-большевизма в музее считалось возникновение «сталинского стиля». Там он выучил русский язык, чтобы понимать, о чем спорили Малевич и Эль Лисицкий. В этом музее любой человек с улицы может оставить свой кураторский проект выставки. И если публика проголосует за этот проект, он будет реализован. Глядя на это, мой Евродруг понял, что именно так, всеобщим голосованием граждан, должен распределяться государственный бюджет. Позже он занимался пиаром британца Эда Холла, который делает праздничные и порой весьма трудоемкие «социальные хоругви» для профсоюзов. С партиями Холл принципиально не сотрудничает.

Он и сам пару раз избирался в собрания местного и среднего уровня. Был функционером «зеленых» и региональным депутатом от «розовых» социалистов. Но о своем прямом участии в легальной политике не любит распространяться. «Реал политик» означает для него спорный компромисс, а вот искусство сохраняет подлинную автономность.

Мой Евродруг почти в два раза меня старше, но до сих пор любит путешествовать. Особенно, если путешествия политические и связаны с блокадой железных дорог, по которым везут радиоактивные отходы или с доставкой гуманитарной помощи в окруженный сектор Газа.

ОБЩЕСТВО

По его мнению, понимание себя в обществе начинается с максимально точного разделения этого общества на группы. Как только общество разделено, ты сразу обнаруживаешь точку, из которой смотришь. Разделять можно по любому признаку. Например, классическая классовая теория. Согласно ей, большинство известных мне людей относится к пролетариату, т.е. к тем, кто не в доле, а в найме и у кого нет других источников дохода, кроме самопродажи. Впрочем, уже квартирные рантье не попадают в этот класс, представляя собой мельчайших буржуа. Но столь широкое понимание класса не дает ничего в объяснении мотивов людей. Прогнозированию чужого поведения помогает более узкая категория «политического класса», т.е. те, кто осознал свою судьбу, источник благополучия и интересы как общие. Те, кто выработал систему сигналов «свой\чужой», кто в главном действуют солидарно, защищая и воспроизводя своё положение, несмотря на частные конфликты и внутриклассовую конкуренцию. К началу нулевых у нас осознал себя как общность только правящий класс (сырьевая буржуазия), стратегией которого и стала «путинская стабильность». В нулевых годах шла кристаллизация «среднего» (в больших кавычках, потому что процент его весьма мал) класса, запечатленная в «Афише» и «Большом городе». Особую активность и претенциозность проявляла молодая его часть. Их первым большим политическим заявлением стало возмущение против фальсификаций на последних выборах. А сейчас на очереди выработка политической идентичности и заявление своих претензий для всех, кто оказался ниже «среднего», т.е. для большинства наших граждан. И пока единственный политический язык, принимаемый в этой, самой широкой среде, это язык национализма. Ну или советская ностальгия у той части, что постарше.

Мой Евродруг, впрочем, давно советует мне заменить устаревшую классовую теорию более модным и метким разделением по типу потребления.

Людей, проходящих в книжный магазин, где я работаю, проще всего делить на «Дайте пакетик, если он бесплатный» или «Сколько я должен за пакетик?» или «Мне не нужен пакет, их и так везде слишком много!». Ну и редчайшая категория тех, кто ничего не говорит о пакетиках, но зато отказывается от любой скидки, потому что скидка их унижает. Все эти группы покупают совершенно разные книги, выглядят и ведут себя очень по-разному.

Если перенести такой взгляд на общество в целом, у меня получается вот что:

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, занятые в производстве образов, идей, решений и новых знаний. Самая маленькая группа. Главные потребители наиболее сложной информации, а в остальном их потребление случайно.

ХИПСТЕРЫ -- богемный образ жизни, в котором «опыт» важнее вещей и всего остального. Стильные вещи, гаджеты и события просто ведут к «опыту» этих эстетов и экспериментаторов, не любящих строить планов.

ГЛАМУР это разборчивые потребители, которым постоянно нужны искусственные «звезды» и «иконы», для того, чтобы не утратить разборчивости. Сезонная мода помогает им постоянно поддерживать и обновлять границу своей группы. Благодаря дешевым турецким и китайским аналогам всего «статусного», этот слой потребителей шире, чем принято считать.

ЗРИТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СЕРИАЛОВ и «ДОМА-2», которых хипстеры и гламур нередко называют обидными словами «быдло» и «колхоз», а «интеллектуалы» мечтают их просветить и спасти. Самая широкая, непритязательная и «экономная» группа потребления.

И, наконец, почти ВЫБРОШЕННЫЕ из потребления — крепко пьющие безработные, жители всеми забытых деревень, отдельный отряд «выброшенных» — гастарбайтеры.

В пирамиду всё это у меня никак не складывается, скорее, в замысловатую систему движущихся пятен с накладывающимися краями. В местах этих наложений и возникают самые интересные люди с редкими парадоксами в голове. И чем больше мой Евродруг объясняет мне, как сложно и в обе стороны все они друг от друга зависят, тем труднее мне это представить визуально.

УТОПИЯ

В студенческом возрасте он рассчитывал на своих однокурсников — «новых левых», ну и на партизан «третьего мира». Повзрослев и женившись — на альянс социал-демократов и зеленых. Пока его поздние дети ходили в школу (сидел с ними дома столько же, сколько и жена) -- на партии, вроде «Линке». Теперь, после развода, он рассчитывает на «пиратов», кое-где в Европе проникающих во власть. Пираты подтверждают его давние ожидания: компьютеризация труда оставляет без работы половину среднего класса и создает таким образом новый радикальный слой общества. Пираты видятся ему проводниками ко все той же мечте о едином планетарном государстве экономической демократии, управляемом «настоящими левыми» в течение 30 лет, после которых и созреет сам собою творческий и не авторитарный коммунизм. У человечества никогда не было такого «тепличного» тридца-

тилетия. Всегда сохранялась конкуренция за ресурсы и «стимулирующий» (или «парализующий»?) страх насилия, нищеты, внешней угрозы, никем не контролируемой тайной власти. Моему Евродругу нужны тридцать лет без войн, со всеобщим доступом к качественному образованию и медицине любого, необходимого человеку, уровня. Не больше 30 часов наемного труда в неделю. Отмена копирайта и всех тормозящих наше развитие ограничений свободного интеллектуального обмена. Поощрение государством свободного развития наук и искусств. Разумное планирование рождаемости. Развитие транспорта при радикальном сокращении частных автомобилей. Мир культурных экспериментов и высоких экологических технологий -- Сахара превращается в одну большую солнечную батарею, дающую всем энергию.

За эти 30 лет по заветам Маслоу и Фромма вырастет целое поколение людей, которым капитализм станет не нужен, готовых и, что важнее, способных заменить отношения рыночной конкуренции новыми, более рациональными и солидарными отношениями, сформулированными в новом общественном договоре. Возникнет новое общество и присвоение этим обществом всего произойдет почти мирным (ну или минимально насильственным) путём. У этого плана уже есть база — накопление новых технологий, гуманистическая педагогика и всеобщее светское образование.

Но этому мешают неолибералы, в том числе и левой масти. «Не настоящие» левые вечно противостоят настоящим -- так видит мой Евродруг главное препятствие на пути воплощения своего проекта и, по-моему, именно здесь ему отказывает материализм. Осталось победить правильным «левым» и объединить планету. Ближе всего, по его мнению, к этой цели подошлись скандинавы.

И вот он ждет от меня интеллектуальной солидарности или конструктивных замечаний. Спрашивает меня электронным письмом, согласен ли я с такой стратегической целью и что конкретно я об этом думаю? А я думаю, что ответить. Думаю, что политический идеализм и даже утопизм извинителен (или даже обязателен?) для людей, сделавших активизм стилем своей жизни. Этот идеализм является незаменимым топливом перемен. Абсолютно не важно, верю ли я в полезность тридцати лет благоденствия и солидарности для всех. Это не важно даже для меня. Просто потому что этих «розовых» лет у мира никогда не случится. Вместо них произойдут гораздо более драматичные и менее рациональные события. Так считает большинство моих знакомых. И я соглашаюсь с ними. Ведь нет ничего проще и удобнее, чем быть «умнее» идеалистов и активистов, вроде моего Евродруга.

LONDON CALLING, ИЛИ ЧУПА-ЧУПС С МАРИХУАНОЙ

Несколько дней назад я, наконец, увидел «тот самый» транспарант «ВЫ НАС ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ!», который стал паролем антипутинского протеста. Уголки букв подотклеились, в остальном всё как было в 2012. Он висит под потолком в лондонском Музее Виктории и Альберта, где проходит выставка про борьбу с капитализмом за последние тридцать лет. Рядом стоят протестные мобильные велоустановки с мегафонами на мачтах, манекены женственных «Guerilla Girls», с которыми все фотографируются, висят пышные штандарты шахтерских профсоюзов и дикие постмодернистские флаги сквоттеров. Выставлены знаменитые щиты для файтинга с полицией, исполненные в виде обложек любимых книг. Любимая книга защитит тебя от удара резиновым дубьем. Заодно и коп, который бьет дубинкой по твоей ссылке, запоминает автора и название, повышает уровень. Есть подробная инструкция (и готовое изделие) самодельного противогаза из разрезанной пластиковой бутылки и простейших деталей (тряпка, пропитанная вязким лекарством). Но главный хит выставки — робот для расписывания асфальта. Высаживается из машины, заряженный баллончиками, быстро покрывает тротуар нужными лозунгами и так же быстро приезжает обратно, к хозяину. Создатели робота объясняли мне, что это вообще метафора посткапитализма -- труд станет автоматизированным и необязательным, роботы освободят нас от неприятной работы, а все люди станут между тем свободной богемой и учеными. Форма протеста таким образом уже содержит в себе и цель протеста на уровне игровой модели. Мне лично показалось, что эти отношения между роботом и хозяином скорее точная метафора связи между модным идеологом и уличным активистом, но умничать я не стал.

«Виктория/Альберт» это вообще-то декоративно-прикладной рай, набитый пористыми готическими иконостасами, барочным мрамором, зеркальными японскими мечами и витой викторианской ковкой. Что блестяще подтверждает теорию, согласно которой «левизна» и «антикапитализм» в Европе, начиная с конца 1970-х, были удачно (для системы) перенесены в область декоративного искусства, подальше от «реал политик».

Нынешняя Россия собравшимися на выставке, конечно, упоминается через запятую с ЮАР времен апартеида или с франкистской Испанией. Патерналистская бюрократия полупериферийных зон с их авторитарным госкапитализмом никому здесь не кажется чем-то особенным. Лондонские журналисты самых массовых газет очень любят, оказывается, цитировать Жириновского. Он идеально «расшифровывает» для рядового британца всё то, что делает Путин.

-- А вот Лимонов, Прилепин, почему они так быстро перешли на сторону власти? — проявляет осведомленность в наших делах девушка из «Гардиан». У неё есть автограф Прилепина, полученный в магазине «Ватерстоунз». Захар кажется ей внешне похожим на Чайну Мьевеля.

-- К ним не может быть никаких моральных претензий, — вступаюсь я за нашу литературу — они всегда хотели именно этого, русской Империи и раздвижения границ, и вот, наконец, власть к ним прислушалась. Но как мечтательные люди с размахом они, конечно же, хотят гораздо большего. И мы живем теперь в мире их мечты.

Журналистка послушно засмеялась. Я не стал.

«Обыватель, недовольный мягкостью власти... Революционная эмоция, принявшая реакционную форму» -- зануда из книжного магазина, я оставил при себе все подходящие цитаты Вильгельма Райха. Приберегу их для вечернего выступления в лавке анархистов.

Ещё «Гардиан» интересовало, стоит ли за «раздвижением границ» религиозный мотив? Тут считают, что пока нет религиозного мотива, всё излечимо. Я ничего не смог вспомнить, кроме Адама Кадмона из Каббалы, собирать которого можно бесконечно, как и «русское тело». Вездесущее «русское тело» больше, чем сам наш материальный мир. Ещё это похоже на «символическое восстановление своей телесной цельности» в психоанализе, которое в принципе не может быть закончено.

После всех тамошних дел и встреч, я вышел из музея и остановился на крыльце. На противоположной стороне улицы надрывался валторнист в смокинге и котелке. Он играл неизвестный мне быстрый марш. Но дело было не в этом. А в том, что при каждом его медном выдохе из широкого горла валторны вырывался язык реального пламени. Там внутри музыкального инструмента что-то весело горело вместе с маршевой музыкой. Думаю, этот трюк увеличивал заработок уличного музыканта в разы.

Я жил тут и никому не нужным панком в сквотах и дорогим гостем в престижных отелях. А в этот раз взял с собой двенадцатилетнюю дочь, чтобы

серьезно спросить её, хочет ли она жить в этом городе? Подземный бункер Черчилля, где работали министры во время бомбежек и можно постучать на правительственной машинке. Тысячи поминальных маков в тауэрском рву. Хорошая обстановка, чтобы поговорить с ребенком о возможной большой войне и мировой политике.

В её возрасте я точно знал, кто наши враги. Раньше татаро-монголы, потом французы и немцы, а теперь Америка. Я думал так, пока не разобрался, откуда берется и кому служит «национальное». Это было как обнаружить вдруг, что у бронзового матроса с «Площади революции» пистолет вставной, из другого металла, и потому он не желтеет от ритуальных прикосновений граждан. Это как узнать, что «крабовые палочки» делают не из крабов. Как выяснить, что электроны это не маленькие отдельные шарики, а дрожание одной струны.

С осознания того, что любая «очевидная природа» это и есть господствующая идеология, начинается политическая самостоятельность.

Шестиклассница знает гораздо больше и о Черчилле и о Че, чем знал я в её годы. И потому у неё нет столь простого ответа на вопрос о врагах.

Ей гораздо интереснее, почему все главные музеи тут бесплатные? Чувства экономической границы между улицей и искусством нет. Это сделал мэр Ливингстон. Сначала его чуть не выгнали из лейбористской партии за троцкистский уклон, но с такой репутацией он немедленно выиграл первые прямые выборы мэра в истории города, и выгонять передумали. Кроме музеев, пытался остановить приватизацию метро и снести несколько памятников «завоевателям Индии». Этого консервативная буржуазия не допустила. Тогда он ввёл «ойстер карт», позволившую экономить в приватизированном метро. Справился с пробками, ущемив интересы частных автовладельцев. Подшучивал над королевой и дружил с Уго Чавесом, к которому и отбыл, оставив мэрское кресло, чтобы работать в Венесуэле советником. При Ливингстоне его любимые Pet Shop Boys раздавали «Коммунистический манифест» всем, пришедшим на Трафальгарскую площадь послушать их саундтрек к «Броненосцу Потемкину», идущему тут же на огромных экранах. И вообще он устроил в Лондоне повсеместный культ современного искусства.

«Озадачь кота!» -- собственный термин в честь её любимого скетча «Монти Пайтон». Алёна называет так комнаты видеоарта в Тейт Модерн и с теми же словами отказывается идти на перформанс Марины Абрамович. Пока ей больше нравятся музеи с прерафаэлитами и Тёрнером.

При Ливингстоне по всему Лондону свободно продавались «мейджик машрумс», а сейчас, когда консерваторы это пресекли, в моду вошли чупа-чупсы с марихуаной. Их держат за щекой японские туристки, так им интереснее ходить по Британскому музею. Их дарят друг другу школьники в парках, хотя продаются они вроде бы только в Кэмдоне.

-- Что ты узнала сегодня? — начинаю я ревновать дочку к компьютеру, за которым она сидит весь вечер в номере отеля, сосредоточенно поглощая ка-

кой-то английский текст. Я, впрочем, часто задаю ей этот вопрос. Мне никто в детстве не задавал таких вопросов. И зря.

-- Ну, есть три системы проверки багажа в аэропортах: рентген, по плотности и ещё одна, самая непонятная. К собаке нас не поведут, на нас не поступало сигнала. Сейчас решаю, нужно ли их обкручивать фольгой.

Отличница. Она решила вести чупа-чупсы в Москву и подошла к этой задаче, как к школьному проекту. С холодным любопытством исследователя изучает форумы о том кто, что и когда возил через британскую границу.

«Любую систему можно обмануть, если знаешь, как она работает» — говорит дочь. Я смеюсь. Это мои слова. Когда ей было шесть, я сказал их, показывая, как заморочить робота-кенгуренка в торговом центре и выиграть главный приз.

-- Ты повезешь их в своем рюкзаке, — начинаю нагнетать воспитательную драматургию.

-- А если найдут?

-- Я откажусь от тебя на границе и тебя посадят как драг-диллера.

-- Это интересный опыт, — весело отвечает Алёна. Моя шутка не в первый раз оказалась слишком детской для шестиклассницы.

Я не сказал ей, что леденцы, даже такие, можно перевозить в багаже.

Больше всего ей нравится тут лежать вечером у сверкающей воды и ежевичных джунглей в Кенсингтоне, глядя на бронзового Питера Пэна и пепельных цапель. Рисовать их пушистых долгоногих птенцов.

«Excerpt one» -- отвечал Пэн на предположение рассудительной Венди о том, что все дети неизбежно взрослеют. Джеймс Барри, проживший всю жизнь тут, на Лейнстер Гарденс, окнами в парк, гулял в Кенсингтоне, играл с мальчишками и сочинил сказку про Пэна, чтобы хоть как-то притупить боль от высокой детской смертности викторианских времён. «Excerpt one» -- кто не дожил до получения паспорта, тому навечно гарантированы разбойничьи приключения в Никогдандии. Но через полвека целое поколение откажется взрослеть и перестанет стричься. И сказка изменит смысл. «Excerpt one» -- будут говорить себе перед зеркалом тысячи решивших уклониться от буржуазной социализации. Личность, как и электрон, это не отдельный шарик, но дрожание общей струны. Они устроили немало шумных сходок на берегу Кенсингтонского озера. Апогеем стал поминальный концерт Брайана Джонса, когда в озеро вошло столько «волосатых», что оно готово было выйти из берегов. От тех времен осталась эксцентричная традиция рождественского заплыва в этой воде, лондонский аналог нашей крещенской проруби.

Богема всегда зависела от буржуазии, и эта зависимость всегда её немножко раздражала. Во время социальных извержений богема даже мечтала сменить партнера, ну, например, на революционную партию, готовящую восстание. Целью восстания было превращение мира в один большой «Хрустальный дворец», наглядно сиявший здесь же, в Кенсингтоне. Но в 1937 дворец сгорел. После второй мировой социальный ландшафт изменился, и то, что

было вчера стилем жизни трёх улиц в Блумсбери (утопизм + мистицизм + спонтанность + самовыражение + эксперименты со своим сознанием и сексуальностью) стало идеологией целого поколения. Молодежная революция обещала быстро, под громкий гитарный ритм, сделать богемой всех. Когда волна откатилась, оставив мелкие лужи «альтернативных субкультур», в новой версии капитализма «культурному производству» предусмотрительно отвели место игрового тренажера для бунтарей, безопасного цирка для критиков. «Великие события» окончательно уступили «интересным местам».

-- Что ты узнал сегодня? — ехидно спрашивает меня дочь.

-- Те, кто сидел в ложах шекспировского «Глобуса», приносили с собой мандарин и держали его под носом всё шоу, чтобы не чувствовать вульгарного запаха низших классов, толпящихся внизу, у сцены.

-- Зато в ложах они ели шоколад и считалось смешным тайком вытирать руки об одежду соседа.

Она знает английский лучше меня и потому всегда понимает больше деталей.

-- И ещё то, что на шхуне Дрейка пираты носили особые серьги, чтобы затыкать ухо во время выстрела пушки.

Меня всегда подкупало функциональное объяснение любой «красоты».

Я рассказываю ей, как Дрейк затеял и выиграл первое в истории дело о защите чести и достоинства. С выплатой, извинениями и изъятием тиража книги, в которой говорилось, что он был наглым морским грабителем до того, как стал королевским адмиралом. В той книге действительно понапридумано много неправды. Жизнь Дрейка была гораздо круче и беззаконнее...

В сумерках лисы выбирают из парков и потрошат черные мусорные пакеты у подъездов, обгоняя коммунальные машины мусорщиков. Лишнее звено потребительской цепи. Тут любят сохранять «лишние» звенья и лис уважают.

Все мои здешние знакомые видят Лондон через «своего» писателя -- Диккенс, Акройд, Ивлин Во. Для меня это Стюарт Хоум, к первой книге которого я писал русское предисловие.

Каждый отзывается на свои знаки в городской мешанине. Я читаю на стене вагона метро стихи о шахтерах, погибших под завалом в далеком году, когда я ещё и не родился. У нас на этом месте был бы плакат против абортот. Девушки в палестинских платках оклеили все водосточные трубы города стикерами в защиту Палестины. Массовые арабские митинги в поддержку Газы проходят тут почти каждый день. Русских в городе много. Никаких акций по поводу украинской войны они не проводят. Не любят ссориться ни со старой, ни с новой родиной.

Попасть в фильм «Нотинг Хилл» мне не хотелось никогда. Тогда как я представляю себе комфортную жизнь здесь? Примкнуть к одной из марксистских сект, читать много умных книг (для симпатизантов левацкий книжный магазин тут это просто библиотека), чтобы красиво «понимать и даже оправдывать» тех, кто бьет стильные витрины и поджигает дорогие авто?

Таможню в Хитроу она прошла с гордо задранном носиком человека, уверенного в своем интеллектуальном превосходстве. О переезде обещает подумать. И теперь у нас есть эти темно-зеленые чупа-чупсы.

4. ДЕТСКОЕ

ребенок как учитель

Когда у меня появилась дочь, я попытался отнестись к этому серьезно и положил перед собой на стол Монтессори, Пиаже и Фрейда. У последнего тоже была дочь, и он оставил ей в наследство интересную модель развития детской психики. Я знал, что на всё нулевое десятилетие ребенок станет для меня главным занятием. Какие цели я ставил? Избавить появившегося человека от обычного засюсюкивания, эгоизма, опасного прежде всего для самого эгоиста, от стены со взрослым миром, из которой и рождаются все более поздние представления о безусловном авторитете и власти. Привить вкус к великим событиям. Объяснить, в чём кайф принципиальности, и какая есть польза от противления окружающему «мычанию» (от слова «мы»).

Ребенок учит долго ждать и кропотливо готовиться, планировать чье-то развитие, подыскивать к любым сложным терминам простые замены и наглядные примеры. И ещё он показывает, откуда берутся в наших головах все «разумеющиеся» и «очевидные» представления. На десять лет он становится твоим учителем, позволяющим прожить ещё одно детство и одновременно наблюдать его с аналитической колокольни. Видеть, как чьи-то желания, заворачиваясь в слова, становятся потребностями.

ЛЕПЕТ

У каждого отца в памяти полно такой очаровательной ерунды:

«В Афинах жили Платон и Гематоген»... «Рим это город, в котором всё сломалось»... «У Буратино такой нос длинный, чтобы по сосне стучать, жучков-мошек выковыривать»... «Принцесса спала, как лягушка замороженная» -- это про спящую красавицу.

Но вслед за этим, интересным только родителям, милым лепетом, после

трёх лет человек берется рассуждать, пробуя разобраться в родах, видах и вероятных отношениях всего вокруг: «квадрат квадратный, а прямоугольник плоский».

Она предлагает: «Пойдем в «Ашан», купим там себе тележку покататься». Трёхлетней девочке сложно растолковать, избегая слов «товар», «власть» и «класс», почему тележка как раз бесплатна, а всё, что в ней лежит — нет.

В пять, описывая свой сон, говорит: «красиво, как в рекламе», и это требует ответа на вопрос: почему в рекламе всё «красивее», чем в жизни?

А в сказке про «Машу и Медведя» считает самым важным узнать, с чем именно Маша испекла свои маскировочные пирожки?

ПОЛ, НАСИЛИЕ И РЕЛИГИЯ

Первая проблема, которая её беспокоит, — насилие и его связь с разделением на «мужское» и «женское».

«Кошка и корова это женские и травоядные животные, а собака и бык — хищные и мужские». А вот с «рыбкой» не понятно, какого она пола? Только у женских-травоядных бывает молоко. Только мужские охотятся. Известие о том, что у всех видов есть самцы и самки, воспринимается четырёхлетней девочкой недоверчиво. Тогда приходится вспомнить двуполых улиток и Алёна тут же заключает, что улитки состоят в явном биологическом родстве с бесполовыми ангелами, нарисованными в церкви на стенах. Сюда же ей зачисляются и некоторые крылатые насекомые, и ребенок делится рецептом: «Если съесть всех божьих коровок, то у самого крылья вырастут, как у ангела». Так ребенок изобретает симпатическую магию.

Противоположный ангелам инфернальный полюс хаоса заселяется «сочертиками», получившимися из сатиров с картины «Спящий Марс» и чёртиков из мультика про Балду. «Сочертики» могут жить только в домах, построенных для них Гауди и покрытых панцирем из битых тарелок, поэтому их родина, судя по фотографиям, находится в Барселоне.

Игра в пластмассовых чудовищ. Утихомирявая тиранозавра, травоядные сначала отдают ему своих умерших, чтобы он живых не трогал, а потом предлагают ему подыскать жену и ребенка. В четыре года девочка уверена: не может быть хищником тот, у кого есть семья.

Впервые задумавшись о человеческих войнах, планирует объединить все государства, женив одну, самую красивую, принцессу сразу на всех принцах мира, и вычисляет, постелив перед собой карту, сколько для этого понадобится свадебных карет? Это мировое правительство будет гаремом наоборот. Но и без войн проблема смерти остается и не имеет политического решения. Маркузе называл осознание своей смертности «естественным» и «непреодолимым» отчуждением в отличие от другого, прибавочного, отчуждения — классового и исторически излечимого.

БЕССМЕРТИЕ, ОБРАЗ И ПАСПОРТ

Узнав, что «нарисованные» герои мультвов, в отличие от живых, никогда не умирают, ребенок протестует против смерти: «Я стану нарисованная и не буду умирать, и папа мой станет нарисованный, и мама!». Именно за этим мы и создаем вторую, образную, реальность, именуемую «культурой» — психологическое её топливо в желании организовать себе какое-никакое бессмертие — узнаваемый, но не органический и предположительно вечный мир — и тем самым решить эту нестерпимую проблему хотя бы отчасти.

Ей представляется забавной встреча образа с исходным материалом: смеется, увидев, что надувного снеговика на крыше замело настоящим снегом.

Смерть она видит как попадание за стену неопределенной длины, в которой нет дверей, через которую не перелезешь и никогда никого из знакомых не встретишь, т.е. как абсолютное одиночество. Видимо, это одна из причин, по которой в древности вместе с господами хоронили их слуг и жён. А для мультяшек смерть всё же наступает, если они настолько сильно разгонятся, что выскочат из телевизора к нам в комнату. Но этого при ней ни разу не случилось. Граница между нетленными образами и смертными существами охраняется хорошо.

Ещё она уверена, что прожить дольше помогают документы и мечтает о паспорте. «Фея Тучкина» -- такое имя и фамилию запишет туда, когда получит. Над предложением сделать себе паспорт самой смеется. Такой документ не продлевает жизни.

ЭКОЛОГИЯ, СПОРТ И РЫНОК

На пятом году, примирившись с фатумом, ребенок обращается к чуть меньшим проблемам.

Узнав о парниковом эффекте: «Выхлопы нужно собирать в консервные банки, чтоб потом их вывозить ракетами на Луну. Или можно накачивать ими футбольные мячи».

Разобравшись в правилах, Алёна предлагает футбольному вратарю держать при себе пистолет, чтобы издали стрелять по мячу и отбивать его.

Из-за взрыва на водопроводной станции в домах нет воды и у магазина все выстраиваются в очередь за бутылками. «Так может они сами и взорвали, чтобы денег заработать?» -- в шесть лет она впервые предполагает искусственное создание спроса и расчетливых рыночных террористов в магазинных продавцах.

ПРОТЕСТ

- У кого же ты так громко научилась верещать, когда недовольна?
- У чайника...

КРЕЗИКИ

Все призы в игровом зале -- прикольные резиновые лягушки и ещё более прикольные светящиеся в темноте кольца -- обменивались только на «крезики», такие внутренние деньги, а за обычные деньги не продавались. Призы ей нравились, а играть в idiotские автоматы: стрелять по животным, попадать в кегли шаром — нет.

Одно из развлечений сводилось к попаданиям мяча кенгуренку в сумку. Я начал с наводящего вопроса: «как кенгуренок считает очки?». У неё ушло минут пять на изобретение способа постоянно раздражать сенсор в сумке кенгуренка, чтобы автомат непрерывно выдавал вожаделенные «крезики». Через полчаса она ушла, сжимая охапку призов, провожаемая недоуменными взглядами продавщиц. Так пятилетняя девочка уяснила важный закон: любую систему можно обмануть, если понять, как она работает.

ОРИЕНТАЛИЗМ

Больше любит путешествовать на восток, чем на запад, уверенная, что Азия ярче, слаще и там чаще поют и пляшут. «Все дети — маленькие мусульмане, потому что им нельзя пить вино, вместо вина они вертятся» -- сказав это, кружится посреди торговой стамбульской улицы, подражая мевлянскому дервишу, увиденному только что. Я пытаюсь умничать и говорю ей, что их основатель, Руми, вырос на такой же вот улице чеканщиков и музыкальный ритм их ежедневного труда как раз и кружил его по комнате, заставлял повторять одни и те же движения и слова. Но это явно лишняя информация для семилетней путешественницы, свободно вертящейся волчком для самой себя и Всевышнего, как показал ей дервиш.

Ни одну взрослую игру не стоит запрещать, но любую игру стоит объяснить ребенку: какую проблему она решает и как возникла? И вот я слежу, как второклассница мнётся со своей гойской запиской у женской половины Стены Плача. Ей не хватает опыта втиснуть между камней бумажку, которую я не могу прочесть, и, наверное, это к лучшему.

В восточном Иерусалиме, пораженная разразившимся на её глазах конфликтом цивилизаций, она подняла с земли стреляную гильзу, чтобы наверняка запомнить это происшествие. В аэропорту показывала, что гильза пустая внутри, пробовала в неё свистеть, вспоминала вместе со мной слова «rubbish on street», и «not danger», но строгие израильские девушки-пограничницы отрицательно мотали головами и испуганно повторяли «пулиз!», округлив глаза и не желая ничего слушать. Сначала она надула губы и изговилась реветь, но вскоре на детском лице проступила странная гордость. «Я пыталась пронести оружие на борт!» -- сияя, заявила восьмилетняя Алёна, когда таможня осталась позади. Всю обратную дорогу я рассказывал ей про Лейлу Халед -- палестинскую красавицу, угнавшую первый самолёт.

НОВОГОДНИЙ БИЗНЕС

Как это ни банально, но психологическим концом детства было разоблачение Деда Мороза: «Я понимаю, что его нет, просто нравилось в него верить, но, думаю, есть какая-то фирма, которой дают на одну ночь вторые ключи от дверей и платят деньги, и она тихо прокрадывается и подкладывает подарки под ёлку, пока я смотрю президента в другой комнате».

Даже разоблаченная второклассницей иллюзия, если она сулит подарок, не может просто уйти. На её место встает воображаемая служба, которой достаточно заплатить, и она организует ту сказку, в которую раньше получалось верить. В любом возрасте мы воспроизводим свои любимые иллюзии под новыми именами до тех пор, пока мы в них нуждаемся. Любое общество сохраняет прежний порядок столько, сколько может.

ДЕЛЬФИНЫ

Сейчас ей десятый год и когда не хочется ехать на школьную олимпиаду, она списывает у двоюродной, а на вопрос: собираешься ли ты что-то изменить, когда вырастешь? -- упрямо отвечает, что люди ей вообще не очень интересны, и больше всего она хотела бы дрессировать дельфинов в Крыму, потому что они живут гораздо мудрее людей. Впрочем, в её возрасте я тоже интересовался чем угодно: космос Казанцева и Ефремова + Древний Рим + тайна вымирания динозавров, но только не обществом, в котором живу. Это приходит в подростковом, гормональном и бунтарском возрасте, и идеально, если он совпадает с большими переменами в стране.

За первые десять лет мы учимся у ребенка всему, чего не смогли уяснить в собственном детстве. Дальше, ответив себе на главные вопросы, он становится таким же «готовым», как мы -- программы инсталлированы -- и постепенно вступает в общую игру.

ДЕТСКАЯ МИСТИКА

ИСТОЧНИКИ ТАЙНЫХ ЗНАНИЙ

В классе у моей девятилетней дочери Алёны учится мальчик Антон, который «их везде показывает». В любой раздавленной жвачке или трещине на двери он легко обнаруживает какой-нибудь нос, рога и три-четыре щупальца, и тогда «их» могут видеть и остальные. Дети верят так же, что Антон знает их имена, умеет их «вызывать» и слышит их голоса. Не раз замечали, как он с ними общался, приложив ухо к стене или трубе, но этим своим тайным искусством Антон не делится. Недавно мама забрала его из школы и куда-то увезла, говорят, на море.

-- Надеюсь, там нет острова сбывающихся страхов, как в «Нарнии» — говорит Алёна — Антону не стоило бы туда попадать.

Кроме откровений детей-визионеров, второй источник детских знаний о потустороннем — «Золотой компас», «Гарри Потер» и другое мистическое кино.

-- Каждый фильм мы на прогулке обсуждаем, что там правда, а чего не бывает. Снять и прирастить голову, конечно, нельзя, это спецэффект, а вот замок с летающими свечами есть.

Это потому что существование такого замка практически не проверишь прямо на месте, а со снятой головой проще. Если возникает спорный вопрос, то включается демократия:

-- Как решит большинство, так все потом и считают. Чаще всего у нас совпадают мнения.

-- Разве можно большинством решать, что есть, а чего нет?

— Конечно можно, есть знание, и мы все к нему подключены, как лампы к одной розетке. Именно поэтому большинство не ошибается.

Тут явная замена причины следствием. Тот, кто умеет убедительнее других комментировать фильм или «заглядывать» в параллельную реальность, как Антон, быстро впечатляет остальных, более легковерных и это считается «общим знанием» об иных мирах.

— А может эти фильмы и не волшебные совсем? -- не так-то это просто, перевести на язык младшей школьницы, что «Нарния» -- пафосный имперско-консервативный манифест, «Компас» -- критика Ватикана с языческих

позиций, а «Гарри Потер» — история о борьбе представителя среднего класса за демократию и против наследственной аристократии в отдельно взятой элитарной британской школе.

— А волшебство? – обеспокоенно переспрашивает дочь.

-- Оно вставлено просто, чтобы зрителю было интереснее следить за сюжетом.

И тут у неё находится финальный аргумент, против которого трудно возражать:

-- Но взрослые же ходят на Пасху в церковь, даже президенты там стоят со свечками. Христа они в фильмах видели. Получается, они тоже верят в Бога и ангелов зря?

Как бы мы ни любили и ни баловали своих детей, детство это время, когда почти всё решают за них, им дают и у них забирают, ведут, оставляют, оценивают, поощряют и наказывают. Позитивная или отрицательная, но это непрерывная зависимость от других, старших. Плюс слабая ориентация в связях, мотивах и логике этих непредсказуемых других. Неизбежный результат -- мистицизм и инфантильная привычка верить в высшие силы, с которыми придётся вступать в обменные отношения.

ВОЗРАСТ ВЕРЫ

С трёх до пяти они верят практически во всё, что им рассказывают. С пяти до семи «существующими» остаются только самые яркие образы, например, отдельные колдуны и оборотни. С семи до девяти ребенок нехотя расстаётся с мистицизмом, но обнаруживает, что он сам может стать источником тайных знаний и морочить тех, кто помладше. После волшебство уже мало кого всерьёз интересует, если не считать подросткового кино про красавцев-вампиров, но их принято любить, уже не веря в их реальность.

МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

В детском саду Уля рассказала Алёне по большому секрету, что видела журнал, который взрослые прячут от детей, и там написано про дом, в котором вампиры пьют кровь и даже есть его фото.

С этого момента они стали внимательнее приглядываться к взрослым. За самой маленькой в группе Настей пришёл однажды дедушка, «весь бледный и в прыщах», за что и был немедленно зачислен в вампиры и двойники настоящего настиного дедушки, которого никто не видел. Потом Насти не было в саду неделю, а вернувшись, она очень веселилась, потому что выздоровела.

-- Но мы-то с Улей знали, что Настя веселится, потому что вампиром стала и с тех пор с ней не играем на всякий случай, — поделилась Алёна.

Чтобы развеять в пятилетнем сознании всю эту готику, я объясняю с самого начала: южные летучие мыши, которые покушались на домашний

скот в деревнях, попали в балканские сказки и крайне увеличились там до размеров людей, об этом узнали литераторы-романтики, которые обожали всё странное, жуткое и народное, и благодаря им вампиры обрели длинные судьбы и попали в книги, а оттуда уже переехали в модное кино и гламурные журналы.

Алёна выслушала с недоверием:

-- Мне говорила Уля, что ни один взрослый никогда не признается, чтобы не пугать своих детей и не ссориться с вампирами.

-- Ну хорошо, помнишь, я тебе читал про Муми-тролля и ты решила, что Морра живёт в темном углу прихожей и прыгает там из сапога в сапог, а сейчас тебе это смешно. Морра ведь тоже представлялась реальной?

Дочь засомневалась и решила поставить небольшой социальный опыт, тем более, что в её группе к тому времени в вампиров верили, кажется, все, кроме маленькой Насти. Было известно, например, что вампир живёт на дереве прямо над их верандой, у него гнездо в развилке, куда с земли не заглянешь, он принимает любой облик, но всегда старик. На прогулку она вынесла кусочек вишневой гуаши, растворила её в луже и незаметно выплеснула на кору вампирского дерева. Через пять минут несколько детей со сладким ужасом обсуждали, что это кровь из гнезда ночью стекала. Не участвовала в этом только Настя, чем ещё раз подтвердила свой пропавший вампирский статус. Алёна смеялась и подробно объяснила свой фокус с гуашью, показала перепачканные руки. Каково же было её удивление, когда она поняла, что ей не верят и никакие доказательства тут не действуют. Дети просто дружно решили, что она в одном заговоре со взрослыми, или ещё хуже — запугана и взята на службу самими вампирами. Так она поняла, что невозможно разубедить людей в том, во что им нравится верить, на что есть внутренний спрос.

Я припомнил нечто подобное из своего детства. Целую зиму в первом классе мы убеждали друг друга, что загадочные следы на снегу оставляет доживший до наших дней живой птеродактиль, а вовсе не взлетающие с разбегу вороны. И всё же в основе той веры была научная фантастика. В птеродактиле, строго говоря, нет ничего мистического. Механика производства нашей идентичности была совсем иной.

Устав от вампиров, дети заметили ветку-душительницу, упавшую с того самого дерева. Вампир ушел, но руку свою оставил и она прикидывается упавшей веткой, а сама умеет ползать и может задушить, если не принять ряд магических предосторожностей. Пришлось показывать дочке фильмы Шванкмайера и объяснять почему нас так впечатляет, когда неживое ведет себя как живое и наоборот. У нынешних детей нет, кстати, тех фольклорных историй, которыми пугали друг друга все советские дети, — черная простыня, летающая по городу, несмываемое пятно, рука, открывающая форточки. Видимо их вытеснила и заместила привозная массовая культура. Но есть личное магическое творчество:

-- Если сделать особую кашу из поганок, намазать ей лицо и сказать заклинание против вредной старшей сестры, то у неё сломается телефон, это проверено.

-- Но у тебя же нет старшей сестры?

— Да, поэтому за поганками в лесу и не охочусь, а вот у Ульки, да и у многих, сестра есть...

-- А заклинание откуда узнается?

-- Можно повторять нужное слово навыверт, или повторять слова правильно, но пока их звук не утратит всякий смысл. Глеб сто раз повторил слово «собака», пока узнавать это слово ни перестал, и ему купили. Можно пробовать разное, пока однажды не сработает, и тогда запомнить.

ВОЛШЕБНОЕ ВРЕМЯ

Кроме заклинания, имеет смысл одеться в костюм того, кто должен тебе помочь. Это как вступить в его партию. Но срабатывает только на Хэллоуин. Если, например, твоя просьба связана с комнатными растениями, то наряжайся во всё зеленое, чтобы выглядеть, как соответствующая фея.

Есть, впрочем, ещё одна волшебная ночь. В Чехии второклассница очень хотела проверить, будет ли ей страшно в «Костнице»? «Ведь это целая церковь из скелетов и черепов!»

Костница оказалась не такая уж большая и страшная: много туристов с фотокамерами, бойко продаются сувениры. Ребёнок стоял в центре всего этого довольный своей неожиданной отважностью.

— Давай, раз ты такая смелая, купим себе копию черепа?

-- Знаешь, – замялась Алёна, – говорят, в ночь перед рождеством игрушки ненадолго оживают и делают в моей комнате, что хотят, пока я сплю. Не хочу, чтобы у меня вокруг ёлки живой череп катался.

СУЩЕСТВА

По мнению Алёны «Бог создал их всех, чтобы учить детей быть ответственными и пугать их до десяти лет, а потом в них уже не верят, и они к таким не приходят».

Чтобы не выглядеть глупцом и свободно поддерживать беседу с дочерью, я постепенно составил у себя в голове нечто вроде детского инфернального словаря:

Колдуны

«В лесу на дорожках бывает кротовая норка, это «глазок» в комнату колдуна. Колдун смотрит через неё, кто идёт и может сквозь тростинку плюнуть человеку на подошву, а потом его из-за этого машина, например, переедет. Эта жертва нужна колдуну, чтобы зелье получить, всегда приходится платить

жертву. Поэтому в эти норки нужно сыпать песок и совать туда палки, тайно от взрослых вести против колдунов детскую войну».

Ведьмы

«У них обязательно шляпа и гадкая борода. Шляпу они одевают для невидимости, а из бороды выщипывают волоски, чтобы насылать порчу. Взрослые снимают о них мультфильмы, чтобы дети хоть что-то знали о ведьмах».

Феи

«Растут до двадцати пяти лет, но потом не меняются и не умирают. Взрослая фея примерно метр ростом и у каждой свои способности. Светлана и Зоя — растительные, помогают комнатным цветам, ветку проращивать в стакане или управляться на огороде. Многие поколения девочек пробовали разные имена: «Аня помоги, Галя помоги...», пока не находили действующее имя. Ещё есть по две феи у воды, света и ума, а так же «фея подарков».

Выглядят они «как у Диснея», с крылышками насекомых и все в волшебных украшениях. «Дети-экстрасенсы видели их, а Дисней просто узнал об этом».

Самая неправдоподобная из фей — зубная. «Под подушку кладешь выпавший зуб, а утром там вместо зуба подарок или монетка. Но в неё верят только малыши до шести лет». Алёна давно не верит в такую детскую ерунду и коллекцию своих молочных зубов хранит в шкатулке, считая, что нет лучшего приданого для будущего жениха.

Мальчишки не обладают способностью к распознаванию фей и вместо них верят в супергероев, вроде Человека-Паука или Бэтмена. Эта уверенность напоминает мне мистический феминизм, модный в Европе.

Духи

«Имеет смысл принести им жертву, особенно если в музыкалке экзамен или по рисованию зачёт». Лучше всего подходит банан, делится на три порции и незаметно выкидывается в форточку, чтобы у духа был завтрак, обед и ужин. «Но сначала, если это дух музыки, банан должен полежать под пианино и нельзя на него смотреть, на ощупь нужно доставать, а если дух рисования, стоит вначале окунуть жертву в краску, прежде чем бросать. Как невидимые пауки духи висят под окнами и ждут угощения, а за это выполняют желания». Самая заурядная и потому не очень надежная жертва — просто положить за обедом лишнюю ложку и вилку на стол напротив пустого стула.

Безымянные

Проходят сквозь стены ночью и слегка душат, если не принёс духам жертву. Вообще, если духи тобой недовольны и остались без обещанной жертвы, украшения или еды, просто нужно завтра выплатить им вдвойне все накопившиеся проценты, как в банке везения, и безымянные не явятся. Они — взиматели не выплаченных кредитов в магическом мире.

Привидения

«Это говорящие на своем языке сгустки воздуха». Не помогают и не вредят, но неприятно выглядят, и потому созданы прозрачными. Их силуэты в сильный дождь становятся заметны. Если разбежаться и сквозь привидение прогнестись, научишься понимать их язык и будешь много знать о них». Одноклассники Антона полагают, что однажды он именно так и поступил, потому и научился их всех различать. Это вообще простейший, хоть и страшный, способ стать ребёнком-экстрасенсом. Но не каждый хочет быть агентом невидимого простым смертным поля.

Если всё же привидение от скуки само увяжется за тобой, то днём от него нужно убегать, а вечером единственный способ — быстро уснуть. С другой стороны, узнать о них нечто важное проще всего именно во сне. «Во сне ты всегда у них в гостях».

Невидимки

«Если кто-то подавился, это его невидимка за горло схватил. Он среднего пола и вообще у него только две руки, соединенные с мозгом, без обычного тела».

-- Но невидимка никого не смог бы видеть, потому что в его глазу не отражался бы луч, да и есть ли у него глаза?

-- Он не видит, а знает заранее, кто где должен быть.

Т.е. знание заменяет зрение невидимке. Он живет в мире чистых идей.

Эльфы

Цветочные жители, пообщительней фей, показываются почти всем. «Одежду, посуду, всё шьют себе из лепестков». Смертны. Превращаются на следующий год в говорящие цветы, на которых живёт новое поколение эльфов. Летом в майском лесу строят из тюльпановых лепестков целый купол или шар для общей жизни, что роднит их с пчелами и муравьями. Не волшебные в том смысле, что не занимаются ни злой, ни полезной магией.

Оборотни

«Это люди, которые жить не могли без бессмертия и они его получили при условии, что ночью, во сне, превращаешься. Превращаться неприятно, весь чешешься, как будто заболел желтухой или корью. Нормальному оборотню лучше ночью взаперти сидеть. Но за счет этого превращения обновляются все клетки организма». «Обновление клеток» просочилось сюда, видимо, из какой-то косметической рекламы. Хромосома оборотня не укорачивается с годами и не теряет строительных кирпичей, а значит он, обменяв ночью человеческую сущность на звериную, сохраняет днём вечно молодой человеческий облик.

ДЕТСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Возраст это когда ловишь себя на том, что вглядываешься в лица детей, пытаешься угадать, захотят ли они жить в другом обществе? Точнее, есть ли в этих лицах что-то, что позволит им создать другой мир, воплотив в жизнь пару-тройку идей, считавшихся утопическими на протяжении веков? У каждого поколения бывает шанс сделать жизнь совсем другой и каждое поколение всегда использует его лишь отчасти. Такие вещи нельзя откладывать. Второй возможности не бывает. Если вам и вашим друзьям скоро сорок, шанс вашего поколения в любом случае уже упущен/использован и вам остается только быть «полезным для молодежи».

УКАЗОТВОРЧЕСТВО

Однажды я видел, как дети лет шести-восьми на одном книжном мероприятии писали собственные указы. Они играли в это с удовольствием, испытывая то же иллюзорное и радостное чувство причастности к принимаемым решениям, какое бывает у их родителей, пришедших в оговоренный день к избирательным урнам.

Существует циничный, но действенный совет: если вы хотите понравиться маленьким детям, начните с ними разговор о еде или о животных. О еде действительно было немало:

Указ «**ЧТОБЫ ВЕЗДЕ БЫЛИ ТОРТЫ**» напомнил мне о кондитерском рае фурьеристских утопий.

Не правда ли, легко себе представить ребенка, написавшего: «**ЧТОБЫ В ИНТЕРНАТЕ КОРМИЛИ**. Кормили всегда. За невыполнение повесить или отрубить голову». К этим словам для убедительности внизу пририсована виселица. И это был единственный указ с насильственной угрозой за его игнорирование.

Хватало и о животных:

«ЧТОБЫ У ВСЕХ БЫЛИ ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ». «ЧТОБЫ НЕ ОБИЖАЛИ ЖИВОТНЫХ».

А какая-то девочка, не разобравшись, что это указ, а не письмо Деду Морозу, или вообще пока не отличающая распоряжение от просьбы, просто хотела «Маленькую улитку».

К моему удивлению, встречались и социальные прожекты:

Шестилетний утопист велит: «ЧТОБЫ ВСЁ БЫЛО БЕСПЛАТНО», и я внутренне аплодирую: если он не выбросит из головы эту «чушь», будет упорствовать в своём детском «заблуждении» и разузнает о тех, кто в последние двести лет хотел того же, то может однажды оказаться с правильной стороны. Но есть и более реалистичные идеи: «ЧТОБЫ МАМАМ ПЛАТИЛИ ЗАРПЛАТУ ЗА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ». Или вот несколько иная модель справедливости: «ЧТОБЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ СОБЛЮДАЛАСЬ СТРОГАЯ ОЧЕРЕДЬ». Есть бунтарское: «ДНЁМ НЕ СПАТЬ» и экологическое «НЕ МУСОРИТЬ». А вот и спортивно-патриотическое: «ЧТОБЫ НАША СБОРНАЯ ПОПАЛА В АФРИКУ И ВЫИГРАЛА». Дело было перед чемпионатом.

«ЧТОБЫ У МЕНЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЫЛ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ» -- желание всегда чувствовать, что ты дорог другим и требование перманентной новизны и сюрпризов. Ещё нет «взрослого» ощущения, что большинство перемен в твоей жизни её сильно усложняли, а все «праздники» должны быть заранее организованы и оплачены.

БЕСПЛАТНОЕ МОРОЖЕНОЕ

-- Сначала мы разрисовывали и красили стену, кто как хотел, а потом, когда устали и докрасили, всем можно было брать мороженое просто так, даже тем, кто не красил, а кино в другом зале смотрел, — с восторгом делилась подробностями детского праздника семилетняя дочь.

— Это и есть коммунизм, – ответил я – вам же за работу не платили, вы красили, потому что нравилось, и бесплатное мороженое никак не связано с тем, кто сколько сделал. Помнишь, ты меня спрашивала, зачем нужно было царя свергать? Хотели сделать всю жизнь для всех людей такой, как ваше сегодняшнее утро.

-- Мне нравится! – с восторгом говорит девочка

-- Да. Мне тоже нравится, – соглашаюсь я, но без её энтузиазма. Не хочется объяснять дальше, про то, что весь этот яркий, творческий и сладкий коммунизм устроен и оплачен крупной корпорацией как часть её рекламной политики.

До какого-то возраста, примерно совпадающего с попаданием в школу, большинство детей работают с удовольствием, ещё не выучив, что труд это необходимость выживания и библейское проклятие за первородный грех, а вовсе не возможность сделать мир лучше и узнать больше.

КОММУНИЗМ ПРОХОДИТ С ВОЗРАСТОМ?

Британские социологи выяснили недавно, что до 10 лет дети в своих устойчивых компаниях всё, что у них есть, склонны делить поровну и только после, когда эта наивная «уровниловка» не находит поддержки в открывающемся им опыте взрослых и в массовой культуре, они начинают делить со всё большим учётом затрат, полезности и вложений, а ещё позже становится принципиально важно, что, сколько и кому изначально принадлежало, т.е. в чьей формально находилось «собственности». Подобные наблюдения создают вечную и призрачную надежду на то, что если за ещё не взрослых людей, не «социализированных» пока по правилам системы, вовремя взяться, то можно получить совершенно других взрослых, способных к другим и более достойным отношениям друг с другом.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ «МОКРЕЦОВ»

В конце 1980-ых, когда я сам был подростком, нам в лица с надеждой вглядывались «коммунарские педагоги», мечтавшие «похитить детей» внутри советского недосоциализма, как это сделали «мокрецы» в «Гадких лебедях» у Стругацких. Вглядывались, в расчете на сверхчеловечков.

Но у тех школьников из фантастической книги были полуволшебные, мутировавшие «проводники», не совсем люди, учившие их ставить неразрешимые в мире взрослых и единственно важные вопросы — снова сверхъестественное, мифологическое, волшебное вместо революционного.

Джельсомино обладал волшебным голосом, разрушавшим тюрьмы в стране, где «все деньги были фальшивыми». Буратино изначально содержался как таинственный дух в говорящем полене и только потому смог победить Карабаса и открыто плевать на «Тарабарского короля». Это проклятый вопрос: откуда в прежнем обществе возьмется тот, кто способен жить по-новому и преодолеть старое? Но есть и другой вопрос: если чудес не бывает, полено не говорит и потусторонней помощи не будет, т.е. если изменение отношений вообще невозможно, откуда в наших головах берется мечта об этом изменении и почему тогда человечество вообще менялось? Пожалуй, только Чиполлино был последовательным революционным лидером, не прибегавшим к секретной магии и полагавшимся на самоорганизацию трудящихся. Но и в этой сказке детям не объясняется, откуда он такой решительный и упрямый взялся, и почему ему было нужно больше, чем остальным его братьям из луковой семьи? Как и в любой сказке, нам предлагается верить в чудеса, т.е. в неучтенные обстоятельства.

Кто были педагоги-новаторы, «коммунары», которые в 1980-х так нравились себе в роли «мокрецов» и которые так верили в нас, как в «других детей» с новой лексикой и новым мышлением? Кто были те, кто казались нам интеллектуалами, кому мы отвечали ответным уважением, потому что они

так высоко нас ставят и столь многого от нас ждут? Большинство из них были болтунами с гитарами, «психотренингами», ночными «ролевыми» бдениями и смутными симпатиями к Эриху Фромму, о котором они знали из брошюр советских бичевателей ересей. Самые совестливые и пытливые из них закончили необратимым помешательством и принудительным лечением. Самые настойчивые и упорные, устав от роли «мокрецов», основали потом «Китеж» -- общину альтернативных педагогов в калужской глуши со своей церковью, общим полем, гаражами и лесопилкой, где вполне успешно помогают оставшимся без родителей подросткам подготовиться к нормальной жизни в большом обществе. А другая, более радикальная и ортодоксальная «ветвь» их движения, открывшая научные формулы счастья и справедливости, основала собственную аграрно-духовную общину под Харьковом, нынешние порядки в которой сильно напоминают революционную Кампучию Пол Пота в миниатюре — всё свободное пространство завешено мотивирующими лозунгами, полный контроль «теоретиков» над речью, распорядком дня, питанием и сексуальной жизнью простых «практиков», 15-часовой рабочий день и принудительное ведение «открытых» дневников, которые называются «внешняя совесть».

Возможно ли вообще «похищение детей» внутри капитализма, описанное когда-то Стругацкими, как подрывная стратегия? В нынешней системе ещё меньше смысла прикидываться «мокрецом» или, наоборот, больше? Насколько теперь вероятен сверхчеловечек?

ЧТО МЫ ИМ СКАЖЕМ?

Я ловлю себя на том, что пристально слежу за этими невзрослыми людьми. Не могу избавиться от навязчивой идеи, что им (или их детям? или детям их детей?) предстоит разобрать капитализм на детали, часть выбросить, что-то добавить и собрать однажды здесь принципиально другую цивилизацию. Когда они вырастут, нам придется признать, глядя им в глаза, что мы ничего не смогли сделать с этой иррациональной и абсурдной системой товаризации, изымающей смысл из любого человеческого дела, пожирающей любую мечту, стравливающей людей по любому признаку. Абсурд такой системы в том, что врачу в ней нужны болезни, гробовщику — смерти, а строителю домов — бездомные. Есть огромная разница между нужностью и спросом, но капитализм эту разницу игнорирует и невидимая стена отчуждения разделяет людей.

Мы не смогли, оставив эту историческую работу им? Что мы сможем завещать им полезного из опыта прожитых нами лет? Тем из них, в ком проснется великое презрение и кому захочется задать нам неразрешимый вопрос. Возможно, весь наш опыт уложится в единственную фразу: «Ударь одного, чтобы испугать тысячу», ну и ещё придётся пояснить, что слово «ударь» стоит понимать здесь в предельно конкретном и буквальном, узком, а не в расширительном или переносном, значении.

Я не могу просто верить, мне нужно надеяться на нечто, эмпирически вероятное. Почему, на мой взгляд, Россия должна выйти из прежнего стабильного политического равновесия в самые ближайшие годы? Рождаемость у нас растет примерно с 1999 года. Это значит, что в активную послешкольную жизнь будет вступать каждый год всё больше людей, начиная с 2016 приблизительно. Рост молодежи в обществе часто способствует политической радикализации, особенно при условии, что этой самой молодежи вписываться особо некуда, её надежды не сбываются (тучные годы путинизма остались позади, рост цен опережает рост доходов, образование деградирует и коммерциализируется на глазах и т.п.). Система не сможет эту молодежь встроить или переварить. Система предложит ей жалкую судьбу. Именно в такой ситуации лживый язык системы, её бредовая риторика может стать для «детей путинского бэби-бума» нестерпимой. Если верить социологам Дерлугьяну и Голдстоуну, без этого условия (расширения слоя недовольной молодежи) невозможна сегодня никакая революция, да и просто серьезная «движуха», социальный подъем, невозможны. В этом смысле, одним из объяснений эпохи путинского конформизма и консерватизма должно быть, кроме прочего (сырьевая конъюнктура, шок 1990-х, чеченская война) сокращение числа молодежи и быстрый рост числа стариков в последние 15 лет. Если всё это так, то важнейший вопрос ближайших лет: кто станет новой контрэлитой? откуда возьмется язык сопротивления, альтернативы, система образов и идей, подходящая для протестной волны? Конкурирующая традиция, не испачканная подлостью нулевых лет... Вот о чем стоит думать сегодня и чем стоит заниматься. И да, я знаю, что «общество всё равно продолжит стареть и дальше» и что подъем будет относительный. Просто это «всё равно» станет не столь однозначным. И если эта логика верна, то у системы будет только один надежный клапан: открытые ворота на границе, люби нас или уезжай, т.е. ускорится и без того стремительное создание «Другой России» за границами государства. Ну, или ещё возможна большая война с серьезным числом жертв, которая втянет в воронку всех, кто мог бы изменить общество, но для системы это огромный риск и никаких гарантий сохранения.

ДЕТСКАЯ ПОЛИТИКА

Осенью 2011, ещё перед началом всех «рокировок» и околывыборных страстей я присутствовал на детском ток-шоу “Нужна ли нам революция?”. После двухчасового обсуждения полсотни школьников в возрасте от 10 до 15 лет пришли к выводу, что революция, при всей размытости самого этого понятия, им необходима и единственная неприятность, с ней связанная, это «возможность попасть в милицию». Не припоминаю раньше ни таких детей, ни -- что гораздо важнее -- таких шоу.

ФЛАГ И ГИМН

-- Учительница музыки сказала в день выборов прийти в школу, будем петь гимн России — нарочито хмурится четвероклассница — одеться в цвета государственного флага, нас будет три линейки, мне — в белое.

-- Ты не хочешь?

-- У меня английский и потом меня звали на день рождения, и вообще в этом гимне нет никакого смысла, он как реклама.

-- А в каком гимне есть смысл? – интересуюсь я.

-- В советском, конечно, ну или в Марсельезе...

-- Не ходи, выходной, ты не обязана.

-- Сказали «обязательно», – угрюмо говорит ребенок, – нужна уважительная причина. Можно понарошку «заболеть».

Она всегда делает такое клоунско-недовольное лицо, когда ей приходится обманывать, «понарошку болеть» и т.п.

Пришлось обсудить с Алёной российскую норму холопства, которая у нас заметно выше, чем во многих других обществах.

-- Я не хочу, чтобы ты этим заразилась, это никому не нужно, ты просто не пойдешь, скажи «папа не пустил».

-- Почему? – упрямо спрашивает ребенок. Теперь её интересует это «другое» отношение к начальству. – Когда это началось? При Сталине?

-- Нет, Сталин сам уже был следствием. Я не знаю — беспомощно признаюсь я, перелистывая в голове учебник родной истории: Гапон... провал народников... крепостное право. Лучше всего подходит Орда.

-- За два с лишним века, а это десять поколений, привыкли, что главный не тот, кто благороднее, смелее или больше знает, а тот, кто выклянчил у Орды серебряный ярлык. После этого рабство уже не в голове, оно — в спине. Понимаешь, Орды давно нет, но в народном сознании она как внешний, от всех независимый, источник власти сохранилась, и это передается...

Алёна кивает. Пока её это вполне устраивает. Я не настолько садист, чтобы объяснять десятилетней девочке про миросистему, периферийный капитализм и производную от него массовую ментальность.

Проще всего было бы ответить, что человеческое достоинство и самостоятельность вообще мало кому нужны в архаичных обществах и возникают как массовые явления только с ростом крупных городов, но ребенок исходит из наивной древней веры в то, что человек изначально был правильный и только потом его что-то заставило согнуться в дугу. Эту веру нельзя рушить до определенного возраста, чтобы ребенок не стал циником. Прогресс это слишком взрослая идея. Так дети превращают нас в благонамеренных обманщиков.

Или в тех, кто загружает в детское сознание шифры с отложенной расшифровкой: «Нарисуй мне встречу бумажного тигра и черной пантеры и расскажи что-нибудь о них».

СИНЯЯ ПТИЦА И СИНИЕ КАМУШКИ

Социальный опыт ребенка проступает после трех лет. Алёна по-своему пересказывает сказку про японскую кошку и грозу: «Император стоял на каретной остановке, ждал свою карету...». У нас никогда не было автомобиля.

В четыре, воткнув в сугроб ряд сосулк, она называет это «Сити» и спрашивает, кто там живёт, «кроме Снежной Королевы»? Мне приходится разочаровать её, объяснив, что башни нужны богачам на случай, если начнется восстание, как в «Трёх толстяках». Только в башнях, окруженных войсками, они смогут укрыться от народа и только с вертолетных площадок на их крышах смогут бежать. С этого дня она начинает смотреть на голубые небоскребы вдали каким-то новым взглядом. Взглядом посвященного.

Через четыре года, пересказывая спектакль про Синюю Птицу: «Они ели невидимые пирожные и им от этого только больше хотелось, вот к ним и

пришла фея». Я задумался над этим «вот к ним и...». Ребенок не различает иудео-христианского антагонизма духовное/материальное и интуитивно выводит первое из второго. Мир фей, символов и синих птиц для него естественно рождается из неутоленного желания справедливости, из мечты имущественного равенства.

Удивительно, что никто, насколько я помню, не обращал внимания на то, с чего начинается попадание детей в символический мир у Метерлинка. Сначала они тайком смотрят в ночное окно через улицу, где богатые дети празднуют Рождество. Особенно их поражает, как много у богатых детей пирожных и насколько они равнодушны к ним. Нестерпимость этого классового контраста заставляет детей мельника (не из его ли муки испечены пирожные?) воображать эти пирожные в своих руках и хвастаться друг перед другом их числом. Они воображают, что едят то, что принадлежит детям из богатого дома и в этот момент к ним входит фея, чтобы подарить им волшебный алмаз, позволяющий видеть суть вещей. Причиной выстраивания альтернативной реальности, причиной фантазмирования этого теософского мира, причиной художественного измышления невидимых пространств, является нестерпимость классового контраста между твоим и чужим положением.

Чтобы пояснить свою мысль, я описываю Алёне опыт одного британского этолога с двумя обезьянами. Он рассыпал в вольере камушки разных цветов и всякий раз, если одна из обезьян приносила ему синий, давал ей за это огурчик. Обе обезьяны быстро выучили правила и неплохо справлялись с этой работой. Тогда учёный усложнил опыт. Одной обезьяне он по-прежнему давал огурец, а другой изменил оплату труда и теперь за тот же синий камушек она получала гроздь винограда. Первая обезьяна не смогла терпеть этого долго. На второй или третий раз такой неравной оплаты, она швырнула синие камушки в ученого и села в углу, обиженно рыча и скаля зубы. Так она узнала сразу несколько человеческих понятий — «несправедливость», «бунт», «забастовка». Я не знаю, что происходило у обиженной обезьяны в голове, но если бы она была человеком, то в этот момент она «увидела» бы внутри себя нечто, несравнимо лучшее, чем виноградная гроздь, нечто вечное, не отнимаемое и не истощимое. Она изобрела бы мир фантазмических компенсаций социального неравенства — мир эйдосов, чистых идей, бессмертных душ и неуловимых синих птиц, одного цвета с ненавистными камнями.

ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ КАПИТАЛИЗМА

Взросление ребенка это шанс политически прочесть любимые с детства сказки. «Холодное сердце», например, вдруг оказывается идеальным, даже схематичным, пособием по идеологии раннего еврокапитализма, где «стеклянный человечек» это протестантская бизнес-этика, а «великан Михель»

— тёмная сторона рынка, связанная с капитализацией самих желаний и следующим отсюда опустошением, психологическим банкротством.

История же про «Маруфа-башмачника» -- лукавое арабское иносказание о пользе уравнительного перераспределения доходов и о том, что все сокровища феодализма рождаются из-под грубого крестьянского плуга.

Я уверен, что время объяснять политические тексты через суждения вкуса, психоанализа, мифологических архетипов и теорий языка закончилось. В этом нет более общественной надобности, и это теперь умеет любой гуманитарный старшеклассник. Вырос спрос на нечто обратное: политическое объяснение самих наших вкусовых предпочтений, психоаналитических теорий сознания и моделей языка. Если у вас растёт ребенок, именно он подтолкнет вас к этому новому (или подзабытому?) объяснению «давно известного».

ПРАВЫЙ/ЛЕВЫЙ

В девять лет, подслушав, что взрослые смотрят в Интернете, она хочет узнать, кто такие «правые» и «левые»?

Вместо того, чтобы объяснять, кто, где и почему сидел во французском Конвенте, я выбираю два простых негативных слова, которые она хорошо различает и которые временно могут исчерпать тему — «корысть» и «зависть».

«Правые завистливы и корыстны. Либералы корыстны, но не завистливы. Левые же бескорыстны, но завистливы».

-- А бескорыстные и не завистливые? — предсказуемый вопрос задается после того, как ребенок попросил повторить, повторил сам и переварил услышанное.

-- Это святые отшельники, они не участвуют в политической жизни общества и многие вообще сомневаются, существуют ли они?

Проблема святых отшельников ещё и в том, что любой отказ от удовольствия неизбежно порождает удовольствие от отказа. Но в девять лет об этом не обязательно задумываться, отложим на потом.

Конечно, я мог бы выбрать два позитивных слова, но на негативных объяснять проще. Позитивные слова в девятилетней голове слишком синонимичны.

ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИИ

Под критскими звездами у моря я объяснял ей, что такое историческая диалектика. Вот космос, который мы видим ночью в небе, никогда не был и не будет таким, каким мы его видим. Если рядом с каждой звездой написать на небе дату, в которой она нам показана, учитывая скорость света, то ни одна дата не совпадет, звездное небо собрано из кусочков разных пазлов, не совпадающих во времени. Даже Млечный Путь состоит из таких отдельных святающихся мест, возможно, вообще никогда не существовавших одновре-

менно. «Это даже немножко страшно и от этого можно немножко с ума сойти» -- сказала дочь, устраиваясь поудобнее на скале и недоверчиво рассматривая Млечный Путь.

После этого не составило большого труда объяснить, что в немного другом смысле подобное происходит и с более «человеческими» вещами, окружающими нас повсюду на земле. Архитектура отелей и форма полицейских, товары на прилавках и церкви у дорог, разное поведение туристов из разных стран — всё это несет в себе дату возникновения, историческое клеймо конкретного события, породившего их. И эти даты так же не совпадают. И каждая из этих вещей останется такой, пока не случится следующего события, призванного изменить её облик и наше восприятие.

ЖИЗНЬ НА СЦЕНЕ

Главная опасность в любом воспитании — навязать свои взгляды и модели вселенной. Поэтому я всегда предлагал ей все мне известные модели на выбор. В раннем детстве ей больше всего нравилось православие и буддизм, но ближе к десяти годам заинтересовала саентология. Уж больно красиво закручена у Хаббарда «космическая опера» с огненной стеной и разнопланетными душами, спрятанными внутрь земных обезьян. И вот дочь выросла, т.е. завела страницу в соцсети и презирает певицу «Нюшу» просто за то, что её слушают все девочки в её классе. Теперь её впечатляет идея из «Саус парка» -- реальность это реалити-шоу, т.е. вся наша история это один сплошной «Дом-2». После моей скептической улыбки, она просит привести доказательства против такого взгляда. Слабость подобных идей в том, что на них нечего возразить, а их прилипчивость в том, что они разрешают нам делать всё, а точнее, разрешают как раз ничего не делать.

Если некто создал нас в качестве «реалити-шоу» для собственного развлечения, тогда всё понятно. Мы отчасти похожи на своих создателей, иначе им не было бы интересно наблюдать за нами и предоставлять нам условную, в рамках шоу, свободу. Но похожи мы только отчасти, не полны, утрированы, спектакулярны и ни к чему не способны до конца. Так и должно быть на сцене. Человек есть условное изображение кого-то серьезного, когда этот серьезный хочет посмеяться. Или даже: человек это смех кого-то серьезного над самим собой. Кому не нравится сравнение с шоу, может использовать метафору испытательного полигона, лаборатории, в которой создатели моделируют ситуации со своими условными подобиями, чтобы сделать полезные для себя выводы. Но что если сама эта метафора — мы чьи-то актеры, неполноценные клоны, театральные маски, лабораторные эффекты — что если само это сравнение есть всего лишь попытка скинуть с себя ответственность, попытка иносказательно проговорить свою зависимость, несамостоятельность, подчиненность другим, но другим ЛЮДЯМ, а вовсе не сверхчеловеческим существам. Что, если мы никем не созданы и существуем вовсе не

для кого-то. Если это так, нам всем придется однажды стать коммунистами.

Человека принципиально отличают от животных две способности. Мы можем пользоваться языком, достраивая его и можем действовать совместно с себе подобными ради добровольно выбранной, полезной всем, цели. Наш доступ к языку — всеобщий и бесплатный. Эта способность — прообраз правильного отношения ко всему, что человек создает, к любым продуктам общего труда. Вся собственность однажды станет общей, как язык. Слова и мысли, в чьей бы конкретной голове они не родились, это то, что невозможно приватизировать, та первичная общность, которая сохраняется как «призрак коммунизма» в любом нашем высказывании и даже в самой интимно-личной мысли. А вторая способность -- прообраз будущих производственных отношений, когда каждый будет делать нечто, нужное всем. В разговоре с ребенком я сжимаю это максимально:

«Мы перестали быть обезьянами, став долговременно сотрудничать ради оговоренной цели и говорить на общем языке, который от этого не тратится, а растёт. Поэтому наша эволюция приведет к тому, что все мы будем работать на общество и иметь не ограниченный доступ ко всему, что обществом создано. Если ты согласна со мной, значит, ты тоже — коммунист».

Ребёнок смотрит лукаво и не спешит объявлять себя коммунистом. Его не отпускает чарующая, щекочущая кожу идея о тотальном «реалити-шоу», о том, что всю жизнь ты танцуешь для тех, кого тебе нельзя видеть и только они и могут тебя верно оценить и наградить. Ребенок помнит, из каких странных иероглифов состоит китайское обещание: «Все металлы станут золотом, а все люди — коммунистами». Если каждый элемент иероглифа разбирать отдельно, от первоначального смысла там не останется и следа. И это вызывает у него смех. Возможно, наш общий язык пока вырос недостаточно, чтобы сформулировать ту же задачу более серьезно и адекватно. Труднее всего подготовить себя к самому простому. К тому, что из твоих слов ребенок сделает свои выводы.

ГИМНАЗИСТЫ

ПЕРЕМЕРЫ И ЗВОНКИ

Первое, что дети осваивают в школе — сотовый телефон, который им покупают вместе с портфелем.

Сентябрьским утром, когда я впервые повёл туда дочку, свинцовые тучи угрожающе хмурились в ледяном небе, в микрофон с крыльца говорились неприятно знакомые речи, читались никому не нужные стихи и неслись из репродуктора вечные песни. Все ждали, покрываясь мурашками, что сейчас пойдет снег и мечтали попасть внутрь здания, но древний ритуал нужно было довести до конца. Жмурясь от ветра, я удивлялся, как мало изменилось в этой вселенной со времен моего детства. Разве что выпускник, по традиции взявший Алёну за руку, был с серьгой и в повязанном вместо шарфа зеленом палестинском платке. Это вселяло слабый оптимизм. Другие изменения, замеченные мной за два школьных года, это мелодии звонков: Битлз, Джо Дассен, Газманов и «Подмосковные вечера», т.е. музыка, которой нынешние дети гарантированно не знают, вместо требовательного зуммера, который я помню. Да ещё на обложках всё тех же дневников (вы тоже видите их линованный разворот, когда считаете дни недели?) фото квадратного двора родной «гимназии», ну и, конечно, собственная форма в мелкую клеточку, чтобы всё было совсем как в клипе «Пинк Флойд» про кирпичную стену.

Школа, армия, тюрьма и больница -- заведения, в которых люди находятся не вполне добровольно, изменились за двадцать лет меньше всего. Заглядывая в класс, вспоминаешь, что это придумали монахи-иезуиты: долго сидеть на одном месте, поднимать руку, выходить к доске, получать баллы, следить

за учителем, шагающим между парт, а не ходить за ним гуськом, как в античных «ликеех». Целью такой практики была массовая привычка к подчинению, контроль ордена над телом и сознанием сирот, подраставших в монастырях. Конец света нужно было встретить организованно. И эта цель оправдывала любые средства.

ЛИДЕРСТВО

Из разговоров с дочкой я вскоре выяснил, что у них в школе существует три устойчивых вида лидеров — «крутой», «дежурный» и «модная».

«Крутой» никогда не моет руки и всегда имеет деньги на пиццу, которой делится в долг. Отдавать этот долг он ни у кого не просит, однако постоянно всем о нём напоминает. Все взаимные долги, обязательства и обещания в младших классах обнуляются в полночь и «не считаются» уже на следующий день. Недавно одному мальчику объявили бойкот за употребление слова «сука», но и бойкот не продержался дольше.

-- «Дежурный» командует и на всех орёт. Опасен тем, что может на других ябедничать. Ему училка всегда верит на слово, доказательств не требуется. Поэтому день твоего «дежурства» это день сведения счётов.

«Модная» это когда две девочки соревнуются, кто лучше изобразит «феичку» и победившей достаются несколько часов славы.

-- Все выстраиваются к «модной», чтобы она нарисовала им такую же, и она рисует на переменах и на уроках, пока не устанет, а кому не досталось, те обижаются, больше не признают её «модной» и ищут себе новую «модную».

БРАТСТВА

Дети, конечно, остаются детьми с их вечными ценностями. Для девочек это по-прежнему — домики и куклы, а для мальчиков — машины и оружие. Но в любой неизменной вселенной меня всегда интересовали именно те детали, которые меняются, а вечное казалось скучноватым.

Многие второклассники приносят в школу «ноутбуки», собранные из «лего» с привязанными к ним на веревочках «мышками» и, сев рядом, с важным видом стучат на перемене по условным «клавишам», хвастаясь, у кого сколько установлено программ, и кто с кем связывался «по аське». Так котенок играет с клубком, пока не станет настоящим охотником.

На прогулке девочки организуют «Клуб одуванчиков», куда запросто могут и не взять, нужно пройти конкурс. Мальчиков из классов постарше зовут охранниками. Все украшают выбранный под деревом «офис» или «клуб» одуванчиками. Мальчики упрямо называют это место «базой».

Главная в клубе Сонька. Она решает, кто принят и раздает должности: кому убираться, кому собирать яблоки-боеприпасы на случай нападения «не принятых» мальчишек.

-- Как же Сонька попала в лидеры, она же невысокая, из первого класса, а у вас в клубе даже девятилетние есть?

— Ну, она самая активная, если ей не понравится, она и укусить может.

Эта варварская готовность укусить противника вызывает у всех уважение и даёт право на власть.

Ещё Алёна состоит в «тайном обществе отрезанной пуговицы». Верхнюю пуговицу на своей клетчатой форме отрезают, неправильно перестегивают и постоянно подмигивают друг другу. Членам такого общества полагается часто созваниваться и ничего не говоря, дуть в трубку, кто сильнее? Или, как вариант, слать друг другу эсмэски с многоточиями. Собственные ритуалы поддерживают на расстоянии чувство общности.

Специализация «отрезанной пуговицы» -- списывать друг у друга «домашку» на продлёнке, сделав её по частям. Другая вероятная причина создания тайных обществ -- защита от детского рэкета. Те, кому в классе уже исполнилось восемь, нередко «ставят на деньги» тех, кому ещё семь, и «общество» -- способ защиты «своих» вне зависимости от возраста.

-- Мы все связаны, одну ниточку тронешь, и вся паутинка на тебя как кинется!

— А есть другие тайные общества?

— Конечно, есть, но я в них не вхожу и не знаю их тайных знаков.

ШКОЛА ИЛЛЮЗИЙ

Школа учит думать, договариваться и организовывать полезные иллюзии.

Тот, кто хорошо ест за обедом, назначается следящим за остальными. «Можно дать ему 20 рублей, чтобы он себе купил, что хочет, и отправить его в ларёк, а в это время отнести свои полные тарелки на конвейер».

Но тут в игру вступает новая опасность — нужно правильно обогнуть зоркий учительский стол, с которого видно едущую ленту посудного конвейера. Вариант «просто съесть обед» мало кем рассматривается всерьёз, т.к. здесь же продается пицца.

«Нужно сгрузить второе в первое, подложить между тарелками вилку, ложку и хлебушек, чтоб не выплескивалось, и идти к конвейеру особым путем».

Если ты сделал всё слишком быстро, то подозрительно сразу же возвращаться в класс. «Поднимаешься по ступенькам и на каждой ждёшь 5 секунд, а если кто-то из учителей навстречу, то делаешь вид, что нормально идёшь, но потом нужно вернуться назад».

Другой вид иллюзии организуется сверху самими учителями. В субботу, когда приезжала комиссия, позвали самых «надежных» детей. «Учительница показала нам, как собирать конструктор и соединять его с монитором компьютера, чтобы управлять собранным зверем. Потом сказала: идите обедать, а когда вернетесь, делайте удивленные лица, будто вы все это впервые видите. После обеда там была «комиссия» и мы при ней всё повторили».

На все вопросы комиссии, замерявшей уровень развития второклассников, учительница отвечала сама, а когда её ласково попросили помолчать, то дети говорили все вместе, и всё равно ничего понять было нельзя.

КЛАСС

Насколько я помню, мне там не очень нравилось. В первом классе наступало некоторое разочарование во взрослости. Но Алёне нравится учиться:

-- Сидишь, кусаешь ластик ароматизированный, пока училка читает вслух про осёдлых птиц...

Самое страшное, это когда очередная записка с «ты — дурак!» или «я тебя люблю» не метко приземляется учительнице на стол. Если злоумышленник не сознается, то можно и «колонной», т.е. всем классом двойки за поведение получить. Эта кара не минует даже «любимчиков».

«Любимчики» есть у каждой учительницы, и они имеют неопределенные, точно никому не известные, привилегии. «Самый простой способ стать «любимчиком» -- находить первым опечатки в учебниках, которых там видимо-невидимо». Недавно, впрочем, у них поменялась «музыкалка», и открылась вся относительность статуса «любимчиков». У новой «музыкалки» они совсем другие, и никакие опечатки и прочие детские таланты тут не при чём. Возможно, учителя отличают своих по запаху, как пришельцы из сериала «Визитёры».

СТАРШИЕ

Есть и другая часть школы, воплощенное ближайшее будущее, пугающий и манящий образец поведения. Там мечтают «натаскаться на ЕГЭ» и говорят: «Мне на тебя всё равно», «Не выноси мне мозг», «Попустись уже, хватит», «Сиди в своём компьютере» и «Перестань исполнять». А всю правду о своей жизни там узнают из сериалов, вроде «Школы». Подростки особо восприимчивы к телевизионному эффекту «грубой правды», но эффект этот ни к чему, кроме правил зрительского восприятия, отношения не имеет.

Утрированный пример: если мы покажем в сериале аккуратную отличницу, которая на перемене подходит к учителю и спрашивает у него, что ей почитать о поэте Есенине, чтобы знать о нём больше, чем в программе, зритель скажет: не правда, лакируют действительность. Хотя в реальности таких ситуаций сколько угодно. А если мы покажем, как на той же перемене пьяная девочка выходит из туалета, разбивает о стену бутылку из-под вина и кричит учителю: «Да пошли вы все в жопу!», большинство зрителей подумает: а вот и неприятная правда о школе выплеснулась и прорвалась на экран. Хотя ситуации типа «Есенин» происходят, наверное, в сто раз чаще, чем ситуации типа «да пошли вы...!», но зритель доверяет грубому, brutальному и крайнему, как прорыву истины, и ничего тут не попишешь. И представьте себе

теперь, что нам по любому нужен рейтинг, чтоб рекламное время продавать. Что мы выберем: «в жопу!» или «Есенина»?

АЛЬТЕРНАТИВА

Чего бы я теоретически хотел от учебного заведения, раз уж попал в “родители”? В идеале нужно добиться одного — научить ребенка учиться, чтобы обладатель аттестата умел создавать нужные ему связи, как с другими людьми, так и с мировым архивом накопленных знаний, а так же мог легко обрывать те связи и зависимости, которые ему мешают и тормозят. Он должен знать, как найти нужную книгу и ради чего выключить телевизор, уметь сохранять автономию от всего, что «считается» и «всем известно». Но этим сладким упованиям на свободное развитие можно предаваться сколько угодно, школа же останется иезуитской техникой подчинения, советским заповедником и утрированным шаржем на мир родителей. У этой системы есть серьезный охранительный аргумент -- вот проведут все реформы, коммерциализируют окончательно, и любые знания выше таблицы умножения станут элитарной роскошью, так что лучше уж оставить «как сейчас». В конце концов, «как сейчас» помогло столь многим на личном опыте осознать условность любой социальной системы ещё в первые десять лет своей жизни...

СНОВА НА ЛУНЕ?

НОСОВСКАЯ ПОЛКА

В детском зале книжного магазина, где я работаю, целая полка выделена советскому писателю Носову. Спрос устойчиво высокий. Лидируют книги про Незнайку. Этот одетый как стилига персонаж ростом с огурец вот уже полвека не выходит из моды, а это что-нибудь да значит. Не растворимая рынком часть советского сознания? Внутри-семейная память поколений? Или что-то ещё? Лидером же продаж уже из книг о Незнайке является именно роман о приключениях на Луне, потому что там описывается реальность, а не модель аграрной или технократической утопии, как в остальных книгах. Запечатлен капитализм, а точнее, современные Носову США. Отдельные детали писатель прямо позаимствовал из доступной ему тогда американской литературы. Например, костюм, который по очереди надевают лунные коротышки, чтобы пройти дресс-код в привилегированную часть города, попал в роман из раннего рассказа Брэдбери, опубликованного в «Иностранной литературе».

Во всех носовских книгах Незайка это герой, который, запуская сюжет, тестирует общество на гуманизм своим не вполне социальным и авантюрным поведением. Потому никакого другого места, кроме «тестирующей» роли, этот «лишний человек» и не имеет.

Актуальнейший Михаил Елизаров в своей новой книге «Бураттини» посвятил этому герою едва ли не самую интересную главу о взаимоотношениях мифологического и социалистического. И модный журнал «Большой город» цитирует Носова, чтобы точнее описать типажи современных москвичей.

Но что всё же делать с этими детскими антибуржуазными книгами? Не читать их детям, чтобы они спокойно выросли эффективными менеджерами? Перестать издавать? Объяснять ребенку «какое было время»? Но тогда

придётся объяснить, что именно на носовской Луне «неправда» или какой именно «правды» там не хватает, и тут мы рискуем запутаться в собственном отношении к капитализму.

ВИНА СОВЕТСКИХ КНИГ

С недавних пор это стало последним аргументом наших неолибералов, мол, вот рисовали нам капитализм как оскорбляющую человеческое достоинство систему, разменивающую на деньги любой смысл жизни, и потому у нас именно такой капитализм и получился. Эту наивную аргументацию часто можно слышать из уст Хакамады, Латыниной, Сванидзе или Льва Рубинштейна. То есть в том, что наш капитализм дикий и не имеет внутри себя никакого почти ограничения рыночных интересов, виновата, оказывается, советская пропаганда и книги вроде «Незнайки на Луне». Именно там, наглядно и в деталях, мы видим пошлейшую систему с олигархической конкуренцией, финансовыми пирамидами, неременной государственной и частной ложью и рейдерскими перехватами чужого бизнеса.

Другие бы книги читали в детстве, другой бы и капитализм получился? Такая поразительная вера в силу слова и текста как первичных начал по отношению к любым производственным и обменным связям, не объясняет, к сожалению, почему наша версия рыночного общества так близка мексиканской или турецкой его разновидностям. Главная разница — всеобщая грамотность, всё остальное сопоставимо. В Мехико и Стамбуле тоже слишком любили советскую пропаганду? Есть валлерстайновское мнение, что у любой страны имеется место в миросистеме, и это место, экономическая роль, и задает внутренний политический и даже культурный климат, эта роль определяет границу между «возможным» и «несбыточным» в каждом конкретном обществе. Но такое мнение кажется марксистским бредом сторонникам теории дурного влияния советской пропаганды.

Случайно включишь шоу Кургиняна и Сванидзе и узнаешь, что из позвонивших в студию семидесяти примерно тысяч человек в девять раз больше тех, кто желает капитализму гибели в самом ближайшем будущем, да и задумаешься, только ли в телезрительской «ностальгии» тут дело? А посмотришь «Елену» Звягинцева и яснее становятся вполне современные мотивы звонивших. Чтобы не расстраиваться, я хочу знать как можно меньше об «особом пути», который предлагает абсолютное большинство позвонивших «вместо капитализма».

«Я буду жаловаться!» -- кричит Незнайка, когда его воздушный шар падает. Кому? Государству, которого нет у коротышек? Богу, о котором они не упоминают? Судьбе?

Надежда на патернализм приобрела у нас космический масштаб и превратилась из доверия в требовательность к миру, как будто вселенная это одно

большое, созданное неизвестно кем, социальное государство, а личная судьба это получение льгот. В политически парализованном обществе, где каждый мечтает однажды пожаловаться «сильному» и заранее готов ненавидеть «сильного» за его равнодушие, мало кто помнит, откуда взялись второй выходной, гарантированный отпуск, восьмичасовой рабочий день, и сколько пороха и крови было потрачено в борьбе за эти «популистские» и «угрожавшие экономической эффективности» права. Зачем об этом знать в стране, пропитанной усыпляющей нефтью? Эта липкая жидкость выедаёт историческую память и социальную ответственность.

У НАС ЗАКОНЧИЛСЯ ЛУНИТ

Некоторые постоянные посетители детского отдела нашего магазина играют, например, вот в такую литературную игру, известную с древнегреческих времен, — родители и дети пишут письма от имени одного понравившегося героя к другому, а потом сравнивают, у кого что получилось. Вот, например, что написали отец и восьмилетняя дочь после прочтения «Незнайки на Луне»:

Письмо девочки:

«Здравствуй, Козлик. У меня всё хорошо, правда я чуть не умер от болезни, которая развилась от тоски по земле. Хорошо что Пилюлькин это в последний момент остановил. Надеюсь, у тебя тоже всё в порядке. У нас закончился лунит и ракета не в порядке. Ремонтировать её без невесомости мы не можем и другую строить тоже не можем. Так что привезите нам невесомости. У вас там её очень много!»

Письмо отца:

«Здравствуй, Козлик, вспоминаю тебя всякий раз, когда вижу Луну на небе. Как ты там? Надеюсь, что даже во сне ты не становишься барашком ни на минуту, и острова, где мы с тобой катались на каруселях, больше, надеюсь, нет. Что поделявают у вас бывшие полицейские и бывшие богачи, удалось ли их приспособить к полезному труду, или они до сих пор шляются без дела? Взошли ли все семена наших гигантских растений или некоторые из них не прижились в лунном грунте?»

У меня много нового. Во-первых, я пишу книгу о своих, а точнее, о наших с тобой, лунных приключениях. В Солнечном Городе есть художник, механик, ученый, врач, но нет ни одного писателя, который бы увлекательно описал всю нашу жизнь, и из книг которого могли бы узнать о нас будущие коротышки. Я решил занять это место и вчера уже читал первые главы своих мемуаров собравшимся на поляне после работы коротышкам. Селёдочке и

Фуксии понравилось, а Знайка мою книгу раскритиковал, сказав, что в ней слишком много про меня, а остальных коротышек почти и не видно. Но это он завидует просто, я же не виноват, что я самый интересный коротышка во всём нашем городе. А чтобы показать, что я не хваста какой-нибудь и слава мне не нужна, я пообещал себе взять псевдоним и опубликовать книгу, когда закончу, под чужой фамилией. На это Знайка сказал, чтобы я нос-то слишком сильно не задирал, а я ему ответил, что раз он так говорит, то и возьму себе псевдоним «Носов», чтобы с носом Знайку оставить.

В моей книге будет глава «Новая жизнь на Луне», поэтому пиши мне все ваши новости как можно подробнее и шли космической почтой, а я тебе за это прямо в книге объявлю благодарность. Но ещё лучше мне бы к вам прилететь ещё разок и увидеть все перемены самому, надеюсь, это получится, если мне удастся убедить руководство ближайшей экспедиции в том, что им обязательно нужен свой талантливый писатель в экипаже, чтобы прославить их полёт на весь мир.

Очень надеюсь вновь вскоре увидеться с тобой и другими своими лунными друзьями, передавай им всем привет при встрече, твой друг и первый писатель цветочного города — Незнайка («Носов»).

Удивительно, насколько эти письма различаются и являются портретами пишущих. Какие проблемы волнуют ребенка? Собственное здоровье (решение — доктор), связанное с родной средой (консервативная детская зависимость от своего места, семьи и т.п.). Исчерпанность энергоресурса и следующий из неё технологический коллапс (решение — космическое вмешательство другого мира, который возобновит поставки истраченной землянами энергии). «Лунит» есть всесильная обобщенная нефть. Социальность, которой переполнен роман, никак в письме не проступает. Интересно, почему? Потому ли, что в восемь лет социальность не является интригующей? Человек становится общественным существом за пределами семейного микрокосма только после десяти? Или потому, что капитализм давно не экзотика, ибо вся эта «Луна» видна ребенку в телевизоре, на улице, в разговорах взрослых и на каждом фантике от шоколадки?

Что волнует отца? Во-первых, социальная проблема: что делают с «бывшими» представителями власти и владельцами капитала (решение неизвестно). Расторжима ли связь между социализмом и репрессивностью? Во-вторых, собственный успех — нужно занять место в обществе, даже, может быть, создать это «место», и посрамить всех оппонентов. Т.е. в обоих случаях его волнует положение тех, кто ещё вчера не имел (или вдруг утратил) никакого статуса, доступность социального лифта.

Что воспитывает такая игра? С одной стороны, она учит перевоплощению, психологической пластичности, полезной для сочинителя, актера, художника и просто полезной, чтобы уметь посмотреть на ситуацию глазами другого. С другой стороны, она дает более глубокое, чем при обычном чтении,

переживание прочитанного текста. Греки делали в ликеях акцент на своей истории и писали письма Одиссея к жене или Телемака к Одиссею. И со стороны третьей, ребенком осваивается эпистолярный жанр, т.е. форма последовательного рассказа о себе и вопросов к другому, приводящая в порядок сознание пишущего.

МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ КАПИТАЛИЗМА

Тема крошечных людей всегда будет нравится детям. Приятно знать, что ты не самый маленький. Вот и в новом японском мультфильме культовой студии «Хибли» про Ариэтти, снятом по известной детской книге Мэри Нортон, тоже говорится про маленьких, но не таких веселых, как у Носова, человечков. Это история семьи нелегальных эмигрантов (лица у них совсем не японские), которых официально нет и которые вынуждены «одадживать» необходимые им вещи у тех, кто официально существует. Главная проблема мультфильма — достаточно ли мы счастливы для того, чтобы делиться с кем-то чем-то, не требуя ничего взамен? Против нелегалов выступает наименее образованный и стоящий ниже всех представитель разрешенного мира — служанка, на которой большая часть физической работы в доме. Те, кто повыше классом, проявляют гораздо большую толерантность, терпимость и даже романтизируют «добываек». Лучше всех к ним относится тот, кто особо остро ощущает ценность жизни т.к. сам может в любой момент умереть — мальчик с больным сердцем. Однако, долгое сосуществование невозможно и старинная (викторианский кукольный дом) мечта о социальном симбиозе и интеграции неосуществима. Нелегалы отбывают в свой мир, к дикарям с расписными лицами, делая реальность полярной и однозначной.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Что есть ценного в «Незнайке» в сравнении с миром «Ариэтти»? Опыт реального социализма и коммунистической мечты, позволяющий взглянуть на рыночную систему извне. Незнайка не знает, что такое деньги и реклама. Они возможны только на небесном теле, по-капиталистически присваивающем себе чужой, производимый солнцем свет.

Маленькие человечки из «Ариэтти», повстречай они коротышек из «цветочного» города, были бы поражены «экономикой дружбы», а не выживания или «тайного одадживания», к которой они привыкли. Мир добровольного, а не наемного труда и всеобщий легальный доступ всех ко всему стал бы для них другой планетой и откровением. В мире «Ариэтти», как и на носовской «Луне», т.е. везде при капитализме, маленькие человечки стареют, умирают, болеют, тогда как носовский коммунизм во всех его «цветочных» и «солнечных» версиях это вечно молодое бессмертие коротышек. Они асексуальны и никогда не станут взрослыми.

«Лунный» роман Носова -- неплохой способ объяснить младшему школьнику, как устроен капитализм, кто такие олигархи, в чем принцип акционерного общества, как функционирует банк, откуда берется безработица и криминал и т.п. Там не хватает только новых, гибких и дистанционных форм самопродажи, потеснивших сегодня классический конвейерный «фордизм».

В ОЖИДАНИИ ВТОРЖЕНИЯ

Ни один текст нельзя понять без его «ситуации происхождения». Романы Носова, конечно, были попыткой придать социализму живое, человеческое лицо — общий тренд оттепели на создание более привлекательной советской массовой культуры.

Но в «лунном» романе есть и другая сторона, не столь милая и бесспорная.

Это антропологический пессимизм и возврат к романтическому неверию в самоорганизацию людей. Там сказана самая страшная правда (или самая вредная неправда?) о капитализме.

Переход «лунных коротышек» к «экономике дружбы» происходит только после вторжения в их мир более развитых инопланетных существ, обладающих непобедимой технологией антигравитации, заставляющей полицейских при выстреле подниматься в воздух и лететь куда подалее. Т.е. без прилёта Знайки и земного десанта на Луне навсегда бы остался капитализм американского образца. Мейн-стрит так никогда бы и не победило Уолл-Стрит. Это классическое явление героя, потустороннее вмешательство, ожиданием которого полна вся домарксистская культура человечества.

Точно так же в современной западной массовой культуре любой «революционер» паранормален, т.е. имеет волшебное происхождение. В комиксах про «Вендетту» явившийся из смертельного огня идеальный бунтарь Гай Фокс, взорвавший парламент, — результат вышедших из-под контроля секретных разработок тоталитарного правительства. Лидер сопротивления в «Терминаторах» создан парадоксальным зовом из возможного будущего. Нео в «Матрице» — «избранный» неизвестно кем лидер сопротивления машинам и т.п.

Согласно Носову общество «позднего капитализма» не способно измениться само. Есть ли внутри «лунной» повседневности признаки обратного? Их нет. Тамошние коротышки создают нечто вроде профсоюза крутильщиков водяной карусели, но вся их деятельность — минимальная взаимопомощь, амортизация незавидной судьбы простых работяг и ничего более.

Этот диагноз можно трактовать двояко. Если конкретно-исторически, то перед нами моральное оправдание возможного советско-кубинского десанта в США, т.е. возрождение идеи экспорта революции. Советский человек мечтал приземлиться по ту сторону океана и помочь там всем трудящимся, растоптаным копытами золотого тельца, применив антигравитацию как идеальное оружие против полицейских.

Если же отвлечься от исторической реальности карибского кризиса, то получится, что у Носова нет ни малейшей веры в возможность масс изменить свою жизнь в товарном обществе. Эта система, при всех её проблемах, стабильна, она воспроизводится, и никакой революции внутри неё не зреет. Напрашивается чисто идеалистический, почти религиозный, вывод — только приход существ из другого мира может что-то всерьез изменить. В позднем капитализме не возникает организации, субъекта, который мог бы изнутри менять систему. Этот тип цивилизации не производит исторической альтернативы самому себе. Остается романтично надеяться и мистически уповать на сверхчеловека и пришельца, способных изменить нас самих. Это политическое ожидание «бога из машины».

С подобной констатации, кстати, и начался в 1930-ых годах «неомарксизм». Хоркхаймер признал, что капитализм, не изменив своей базовой механики, надолго решил своё главное структурное противоречие, и западное общество становится одномерным, не способным к качественной трансформации и даже к серьезной политической мечте о такой трансформации. Для человека позднего капитализма так же затруднительно помыслить реальную альтернативу этому строю, как для трёхмерных существ сложно наглядно себе представить четвертое измерение. Такое общество полностью управляемо инструментальной рациональностью «экономических людей», и вся альтернативность в нём принимает форму безобидных субкультурных экспериментов. Неомарксистами прогнозировался исторический откат и испарение эволюционных претензий при небывалом технологическом и потребительском росте. Все дальнейшие критические концепции левых — репрессивная толерантность, общество спектакля, биополитика — следуют из этого анализа. В детской книге Носова «биополитика» упрощена до описания острова, где с наиболее подверженными рекламному манипулированию коротышками происходит регрессивная мутация к животным, оперативное «расчеловечивание».

ЛИЧНОЕ ОТВРАЩЕНИЕ

Я помню неожиданный холодок незнакомого доселе омерзения, пробежавший по коже при первом чтении «Незнайки на Луне», когда мне было лет восемь. Передо мной впервые ощутимо предстал лунный «экономический человек» во всей его тошнотворной непристойности.

Кто-то внутри меня содрогнулся, впервые столкнувшись с неотразимой отвратительностью реального капитализма. Это был тот внутри меня, кто потом так часто и с таким ослиным упрямством говорил «нет» наступлению товарного фетишизма «экономических людей» с их бесстыдной ложью, показным цинизмом, патологическим самолюбованием и обнаженным до порнографичности частным (т.е. антиобщественным) интересом.

Всегда, когда говоришь «я», имеешь в виду кого-то внутри, кто отвечает именно за этот момент твоей жизни. Человек никогда ни во что не включен

полностью, он не бывает абсолютно согласен или без остатка в протесте, и это психологический ресурс «альтернативности», толкающей нас изнутри и движущей нашу общую историю. Читая во втором классе про Луну, я впервые почувствовал сопротивление и ненависть к той части себя, которая могла бы согласиться на капитализм при условии достойной доли в его прибылях.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПЛОХИША

В пятом классе одной из лучших московских школ, куда берут только по очень сложному конкурсу, есть, конечно, и мальчик, которого «нельзя было не взять». Внеконкурсный. Сын крупных чиновников. Если в трёх словах, то он толстый, жадный и заносчивый. В учёбе безнадежен и потому не особенно-то счастлив среди детей, тяготеющих к научному пониманию реальности. Это странно, я думал, что все дети нынешних богачей сплошь маленькие набоковы из «Других Берегов» -- утонченные всезнайки, вокруг которых с детства вились личные учителя, открывавшие их таланты. Но нет, парень сразу же заслужил в классе прозвище «Плохиш», а школьные успехи пытается заменить тем, что постоянно хвастает новейшими гаджетами, моднейшими «прибамбасами» или просто деньгами.

Накануне своего Дня рождения он гордо вручил одноклассникам приглашения с программой праздника: всех повезут на автобусе за город, где детей ждёт катание на лыжах с ледяных гор в закрытом павильоне, концерт, фейерверки и, наконец, пейнтбол. Все радостно согласились туда отправиться, несмотря на то, что друзей в классе у Плохиша нет.

Пейнтбол это когда дети, разделившись на две команды, бегают по лесу в камуфляже и стеклянных масках и стреляют друг в друга шариками с краской. До начала военной игры, сразу после инструктора, перед командой «условного противника» выступил и сам именинник. «Предупреждаю — сказал он очень уверенно, встав в решительную пацанскую позу — если в игре кто-то попадет в меня, он будет немедленно с моего Дня Рождения удалён!». Дети молча приняли это новое правило к сведению.

В первую же минуту игры обе команды расстреляли желтой и оранжевой краской пораженного именинника, с которым от этого сделалась истерика. День рождения закончился несколько раньше обещанного, и всех приглашенных детей охранники быстро отвели в автобус. Плохиш остался на своем празднике один, весь в подарках и слезах. В таком положении ему будет легко раз и навсегда поверить в любимый миф либералов о завистливой и посредственной толпе, топчущей выдающихся личностей. В его высокопоставленной семье решают теперь, стоит ли оставаться в школе со столь неблагодарными и подлыми одноклассниками?

Этот случай кажется мне настолько универсальной отмычкой к пониманию нашей общей социальной ситуации, что хочется бесконечно задавать вопросы и отвечать на них.

Во-первых, почему Плохиш копирует худшие черты взрослых вместо того, чтобы воспользоваться своими редкими стартовыми возможностями и действительно стать тем, кто очевидно «круче» окружающих?

Может быть, потому что он из чиновников, а не из настоящих буржуа? Т.е. источник дохода его семьи есть простая монетизация государственной должности, а вовсе не собственная экономическая креативность.

С либеральной точки зрения во всем виновата именно коррупция, изначально неравные правила игры, которые с рождения известны ребенку и заменяют Плохишу всякую надобность в развитии. Если бы коррупции не было, то учился бы он совсем в другой школе, например, в частной, где все были бы более или менее такие же как он, классово близкие, и конкурировать пришлось бы в спорте, творчестве или учебе, а не в потреблении.

Сейчас есть четыре фигуры власти: Бизнесмен (экономическая власть над производством и обменом), Чиновник (власть административная), Военный (власть как организованное вооруженное насилие), Властитель дум (он же проповедник, идеолог, источник общего языка и т.п.). И есть два вопроса. Первый: как, по-вашему, эти фигуры расположены друг над другом сейчас, кто кому подчинен? Ответив на этот вопрос, вы обнаруживаете своё политическое видение системы. И второй вопрос: как эти фигуры должны быть расположены в мире вашей мечты, кто кому должен подчиняться? Ответив на этот вопрос, вы обнаруживаете свою политическую программу. Что именно говорит проповедник, защищают военные, продает бизнесмен, чем именно управляет чиновник, конечно, важно, но только во-вторых. Гораздо важнее сама лестница. Правила игры: ставить больше одной фигуры на одну ступень нельзя. Говорить, что одна фигура переходит в другую, и между ними нет четкой границы, тоже нельзя. Я расставил их именно так, как я представляю себе современную развитую капиталистическую систему (первый мир). На полупериферии (во втором мире) чиновник может подчинять бизнесмена и на этом основании

ТАКОЙ МИР ПРЕЗРИТЕЛЬНО СЧИТАЮТ НЕДОРАЗВИТЫМ. На периферии (ТРЕТИЙ МИР) ВОЕННЫЙ МОЖЕТ СТАТЬ ГЛАВНЫМ ИЗ ЧЕТЫРЕХ, А В САМЫХ АДСКИХ ЗОНАХ ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ (СВЯЩЕННИК В КОНКРЕТНОМ СЛУЧАЕ) МОЖЕТ СТАТЬ ВЫШЕ ВСЕХ. Но согласно диалектической логике развития по татлинской спирали, у властителя дум (только у ученого, а не у священника) ПЯВЛЯЕТСЯ ШАНС ВСТАТЬ НАД БИЗНЕСМЕНОМ И В ПЕРВОМ МИРЕ, КОГДА ЭТОТ САМЫЙ МИР СОВЕРШИТ НОВЫЙ КАЧЕСТВЕННЫЙ СКАЧОК.

Но можно посмотреть на классовые привилегии и более глубоко и исторично. Так уж ли важно, что Плохиш — отпрыск именно чиновников, а не бизнесменов?

Классовое неравенство появилось не вчера и все мы привыкли к тому, что одни люди имеют больше возможностей вне зависимости от своих способностей и пользы для окружающих. Откуда вообще взялось неравенство? Что лежит в его корне, власть или капитал? Все ли помнят, что само слово «капитал» происходит от древнеримского понятия «поголовье», включавшего в себя принадлежащих хозяину дома животных, рабов, «клиентов», домочадцев и нанятых охранников?

ВАЖНЕЙШИЙ ВОПРОС РОДОПЛЕМЕННОГО СТРОЯ «СКОЛЬКО У ТЕБЯ НАДЕЖНЫХ РОДСТВЕННИКОВ?» СМЕНИЛСЯ ВОПРОСОМ «СКОЛЬКО У ТЕБЯ РАБОВ И КЛИЕНТОВ?», ЗАТЕМ ВОПРОСОМ «СКОЛЬКО У ТЕБЯ ВАССАЛОВ?» И, НАКОНЕЦ, СОВРЕМЕННЫМ ВОПРОСОМ «СКОЛЬКИХ ЛЮДЕЙ ТЫ МОЖЕШЬ НАНЯТЬ?» ИЛИ «СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ СЕЙЧАС НА ТЕБЯ РАБОТАЮТ?». С точки зрения левых прогрессистов, главный вопрос в будущем обществе: «СКОЛЬКИМ ЛЮДЯМ ИНТЕРЕСНО С ТОБОЙ СОТРУДНИЧАТЬ?».

Это давняя полемика анархистских и марксистских мыслителей об истоках и причинах власти человека над человеком. Те, кому лучше удалось организовать насилие, быстро обросли собственностью и закрепили её в праве наследования, или же первичное накопление излишков производства позволило самым бережливым подкупить соплеменников, поставить их себе на службу и выстроить первую иерархию? Вечный спор об этом важен, потому что ответ на него есть одновременно и самый общий рецепт лекарства от неравенства.

ГОСУДАРСТВО ВОЗНИКЛО ИЗ РЭКЕТА. Одни люди навязали другим гарантию защиты от самих себя в обмен на фиксированную выплату доли продукта. Означает ли это, что фиксированное и неравноценное разделение общего продукта возникло раньше, чем этого потребовало первое государство?

Из этой полемики можно выкрутиться, предположив универсальную форму господства, запустившую механизм воспроизводства неравенства и одинаково связанную и с суверенным насилием и с наследуемой собственностью. И тогда власть и капитал есть две стороны одного и того же ограничения элитой нашего доступа к ресурсам и результатам общего труда.

Во-вторых, почему все дети согласились ехать на праздник к Плохишу? Что за плебейское поведение? От пусть маленьких, но умников можно было ждать большего. А именно, вежливого отказа или спокойного «игнора» чужих праздников.

Как обычно в этом классе празднуют дни рождения? Приглашают нескольких близких друзей домой или более широкий круг знакомых в кафе. Одноклассники Плохиша не из нищих семей, их родители — сплошь столичные интеллигенты из среднего класса. Ну кроме, может быть, пары семей хиппи, принципиально отрицающих всё потребительское, но именно их дети как раз и сомневались до последнего, ехать к Плохишу на праздник или нет? Зато палить в именинника краской дети этих аскетичных пацифистов начали одними из первых.

Почему так легко победило радужное сияние халявы? Как так просто включился инстинкт толпы, заставляющий идти туда, где сегодня бесплатно развлекают и угощают, какая разница, кто?

Эти вопросы внушают некоторый антропологический пессимизм. Но, в конце концов, они просто десятилетние дети, и у них нет ощущения, что они должны отвечать на приглашение Плохиша какой-то особой и неприятной лояльностью. Они ещё не знают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке или при коммунизме, который, как известно теперь каждому взрослому, есть вредная утопия ленивых и завистливых людей.

В-третьих, как произошел столь быстрый и дружный отказ от предложенного контракта? Ведь никто вслух не возразил Плохишу, когда он вводил новое неписанное правило пейнтбола: «в меня не стреляют!».

У них внутри было чувство, что они ничего Плохишу не должны. Скрытое презрение к хозяину положения и ирония к его требованиям никогда не исчезают в нас полностью, всегда хранятся где-то в коллективном сознании. Тот, кто нарушил «правила игры» может получить симметричное нарушение в ответ. Возможность бунта сохраняется всегда, и справедливость может быть восстановлена в любой удобный для большинства момент.

Первыми начали стрелять в Плохиша, конечно, «условно чужие» -- те, кто по правилам имели на это право, но тут же подключились и «условно свои». Их вело желание не отстать от общего бунта, начатого «той» стороной, понявшей, что победа исключена и соревнование рискует стать охотой Плохиша. Игра в войну между двумя командами детей мгновенно превратилась в другую игру: расстрел того, кто поставил себя выше остальных. Экстаз общности, который дают нам война и революция, легко превращаемые друг в друга. Только участвуя в военной машине, человек получает шанс отказаться от «селф», самости, полностью совпасть с функцией. Но если, пройдя этот опыт, он возвращает себе самого себя, не выпуская из рук оружия, война превращается в революцию.

Такое чувство отсутствия обязательств перед самопровозглашенной элитой с точки зрения самой этой элиты есть, конечно, подлая неблагодарность холопов, готовых кусать руку дающего.

Или имело смысл соглашаться с именинником? Играть, делая вид, что он невидимка, раз уж он этого так хочет? Сделала бы такая привилегия его счастливым? Впрочем, это было бы сложно, ведь у него в руках осталось оружие и возможность свободно поражать всех, обеспечивая гарантированный выигрыш «своей» команде. Те из «своих», кто в итоге стреляли в Плохиша, отказались от нечестной победы ради равенства возможностей.

У вас нет шансов победить, если вы примете озвученные только что «неправильные правила», и ваш бунт начинается с отказа играть без расчета на победу.

Чем формальное равенство отличается от равенства реального? Мы все должны делать вид, что ведем себя свободно, не имея такой свободы. Этот вечный зазор между декларацией и реальным поведением даёт нам вечное же основание для бунта. Чтобы начать революцию, часто нужно просто всерьез прочитать Конституцию или другую декларацию собственных прав. Перестаем делать вид, что всё идёт по правилам, чтобы всё пошло, наконец, по правилам. Но по законам диалектики именно в этот момент вся игра и становится принципиально иной, и правила изобретаются заново.

Чистое господство элит в традиционных обществах не нуждалось в лукавой имитации свободы граждан и не создавало столь явных оснований для возможного бунтарства. Не было деструктивного зазора между тем, что мы реально делаем, и тем, что мы при этом изображаем. Такие общества были гораздо устойчивее, но они не производили личностей и не нуждались в них за пределами 1% господ, принимающих все решения. Рост доступа к образованию стал одним из способов размыть эти границы.

Повели бы себя так же ученики другой школы, дети с несколько меньшим ай кью? Насколько связан интеллект с самоуважением и со способностью к коллективным действиям? И откуда всё же это бунтарское самоуважение вдруг взялось, где оно дремало раньше, когда дети дружно соглашались отправиться на праздник к Плохишу?

Мне хочется думать, что ничего исключительного в таком поведении нет. Нормальная реакция. Был, конечно, тот, кто выстрелил первым, но через несколько секунд, когда стреляли все, этого уже нельзя было установить.

Может быть нам всем, взрослым людям, поучиться у этих детей и сделать с нашими Плохишами то же самое? Поставить их неуязвимость под сомнение. Или наша игра в пейнтбол ещё не началась?

СОДЕРЖАНИЕ

1. НАШЕ

- Диалектик Ильенков 4
Марсианская кровь 11
Сквозь синие стеклышки нигилизма 18
С Днем Рождения, Вождь! 23
90 лет в мавзолее 28
Наша революция 31
Что такое современный марксизм? 39
RAF — три красные буквы 47

2. КУЛЬТУРНЫЙ ФРОНТ

- Фассбиндер, богема, невроз, ритуал,
революционная организация и левая культура 60
Жизнь Пи -- атеизм невыносим? 64
Голодные игры: помни, кто твой настоящий враг! 67
Люси — эволюция продолжается? 74
Больше, чем поэты 78
Песенки для митингов 85
Протест в «Большом городе» 95

3. ЛИЧНОЕ

- Мой первый митинг 106
Мой Первомай 112
Знают дрозды... 119
«Торговля всем» 122
Май -- Абай 125
Оссуры Moscow? 133
Мой Евродруг 139
LONDON CALLING, или Чупа-чупс с марихуаной 145

4. ДЕТСКОЕ

- Ребенок как учитель 152
Детская мистика 157
Детские требования 163
Гимназисты 174
Снова на Луне? 179
День рождения плохиша 187

